ПРАКТИКУМ ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Учебное пособие

ВВЕДЕНИЕ

Динамизм современного общества – реальная примета времени. Изменения стремительны, нередко радикальны и касаются многих сторон жизнедеятельности общества в целом. Перестраивая окружающий мир, люди меняются сами: иными становятся их взгляды, идеалы, нормы поведения, оценки, интересы и потребности. Огромная роль в этом принадлежит информационным процессам, разворачивающимся в обществе.

Все эти процессы не могли не затронуть систему образования, являющегося очень важным ресурсом дальнейшего прогресса общества. Одна из задач образования – сделать процесс получения знаний качественным, современным и доступным для широких слоев общества.

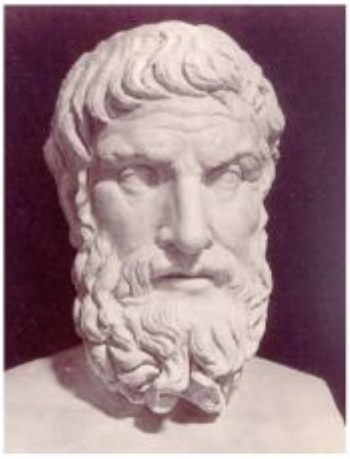
Одним из важнейших требований, сформулированных в новых образовательных стандартах для вузов, и имеющих отношение к выпускникам, является приобретение компетенций, т.е. способностей применять знания, умения и личностные качества, позволяющие осуществлять успешную деятельность в определенной области. Владение компетенциями предполагает способность и возможность не только обладать знаниями в области философии в рамках вузовской программы, но и уметь сформулировать свою личностную позицию по тому или иному вопросу, эту позицию аргументировать и, участвуя в диалоге быть убедительным в отстаивании своей позиции. Эта способность убеждать очень нужна в жизни каждому человеку и позволяет ему оставаться самим собой.

Практикум может использоваться при организации как аудиторной, так и внеаудиторной работы со студентами.

Тема 1. ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ

Работа с первоисточниками

Ознакомьтесь с представленными ниже текстами и ответьте на вопросы к ним.

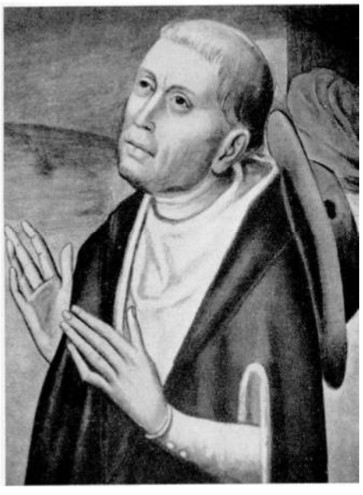

Эпикур (341-270 до н.э.) – древнегреческий философ. В Афинах основал философскую школу, получившую название «Сад Эпикура» *(Цит. по: Антология мировой философии: В 4 т. Т.1, Ч.1. – М.: «Мысль», 1969).*

Из письма к Менекею. Пусть никто в молодости не откладывает занятия философией, а в старости не устает заниматься философией: ведь никто не бывает ни недозрелым, ни перезрелым для здоровья души. Кто говорит, что еще не наступило или прошло время для занятия философией, тот похож на того, кто говорит, что для счастья или еще нет, или уже нет времени. Поэтому и юноше, и старцу следует заниматься философией: первому – для того чтобы, старея, быть молодым благами вследствие благодарного воспоминания о прошедшем, а второму – для того чтобы быть одновременно и молодым, и старым вследствие отсутствия страха перед будущим. Поэтому следует размышлять о том, что создает счастье, если действительно, когда оно есть, у нас все есть, а когда его нет, мы все делаем, чтобы его иметь [С. 354-355].

Вопросы:

1. Почему, с точки зрения Эпикура, следует заниматься философией в любом возрасте?
2. Согласны ли Вы с этим высказыванием древнегреческого мыслителя?

Кузанский Николай (1401-1464) – философ раннего Возрождения, теолог, ученый (*Цит. по: Кузанский Н. Охота за мудростью // Избр. произв.: В 2 т. Т.2. – М., 1980).*

Вложенное в нас природное влечение побуждает нас искать не только знания, но и мудрости (sapientiam), то есть питательного знания (sapidam scientam).

Нашей интеллектуальной природе, поскольку она живет, надо питаться, причем она не может подкрепляться ничем, кроме пищи духовной жизни, как и все живое кормится сообразной его жизни пищей; жизненный дух всегда

движим влечением – это движение и зовется жизнью – и сила духа жизни без восстановления свойственным ему питанием иссякнется и прекратится. [С. 347].

Вопросы:

1. Почему люди стремятся к мудрости по мнению Николая Кузанского?

Декарт Рене (1596-1650) – французский философ, физик, математик, физиолог Нового времени (*Цит. по: Декарт Р. Начала философии // Избр. произв. – М., 1950).*

Прежде всего я хотел бы выяснить, что такое философия, сделав почин с наиболее обычного, с того, например, что слово «философия» обозначает занятие мудростью и что под мудростью понимается не только благоразумие в делах, но также и совершенное знание всего того, что может познать человек; это же знание, которое направляет самую жизнь, служит сохранению здоровья, а также открытиям во всех науках. А чтобы философия стала такой, она необходимо должна быть выведена из первых причин так, чтобы тот, кто старается овладеть ею (что и значит, собственно, философствовать), начинал с исследования этих первых причин, именуемых началами. Для этих начал существует два требования. Во-первых, они должны быть столь ясны и самоочевидны, чтобы при внимательном рассмотрении человеческий ум не мог усомниться в их истинности; во-вторых, познание всего остального должно зависеть от них так, что хотя начала и могли бы быть познаны помимо познания прочих вещей, однако, обратно, эти последние не могли не быть познаны без знания начал. При этом необходимо понять, что здесь познание вещей из начал, от которых они зависят, выводится таким образом, что во всем ряду выводов нет ничего, что не было бы совершенно ясным. Вполне мудр в действительности один Бог, ибо ему свойственно совершенное знание всего; но и люди могут быть названы более или менее мудрыми, сообразно тому, как много или как мало они знают истин о важнейших предметах. С этим, я полагаю, согласятся все сведущие люди.

Затем я предложил бы обсудить полезность этой философии и вместе с тем доказал бы важность убеждения, что философия (поскольку она распространяется на все доступное для человеческого познания) одна только отличает нас от дикарей и варваров, и что каждый народ тем более гражданственен и образован, чем лучше в нем философствуют; поэтому нет для государства большего блага, как иметь истинных философов. Сверх того, любому человеку важно не только пользоваться близостью тех, кто предан душою этой науке, но поистине много лучше самим посвящать себя ей же, подобно тому, как несомненно предпочтительнее при

ходьбе пользоваться собственными глазами и благодаря им получать наслаждение от красок и цвета, нежели закрывать глаза и следовать на поводу у других; однако и это все же лучше, чем, закрыв глаза, отказываться от всякого постороннего руководства. Действительно, те, кто проводит жизнь без изучения философии, совершенно замкнули глаза и не заботятся открыть их; между тем удовольствие, которое мы получаем при созерцании вещей, видимых нашему глазу, отнюдь не сравнимо с тем удовольствием, какое доставляет нам познание того, что мы находим с помощью философии. К тому же для наших нравов и для жизненного уклада эта наука более необходима, чем пользование глазами для направления наших шагов. Неразумные животные, которые должны заботиться только о своем теле, непрерывно заняты лишь поисками пищи для него; для человека же, главною частью которого является ум, на первом месте должна стоять забота о снискании его истинной пищи – мудрости. Я твердо убежден, что очень многие не преминули бы это сделать, если бы только надеялись в том успеть и знали, как это осуществить. Нет такого самого последнего человека, который был бы так привязан к объектам чувств, что когда-нибудь не обратился бы от них к чему-то лучшему, хотя бы часто и не знал, в чем последнее состоит. Те, к кому судьба благосклонна, кто в избытке обладает здоровьем, почетом и богатством, не более других свободны от такого желания; я даже убежден, что они сильнее прочих тоскуют по благам более значительным и совершенным, чем те, какими они обладают. А такое высшее благо, как показывает даже и помимо света веры один природный разум, есть не что иное, как познание истины по ее первопричинам, то есть мудрость; занятие последнею и есть философия. [С. 411-413].

Вопросы:

1. Как Декарт определяет мудрость, и что должна сделать философия, чтобы стать мудростью?
2. В чем полезность философии для государства и для каждого человека в отдельности?

Кант Иммануил (1724-1804) – немецкий философ и ученый, родоначальник немецкой классической философии (*Цит. по: Кант И. Логика: Трактаты и письма. – М., 1980).*

Философия есть система философских знаний или рациональных знаний из понятий. Таково *школьное* понятие этой науки. По *мировому* же понятию (Weltbegriff) она есть наука о последних целях человеческого разума. Это высокое понятие сообщает философии *достоинство,* т.е. абсолютную ценность. И действительно, она есть то, что одно только и имеет *внутреннюю* ценность и впервые придает ценность всем других знаниям.

Ведь всегда спрашивают в конце концов: чему служит философствование и его конечная цель – сама философия, рассматриваемая согласно *школьному понятию?*

В этом схоластическом значении слово «философия» имеет в виду лишь *умение,* в смысле же ее мирового понятия – *полезность.* В первом смысле она есть, следовательно, *учение об умении;* в последнем – *учение о мудрости, законодательница разума,* и постольку философ – не виртуоз ума, но *законодатель.*

Виртуоз ума или, как его называет *Сократ, – филодокс,* стремится только к спекулятивному знанию, не обращая внимания на то, насколько содействует это знание последним целям человеческого разума: он дает правила применения разума для всевозможных произвольных целей. Практический философ – наставник мудрости учением и делом – есть философ в собственном смысле. Ибо философия есть идея совершенной мудрости, указывающей нам последние цели человеческого разума.

К философии по школьному понятию относятся две вещи: *во-первых,* достаточный запас рациональных знаний; *во-вторых,* систематическая связь этих знаний, или соединение их в идее целого.

Философия не только допускает такую строго систематическую связь, но и является единственной наукой, которая имеет систематическую связь в собственном смысле и придает всем другим наукам систематическое единство.

Что же касается философии по мировому понятию (in sensu cosmico), то ее можно назвать также *наукой о высшей максиме применения нашего разума,* поскольку под максимой разумеется внутренний принцип выбора между различными целями.

Ибо и в последнем значении философия есть наука об отношении всякого знания и всякого применения разума к конечной цели человеческого разума, которой, как высшей, подчинены все другие цели и в которой они должны образовать единство.

Сферу философии в этом всемирно-гражданском значении можно подвести под следующие вопросы:

1. Что я могу знать?
2. Что я должен делать?
3. На что я смею надеяться?
4. Что такое человек?

На первый вопрос отвечает *метафизика,* на второй – *мораль,* на третий – *религия* и на четвертый – *антропология.* Но в сущности, все это можно было бы свести к антропологии, ибо три первых вопроса относятся к последнему.

Итак, философ должен определить:

1) источники человеческого знания;

2) объем возможного и полезного применения всякого знания и, наконец;

3) границы разума.

Последнее есть нужнейшее, но также – пусть не огорчается филодокс – и труднейшее.

Философу требуются главным образом две вещи: 1) культура таланта и умения, чтобы применять их ко всевозможным целям; 2) навык в применении того или другого средства к каким-либо целям. То и другое должно соединяться, ибо без знаний никогда нельзя стать философом, но также и одни знания никогда не создают философов, если целесообразная связь всех знаний и навыков не образует единства и не возникает сознание соответствия этого единства высшим целям человеческого разума.

Вообще нельзя называть философом того, кто не может философствовать. Философствовать же можно научиться лишь благодаря упражнениям и самостоятельному применению разума.

Да и как, собственно, можно научиться философии? – Всякий философский мыслитель строит свое собственное здание (Werk), так сказать, на развалинах предыдущего, но и оно никогда не достигает такого состояния, чтобы стать прочным во всех своих частях. Поэтому философию нельзя изучать уже по той причине, что таковой *еще не существует.* Но если даже и предположить, что таковая *действительно имеется,* то все-таки ни один из тех, кто ее хотя и изучил, не мог бы сказать о себе, что он философ, потому что его знание философии всегда было бы лишь *субъективно-историческим.*

Иначе обстоит дело в математике. Эту науку вполне можно до известной степени изучить, ибо доказательства здесь столь очевидны, что каждый может в них убедиться; вместе с тем, в силу своей очевидности, она может, так сказать, сохраняться как *надежное и прочное учение.*

Напротив, кто хочет научиться философствовать, тот все системы философии должен рассматривать лишь как *историю применения* разума и как объект для упражнения своего философского таланта.

Следовательно, истинный философ как самостоятельный мыслитель должен применять свой разум свободно и оригинально, а не рабски подражательно. Но он не должен также применять свой разум *диалектически,* направляя его лишь на то, чтобы сообщить знаниям *видимость истины и мудрости.* Последнее есть занятие одних *софистов* и совершенно несовместимо с достоинством философа как знатока и учителя мудрости.

Ибо наука имеет внутреннюю истинную ценность лишь как *орган мудрости.* Но в качестве такового она также необходима для мудрости, так что можно утверждать: мудрость без науки есть лишь тень совершенства, которого нам никогда не достичь.

Ненавидящего науку ради любви к одной мудрости называют *мисологом.* Мисология обыкновенно возникает при отсутствии научных знаний и непременно связанного с этим своего рода тщеславия. Иногда же в

ошибку мисологии впадают и те, которые сначала с большим прилежанием и успехом отдавались наукам, но в конце концов во всех ее знаниях не нашли никакого удовлетворения.

Философия есть единственная наука, которая способна дать нам это внутреннее удовлетворение, ибо она как бы замыкает научный круг, и благодаря ей науки впервые только и получают порядок и связь.

Итак, для навыка к самостоятельному мышлению или философствованию нам следует обратить внимание больше на методы нашего применения разума, чем на сами положения, к которым мы пришли с помощью этих методов [С. 331-334].

Вопросы:

1. Как Кант определяет философию в «школьном понятии» и в «мировом понятии»; в чем отличие «филодокса» от философа?
2. Какие основные вопросы и задачи ставятся перед философией «во всемирно-гражданском значении»?
3. Можно ли научиться философии (по Канту)? Как научиться философствовать?
4. Кто такой «мисолог»?
5. Какова роль философии для конкретных наук?

Гете Иоганн Вольфганг (1749-1832) – немецкий поэт, естествоиспытатель и философ, обладал широким кругозором в истории философии (*Цит. по: Гёте И. В. Избр. филос. произв. – М., 1964).*

Каждому возрасту человека соответствует известная философия. Ребенок является реалистом: он также убежден в существовании груш и яблок, как и в своем собственном. Юноша, обуреваемый внутренними страстями, должен следить за собою. Забегая со своими чувствами вперед, он превращается в идеалиста. Напротив, у мужчины все основания стать скептиком. Он хорошо делает, когда сомневается, надлежащее ли средство выбрал он для своей цели. Перед поступком и во время поступка у него все основания сохранять подвижность рассудка, чтобы не сетовать потом на неправильный выбор. Старик же всегда будет тяготеть к мистицизму. Он видит, как много вещей зависит от случая: неразумное удается, разумное идет прахом, счастье и несчастье неожиданно уравновешивают друг друга. Так есть, так было, – и преклонный возраст находит успокоение в Том, который был, и есть, и будет. < >

От физика нельзя требовать, чтобы он был философом; но можно ожидать от него философского образования, достаточного для того, чтобы основательно отличать себя от мира и снова соединяться с ним в высшем смысле. Он должен образовать себе метод, согласный с наглядным

представлением; он должен остерегаться превращать наглядное представление в понятие, понятия в слова и обходиться с этими словами так, словно это предметы; он должен быть знаком с работой философа, чтобы доводить феномены вплоть до философской области.

От философа нельзя требовать, чтобы он был физиком, и тем не менее его воздействие на область физики и необходимо, и желательно. Для этого ему не нужны частности, нужно лишь понимание тех конечных пунктов, где эти частности сходятся.

Худшее, что только может постигнуть физику, как и некоторые иные науки, получается тогда, когда производное считают за первоначальное, и так как второе не могут *вывести* из первого, то пытаются *объяснить* его первым. Благодаря этому возникает бесконечная путаница, суесловие и постоянные усилия искать и находить лазейки, как только покажется где-нибудь истина, грозя приобрести власть…

Но если физик в состоянии дойти до познания того, что мы назвали первичным феноменом, – он обеспечен, а с ним и философ. Физик – так как он убеждается, что достиг границы своей науки, что он находится на той эмпирической высоте, откуда он, оглядываясь назад, может обозревать опыт на всех ступенях, а оборачиваясь вперед, если не вступать, то заглядывать в царство теории. Философ обеспечен потому, что из рук физика он принимает то последнее, что у него становится первым. Теперь он имеет право не заботиться о явлении, если понимать под последним все производное, как его можно найти в научно сопоставленном материале, или как оно в рассеянном и спутанном виде предстает перед нашими чувствами в эмпирических случаях. Если же он хочет пробежать и этот путь и не отказывается кинуть взгляд на единичное, он сделает это с удобством, тогда как при иной обработке он либо чересчур долго задерживается в промежуточных областях, либо слишком долго заглядывает туда, не получая о них точного знания. [С. 369, 136-137].

Вопросы:

1. Согласны ли Вы с утверждением Гёте о том, что «каждому возрасту человека соответствует известная философия»?

2. В чем заключается взаимная польза философии и физики?

Толстой Лев Николаевич (1828-1910) – великий русский писатель и мыслитель, значительное влияние уделял религиозно-нравственной проблематике *(Цит. по: 1) Антология мировой философии: В 4 т. Т.4. – М., «Мысль», 1969).*

Человек стремится, т.е. человек деятелен. – Куда направлена эта деятельность? Каким образом сделать эту деятельность свободною? – есть цель философии в истинном значении. Другими словами, философия есть наука жизни.

Чтобы точнее определить самую науку, определить надо стремление, которое даст нам понятие о ней.

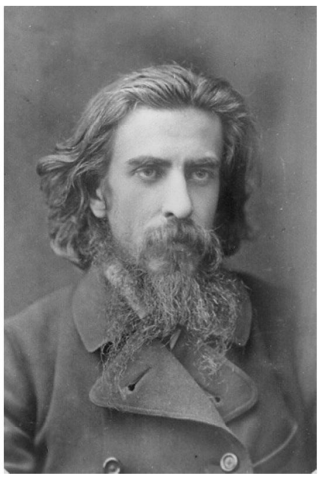
Стремление, которое находится во всем существующем и в человеке, есть сознание жизни и стремление к сохранению и усилению ее. [...]

И так, цель философии есть показать, каким образом человек должен образовать себя. – Но человек не один; он живет в обществе, следовательно, философия должна определить отношения человека к другим людям. – Ежели бы каждый стремился к своему благу, ища его вне себя, интересы частных лиц могли бы встречаться и отсюда беспорядок. Но ежели каждый человек будет стремиться к своему собственному усовершенствованию, то порядок никак не может нарушаться, ибо всякий будет делать для другого то, что он желает, чтобы другой делал для него. [...]

Для познания философии, т. е. знания, каким образом направлять естественное стремление к благосостоянию, вложенное в каждого человека, надобно образовать и постигнуть ту способность, которой человек может ограничивать стремление естественное, т. е. волю, потом все способности человека к достижению блага. – (Психология). Метод же для познания спекулятивной философии состоит в изучении психологии и законов природы, в развитии умственных способностей (математических), в упражнениях для легкости выражения мыслей, именно в определениях. – Метод же к изучению практической философии состоит в анализе всех вопросов, встречающихся в частной жизни, в точном использовании правил морали, в последовании законов природы [С. 445-447].

Вопросы:

1. Какова цель философии с точки зрения Л.Н. Толстого?

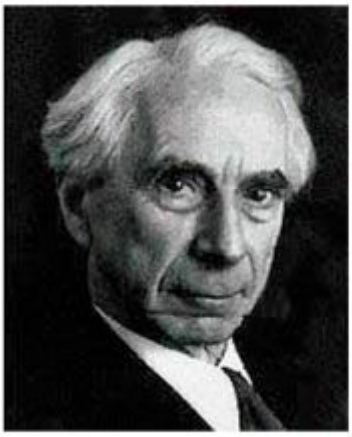
Соловьев Владимир Сергеевич (1853-1900) – русский религиозный философ, публицист и поэт, оказал большое влияние на развитие русской философии (*Цит. по: Антология мировой философии: В 4 т. Т.4. – М.: «Мысль», 1969).*

Оправдание добра. НРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ. [...] Никаких самостоятельных экономических законов, никакой экономической необходимости нет и быть не может, потому что явления хозяйственного порядка мыслимы только как деятельность человека – существа нравственного и способного подчинять все свои действия мотивам чистого добра. Самостоятельный и безусловный закон для человека, как такого, один – нравственный и необходимость одна – нравственная. Особенность и самостоятельность хозяйственной формы отношений заключается не в том, что она имеет свои роковые законы, а в том, что она представляет по существу своих отношений особое своеобразное поприще для применения единого нравственного закона, как земля

отличается от других планет не тем, что имеет какой-нибудь свой самобытный источник света (чего у нее в действительности нет), а только тем, что по своему месту в солнечной системе она особым определенным образом воспринимает и отражает единый общий свет солнца [С. 465].

Вопросы:

1. Какая основная мысль приведенного отрывка?
2. Согласны ли Вы с данным утверждением В.С. Соловьева (ответ обоснуйте)?

Рассел Бертран (1872-1970) – английский философ, логик, математик, социолог. Представитель неопозитивизма (*Цит. по: Рассел Б. История западной философии. – М., 1969).*

Разделен ли мир на дух и материю, и если да, то что такое дух и что такое материя? Подчинен ли дух материи или он обладает независимыми способностями? Имеет ли вселенная какое-либо единство или цель? Развивается ли вселенная по направлению к некоторой цели? Действительно ли существуют законы природы или мы просто верим в них благодаря лишь присущей нам склонности к порядку? Является ли человек тем, чем он кажется астроному, – крошечным комочком смеси углерода и воды, бессильно копошащимся на маленькой второстепенной планете? Или же человек является тем, чем он представляется Гамлету? А может быть он является и тем и другим одновременно. Существуют ли возвышенный и низменный образы жизни, или же все образы жизни являются только тщетой? Если же существует образ жизни, который является возвышенным, то в чем он состоит и как его достичь? Нужно ли добру быть вечным, чтобы заслуживать высокой оценки, или же к добру нужно стремиться, даже если вселенная неотвратимо движется к гибели. Исследовать эти вопросы, если не отвечать на них, – дело философии [С. 7-8].

Вопросы:

1. Какие проблемы исследует философия?
2. Какие из этих проблем Вас заинтересовали?

Тема 2. ДРЕВНЕВОСТОЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УПАНИШАДЫ – древнеиндийские произведения религиозно-философского характера, примыкающие к Ведам как объяснение их тайного внутреннего смысла (*Цит. по: Упанишады // Антология мировой философии: В 4 т. Т.1. – М.: Мысль, 1969).*

Мудрые ... не ищут здесь постоянного среди непостоянных [вещей] (Катха П. 1.2).

Поистине из пищи возникают существа – Те, которые пребывают на земле; Затем пищей они и живут, И в нее же они входят под конец, Ибо пища – старейшее из существ (ТайттирияII. 2.1).

Весь этот мир, что существует, движется в жизненном дыхании, [из которого он] вышел (Катха II. 3. 2).

Вначале этот [мир] был водой. Эта вода сотворила действительное, действительное – это Брахман (Брихад. V.5.1)…

Брахман возник первым из богов, творец всего, хранитель мира (Мундака 1.1.1).

Поистине это было вначале одним атманом. Не было ничего другого, что бы мигало. Он подумал: «Теперь я создам миры». Он создал эти миры (Айтарея 1.1.1-2).

Поистине от чего рождаются эти существа, чем живут рожденные, во что они входят умирая, то и стремись распознать, то и есть Брахман (Тайттнрия III. 1.1)…

[Следует почитать атмана] как целое, являемое в частях, как тождественное самому себе (Чханд. V.18.1)…

Кто знает: «Я есмь Брахман», тот становится всем [сущим]. И даже боги не могут помешать ему в этом, ибо он становится их атманом. Кто же почитает другое божество и говорит: «Оно – одно, а я – другое», тот не обладает знанием (Брихад. 1.4.10).

Он, этот атман, [определяется так]: «Не [это], не [это]». Он непостижим, ибо не постигается; неразрушим, ибо не разрушается; неприкрепляем, ибо не прикрепляется; не связан, не колеблется, не терпит зла (Брихад. III. 9.26)…

Как единый огонь, проникнув в мир, уподобляется каждому образу, так же и единый атман во всех существах уподобляется каждому образу, [оставаясь] вне [их]. Как единый ветер, проникнув в мир, уподобляется каждому образу, так же и единый атман во всех существах уподобляется каждому образу, [оставаясь] вне [их]. Как солнце, глаз всего мира, не оскверняется внешними пороками, [зримыми для] глаз, так же и единый атман во всех существах не оскверняется мирским злом, [оставаясь] вне [его] (Катха II. 2. 9-11)…

Поистине из этого атмана возникло пространство, из пространства – ветер, из ветра – огонь, из огня – вода, из воды – земля, из земли – травы, из трав – пища, из пищи – человек. Поистине этот человек состоит из соков пищи (Тайттирия П. 1. 2)…

Он взирает на колесо жизни как на вращающееся колесо повозки (Майтри VI. 28)…

«[Высшее] – дхарма». Весь этот [мир] охвачен дхармой. Нет ничего труднее дхармы (Маханараяна XV. 510) < >

Твердое владение чувствами – это считают йогой... Когда прекращаются все желания, обитающие в сердце, то смертный становится бессмертным и достигает здесь Брахмана (Катха II. 3.11,14).

Вот правило для достижения этого [единства]: сдерживание дыхания, прекращение деятельности чувств, размышление, сосредоточенность, созерцательное исследование и полное слияние – это называется шестичастной йогой. Когда, видя благодаря ей, просвещенный видит златоцветного творца, владыку, пурушу, источник Брахмана, то, освобождаясь от добра и зла, он соединяет все в высшем неразрушимом начале (Майт-ри VI. 18).

«Два знания должны быть познаны, – говорят знатоки Брахмана, – высшее и низшее». Низшее здесь – это Ригведа, Яджурведа, Самаведа, Атхарваведа, [знание] произношения, обрядов, грамматики, толкования слов, метрики, науки о светилах. Высшее же – то, которым постигается непреходящее (Мундака 1.1.4-5)…

Кто пробудился и нашел атмана...Тот – творец Вселенной, ибо тот – творец всего. Ему принадлежит мир, ведь он и есть мир (Брихад. IV. 4.13)…

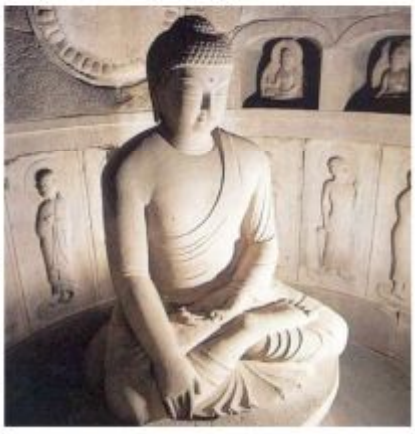
Поистине одно [дело] благое, другое приятное. Оба они с различными целями сковывают человека. Хорошо бывает тому, кто держится благого; гибнет цель у того, кто выбирает из них приятное... Разумный, поразмыслив, различает их. Ибо разумный предпочитает благое приятному, глупый ради мирского благополучия выбирает приятное (Катха I. 2.1-2)…

Как кто действует, как кто ведет себя, таким он бывает. Делающий доброе бывает добрым, делающий дурное бывает дурным. Благодаря чистому деянию он бывает чистым, благодаря дурному – дурным... Каково бывает его желание, такова бывает воля; какова бывает воля, такое деяние он и делает; какое деяние он делает, такого удела он и достигает (Брихад. IV. 4. 5).

Тот снова рождается здесь червем, или насекомым, или рыбой, или птицей, или львом, или вепрем, или змеей, или тигром, или человеком, или в каком-либо ином состоянии, согласно [своим] деяниям, согласно [своим] знаниям (Каушитаки 1.2).

Когда познан бог, спадают все узы, с уничтожением страданий исчезают рождение и смерть (Швета. 1.11)…

Вот три ветви долга: жертвоприношение, изучение [Вед], подаяние – это первая; подвижничество – вторая; ученичество, пребывание в доме учителя, постоянное умерщвление плоти в доме учителя – третья. Все они ведут к мирам добродетели (Чханд. II. 23.1)…[1, С. 80-85, 88-92].

Вопросы:

1. Какие понятия индуизма Вы встретили в тексте Упанишад?

Будда Шакьямуни (ок. 623-543 до н.э.) – индийский принц Сиддхартха Гаутама, основатель буддизма (*Цит. по: Будда, Шакьямуни.*

Путь к свободе. Книга максим и сентенций / Будда Шакьямуни; [общ. конц., сост.,ред.,коммент. Йога Раманантаты]. – М.: Старклайт, 2009).

Очнись! Не будь легкомысленным! Следуй добродетельной стезе. Соблюдающий добродетель живет счастливо в этом мире и даже в ином. (1)

Не плачь, не тревожься. Рано или поздно мы должны расстаться со всем, что нам дорого здесь. Разве на этом свете есть что-нибудь вечное? (2)

Поняв разрушимость сотворенного, ты узришь вечно неизменное. (4)

Я покинул свой дом, свою жену и ребёнка и отправился на бездомничество, потому что заблуждение господствует в мире и мир лежит во тьме. (6)

Невежество – верховное зло, в нем причина страдания и бед; стало быть, первейшее средство к улучшению жизни – сегодня как и в дальнейшем – в обретении знания. (10)

Освободить людей от несчастия жизни, узнать истину, которая приведет их к великому покою – вот мое учение. (12)

О, страждущие, знайте! Я покажу вам истину. То, что мы есть, есть только последствие того, что мы думали прежде. То, что мы есть, имеет основание в наших мыслях. Если человек говорит и действует с чистыми помыслами, то счастье следует за ним неотступно, как тень. (13)

Все люди подвержены страданиям. Причина страданий – страсти и желания. Для того, чтобы избавиться от страдания, надо уничтожить в себе страсти и желания. (16)

Для того, чтобы уничтожить страсти и желания, нужны четыре дела. Первое – пробуждение сердца; второе – очищение мыслей; третье – освобождение себя от недоброжелательства и раздражительности; четвертое – пробуждение в себе любви не только к людям, но ко всему живому. (17)

Всё живое боится мучения, всё живое боится смерти; пойми самого себя во всяком живом существе, не мучай и не убивай, не причиняй страданий и смерти. Всё живое хочет того же, чего и ты, всё живое дорожит своей жизнью, пойми же самого себя во всяком живом существе. (18)

Всегда помните: нет ничего постоянного, кроме перемен. (20)

Желание беспечно живущего человека растет, как сорная трава. Он мечется из существования в существование, как обезьяна в лесу, ищущая плод. (24)

Люди, гонимые желанием, бегают вокруг, как бегает перепуганный заяц. Связанные путами и узами, они снова и снова в течение долгого времени возвращаются к страданию. (27)

Желания, любовь, привязанность немыслимы без страдания. Как прочная цепь, связывают они человека со страданием и злом. (28)

Пойми четыре благородные истины: есть страдание, есть причины страдания, есть прекращение страдания и есть восьмеричный благородный путь к прекращению страдания, к безмятежности. (31)

Уничтожение желаний побеждает любую печаль. (38)

Нет огня пламеннее страсти, нет судороги пагубнее гнева, нет сети коварнее обмана, нет реки стремительнее желания. (41) < >

Не убивай, береги жизнь всего живого. (51)

Не кради, не грабь, не отнимай у людей произведения их труда. (52)

Будь целомудрен и в мыслях, и в жизни. (53)

Не лги; говори правду, когда нужно, бесстрашно, но любовно. (54)

Не говори дурного о людях и не повторяй того дурного, что говорят о людях. (55)

Не клянись. (56)

Не трать время на пустые речи, но говори дело или молчи. (57)

Не корыстуйся и не завидуй, а радуйся благу ближнего. (58)

Очищай сердце от злобы, никого не ненавидь, и люби всех. (60)

Побеждай ярость любовью, отвечай добром на зло, скупость побеждай щедростью, лжеца – словом правды. (63)

Не поноси других и в мыслях своих. (64)

Величайшая заслуга – внесение хотя бы крупицы счастья для людей. (66)

Как ржавчина, появившаяся на железе, поедает его, хотя она из него и возникла, так и собственные поступки приводят к несчастью того, кто преступил золотые правила. (78)

Две вещи всегда неизменны: добрые дела приносят внутренний мир и счастье; дурные дела приносят духовное смятение и отчаяние. (81)

Пусть человек растит в себе это чувство любви ко всему миру, пусть не допускает различия между людьми. (86)

Не наноси другому вреда тем, что причинило бы боль тебе самому. (90)

Наполняйте мир дружелюбием. Пусть все создания – и сильные и слабые – не видят ничего от вас, что могло бы причинить им вред. И все тогда узнают цену пути мира. (99)

Помогать матери и отцу, ходить за ребенком и женою, следовать мирскому призванию – вот великое благословение. (105)

Всякое добро, благочестивая жизнь, помощь, оказанная соседу; поступки, которых нельзя осудить, – вот это величайшее благословение. (106)

А прежде же всего научитесь любить и сострадать. Старайтесь чувствовать, как другие чувствуют, старайтесь понять их, старайтесь сочувствовать им, и любовь придет… (111)

Для того чтобы сделать других справедливыми, вы должны сделать себя справедливым; чтобы сделать других счастливыми, вы должны чувствовать сначала себя счастливым; чтобы вас полюбили, сначала вы должны полюбить. Подумайте о вашей душе, чтобы сделать ее любящей. (114)

Любите врагов ваших, потому что враги – благодетели ваши: если вы любите их, они помогают вам достичь совершенства. (116)

Легко замечать заблуждения других, но трудно заметить свои; люди любят разбираться в ошибках ближних, но скрывают собственные, как плут старается спрятать фальшивую игральную кость. (133)

Тот получает наибольшую выгоду, кто дает другим, и тот теряет больше, кто берет от других, не давая ничего взамен полученного. (135) <…>

Если рука не ранена, можно нести яд в руке. Яд не повредит не имеющему ран. Кто сам не делает зла, не подвержен злу. (176) < >

Взгляни на небо и на землю и подумай: всё это преходяще. И горы, и реки, и различные формы жизни, и то, что создаёт природа, всё это преходяще. Как только ты достигнешь этого состояния души, тотчас явится просветление. (207)

Тот только может быть назван блаженным, кто разгадал эту жизнь погибели, кто освободил себя от страстей и грехов, кто ничем не пятнает себя, – только тот не знает ни рождения, ни смерти. (219) < >

Скверну составляют пять зол: страсть, гнев, невежество, высокомерие и гордыня. (254) < >

Нужно видеть в себе дурное, а в других хорошее. Нужно не замечать в других дурного, а подражать только хорошему в них. (322) < >

Пробуждением себя, серьезностью, самоограничением и самообладанием мудрый человек может сделать для себя остров, который никакой поток не затопит. (410) < >

Подлинное знание суть четыре благородные истины: в мире есть зло, это зло неслучайно, его можно преодолеть, если пойти благородным путем. (579)

На благородном пути восемь шагов: правильный взгляд, правильные намерения, правильная речь, правильные дела, правильная жизнь, правильные усилия, правильная память, правильная и сосредоточенная мысль. И тогда наступает безмятежность. (580) < >

Помните: истинная жизнь – вне времени. (889) [С. 17-20, 22-30, 35, 39-40, 43, 51, 61, 80-81, 117].

Вопросы:

1. В чем причина страданий человека?
2. Какой путь избавления от страданий предлагает Будда Шакьямуни?
3. Какие этические идеи Вы встретили в этом тексте?

Конфуций (**Кун Фу-цзы,** 552/551-479 до н.э.) – китайский философ, основатель конфуцианства (*Цит. по: Афоризмы и притчи / Конфуций; [сост. Гэ Лайбо]. – М.: Эксмо, 2009)*[1].

[1] В начале каждого из высказываний есть фраза «Учитель сказал:» или «Конфуций сказал:». Для экономии места мы ее не приводим.

– Молодые люди, находясь дома, должны быть почтительны к родителям, выйдя за ворота дома – уважительными к старшим, в делах отличаться осторожностью, а в словах – искренностью (правдивостью), безгранично любить людей и особенно сближаться с людьми, обладающими человеколюбием, если после этого останутся свободное время и силы, то они должны посвящать их Учению [С. 22].

– Не беспокойся, что не занимаешь значимой должности, беспокойся, если твои способности не соответствуют ей.

– Не беспокойся, что люди не знают тебя, а старайся поступать так, чтобы они смогли узнать тебя [С. 24].

– Редко бывает так, что ошибается человек, который ведет себя сдержанно [С. 25].

– Почитай за главное преданность и искренность, не дружись с неподобными себе; ошибся – не бойся исправиться [С. 28].

– Есть грубую пищу, пить воду и спать на согнутом локте – в этом тоже заключается удовольствие. А нажитое нечестно богатство, притом соединенное со знатностью, для меня подобно мимолетному облаку [С. 42].

– Как жаль, что вокруг меня нет людей, способных придерживаться середины. Посему вынужден общаться с пылкими и сдержанными. Первые берут натиском, хватаясь за любое дело, вторые же избегают неприятностей [С. 49].

– Цзы-гун любил давать оценки людям.

Учитель сказал на это:

– Как ты мудр, Цы! А вот у меня на это нет времени [С. 51].

– Если имя не подходит (не соответствует сущности), то слово противоречит делу, а когда слово противоречит делу, то дело не будет исполнено, а если дело не будет исполнено, то церемонии и музыка не будут процветать, а если церемонии и музыка не будут процветать, то наказания не будут правильны, а когда наказания будут извращены, то народ не будет знать, как ему вести себя. Поэтому для благородного мужа необходимо, чтобы он непременно [мог назвать правильные имена вещей, с тем чтобы] сказанное исполнить и чтобы в словах его не было ничего бесчестного (недобросовестного) [С. 74-75].

– Служа правителю, прежде всего думай о деле, а потом уже о жаловании [С. 76].

– Встретив мудрого человека, думай о том, чтобы сравняться с ним. Встретив немудрого (недостойного), исследуй самого себя (из опасения, как бы у тебя не было таких же недостатков) [С. 80].

– Если естество человека возьмет перевес над культурой, то получится дикарь. Если культура преобладает над естеством, то получится педант. И только пропорциональное соединение естества и культуры делает человека благородным [С. 82].

– Искренне веруй и люби учиться, храни до смерти свои убеждения и совершенствуй свой путь. В государство, находящееся в опасности, не входи; в государстве, объятом мятежом, не живи; появляйся, когда в Поднебесной царит закон, и скрывайся в эпоху беззакония. Стыдно быть бедным и занимать низкое положение, когда в государстве царит закон; равно стыдно быть богатым и знатным, когда в государстве царит беззаконие [С. 83].

– Если человек способен сам исправить себя, то разве возникнут у него трудности в делах управления? Если же не в состоянии сам исправить себя, то каким образом он будет исправлять других? [С. 86].

– Некто спросил:

– Что Вы скажете о воздаянии добром за зло?

На это Конфуций ответил:

– А чем же тогда отвечать на добро? Следует воздавать справедливостью (то есть должным) за зло, а на добро отвечать добром [1, С. 88].

– Если будешь требователен к самому себе и снисходителен к другим, то избежишь обид [1, С. 90].

– Цзы-гун спросил:

– Есть ли слово, которым можно было бы руководствоваться всю жизнь?

Учитель сказал:

– Это – снисходительность. Не делай другим того, чего не пожелаешь себе [С. 90].

– От слов требуется только то, чтобы они точно передавали мысли [С. 91].

– Три типа друзей могут быть полезными, три типа – вредными. Полезные друзья те, которые прямы, искренни и обладают многими знаниями. Вредные друзья те, кто лицемерны, льстивы и болтливы [С. 91].

– Льстивые речи запутывают добродетель, а небольшое нетерпение может расстроить великие замыслы [С. 101].

– Кто при жизни отца всматривался в его намерения, а после смерти – в то, как он поступал, и в течении трех лет не изменяет порядков, заведенных отцом, того можно назвать почтительным [С. 116].

– Когда родители живы, не отлучайся далеко, а если отлучишься, то чтобы место пребывания непременно было известно [С. 123].

– Почтительность, не сдерживаемая ритуалами (правилами), приведет к трусости, храбрость – к смутам, прямота – к запальчивости… [С. 124].

– В древности люди учились, чтобы совершенствовать себя. Ныне же учатся, чтобы хвастаться перед другими [С. 140].

– О том благородном муже, который в еде не думает о насыщении, в жилище не ищет комфорта, усерден в делах, осторожен в речах и обращается для исправления себя к людям нравственным, можно сказать, что он любит учиться [С. 155].

– Благородный муж участлив к людям, но без пристрастности к ним. А мелкий человек, наоборот, пристрастен к ним, но лишен участливости [1, С. 160].

– Благородный муж думает о добродетели, а мелкий – о спокойствии. Благородный муж боится закона, а мелкий – жаждет корысти [С. 161].

– Мысли благородного мужа – только о долге и справедливости. Мысли мелкого человека – только о выгоде [С. 161].

– Благородный муж должен быть сдержанным в речах, но энергичным в делах [С. 162].

– Благородный муж миролюбив, но не льстив. Мелкий же человек льстив, но не миролюбив [С. 170].

– Благородный муж отличается спокойным достоинством, но не тщеславен. Подлый человек, наоборот, тщеславен, но не имеет спокойного достоинства [С. 171].

– Благородный муж ищет причины своих неудач в себе самом, а мелкий (подлый) человек ищет их в других [С. 176].

– Благородный муж прям и непоколебим, но не упрям [С. 177].

– В тех людях, чьи речи хитры, а выражение лица вкрадчиво, редко встречается человеколюбие [С. 188].

– Благородный муж неизменно безмятежен и спокоен, а мелкий человек встревожен и обеспокоен [С. 190].

– Для благородного мужа существуют три предмета, перед которыми он благоговеет: определение Неба, великие люди (по положению, возрасту и добродетели) и слова мудреца. Подлый человек не знает велений Неба и не боится их, неучтиво обращается с великими людьми и презрительно относится к словам мудреца [С. 193].

– С мелким (подлым) человеком можно ли служить правителю? Когда он не достиг должности, то заботится о достижении ее, а когда достигает, боится, как бы не потерять. Из-за этой боязни потерять он готов пойти на все [С. 194].

– Разве человеколюбие далеко от нас? Если я хочу быть человеколюбивым, человеколюбие приходит [С. 202].

– Если человек тверд, решителен, прост и не бросает слов на ветер, то он близок к человеколюбию [С. 205].

– Придерживаться золотой середины – вот высшая добродетель. Но сколь мало есть людей, что способны этому следовать! [С. 218].

– Если править народом посредством законов и поддерживать порядок посредством наказаний, то народ хотя и будет стараться избегать их, но у него не будет чувства стыда. Если же править им посредством добродетели и поддерживать в нем порядок при помощи церемоний (правил), то у народа появится чувство стыда и он исправится [С. 248].

– Если сам правитель прям, то народ без приказаний будет исполнять, что нужно. Если же правитель сам не прям, то, хотя бы он приказывал, его не послушают [С. 264].

Вопросы:

1. Какие высказывания Конфуция говорят о сыновней почтительности, о ритуале, о человеколюбии, об исправлении имен, о благородном муже, об идеальном правителе?

2. Какие высказывания можно отнести к разделу «Муж достойного поведения»?

3. Какие мысли Конфуция кажутся Вам актуальными сегодня и почему?

Лао-цзы (Ли Эр, VI-V вв. до н.э.) – китайский мыслитель, основатель даосизма *(Цит. по: Дао де дзин // Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1969).*

Дао, могущее быть выражено словами, не есть постоянное дао. Имя, могущее быть названо, не есть постоянное имя. Безымянное есть начало неба и земли… Дао бестелесно и лишено формы, а в применении неисчерпаемо…Я не знаю, чье оно порождение. Я лишь знаю, что оно существовало прежде первых императоров (Гл. 4).

Превращения бестелесного, невидимого дао бесконечны и вечны. Дао – глубочайшие врата рождения… Оно и мельчайшее, и бесконечное, а его действие неисчерпаемо (Гл. 6).

Вот вещь, в хаосе возникающая, прежде неба и земли родившаяся! О беззвучная! О лишенная формы! Одиноко стоит она и не изменяется. Повсюду действует и не имеет преград… Я не знаю ее имени, но если попытаться выразить ее, то обозначу ее иероглифом дао; если же попытаться дать ей имя, то я назову ее Великое... Великое – оно в бесконечном движении. Находящееся в бесконечном движении не достигает предела. Оно и беспредельно, и возвращается к своему истоку...

Человек следует земле. Земля следует небу. Небо следует дао, а дао следует естественности (Гл. 25).

Содержание великого дэ подчиняется только дао. Дао бестелесно. Оно столь туманно и неопределенно! Однако в его туманности и неопределенности содержатся образы. Оно столь туманно и неопределенно, однако в его туманности и неопределенности скрыты вещи. Оно столь глубоко и темно, однако в его глубине и темноте скрыты тончайшие частицы. Эти тончайшие частицы обладают высшей действительностью и достоверностью (Гл. 21)…

Великое дао растекается повсюду. Оно может находиться и вправо, и влево. Благодаря ему рождается и существует все сущее, и оно не прекращает своего роста. Оно свершает подвиги, но нельзя выразить в словах, в чем его заслуги. С любовью оно взращивает все сущее, но не считает себя

властелином всего сущего. Оно никогда не имеет собственных желаний, поэтому его можно назвать ничтожным. Все сущее возвращается к нему, но оно не рассматривает себя как властелина. Поэтому его можно назвать Великим. Оно становится великим потому, что никогда не считает себя таковым (Гл. 34).

Дао постоянно в недеянии, однако нет ничего такого, что бы оно не сделало. Если знать и государи смогут сохранить его, то все существа будут изменяться сами собой (Гл. 37)…

Если управлять Поднебесной, следуя дао, то злые духи не будут вредить людям. И не потому, что злые духи перестанут творить зло, а потому, что содеянное ими не сможет принести людям вред (Гл. 60)…

Превращение в противоположное – это движение дао. Слабость есть способ действия дао. Все сущее в мире рождается из бытия. А бытие рождается из небытия (Гл. 40).

[В древности говорили]: «Ущербное хранит совершенное, кривое становится прямым, пустое – наполненным, ветхое сменяется новым; стремясь к малому, достигаешь многого; стремление получить многое ведет к утратам». Поэтому совершенномудрый внемлет этому [поучению], коему необходимо следовать в Поднебесной.

Совершенномудрый исходит не только из того, что сам видит, поэтому может видеть ясно; он не считает правым только себя, поэтому может обладать истиной; он не прославляет себя, поэтому имеет заслуженную славу; он не возвышает себя, поэтому он старший среди других. Он ничему не противоборствует, поэтому он непобедим в мире…

Мягкое и слабое побеждает твердое и крепкое (Гл. 36)…

Все существа укрепляются после ослабления и ослабляются после укрепления (Гл. 42)…

Несчастье – в нем заключено счастье. Счастье – в нем заключено несчастье. Кто знает их границы? Они не имеют постоянства. Прямота превращается в хитрость, добро – в зло (Гл. 58).

Совершенномудрый никогда не считает себя великим, поэтому он может стать действительно великим. Кто много обещает, тот не заслуживает доверия. Если надеяться на легкое, то непременно будет много трудностей. Совершенномудрый предпочитает смотреть на дело как на трудное, поэтому оно в итоге не будет трудным (Гл. 63).

Кто много сберегает, тот понесет большие потери. Кто много накапливает, тот потерпит большие убытки. Кто знает меру, у того не будет неудачи. Кто знает предел, тот не будет подвергаться опасности. Он может стать долговечным (Гл. 44).

Человек при рождении нежен и слаб, а после смерти тверд и крепок. Все сущее, растения, деревья при рождении нежны и слабы, а при гибели сухие и крепкие. Твердое и крепкое – это то, что погибает, а нежное и слабое – это то, что начинает жить (Гл. 76)…

Тот, кто следует дао, вечен. Тот, кто следует дао, не будет подвергнут опасностям (Гл. 16).

Когда будут отброшены ум и мудрость, народ будет счастливее во сто крат. Когда будут отброшены жэнь и справедливость, народ вернется к сыновней почтительности и родительской любви. Лишь когда будут отброшены хитрость и выгода, исчезнут воры и разбойники (Гл. 19)…

Знающие не говорят, говорящие не знают (Гл.56).

Знающий не доказывает, доказывающий не знает (Гл.81)…

Мудр тот, кто имеет знания и делает вид, что не знает. Глуп тот, кто, не имея знания, делает вид, что знает (Гл. 71)…

Следование недеянию всегда приносит спокойствие (Гл.3)…

Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которых народ любит и возвышает. Еще хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те правители, которых народ презирает (Гл. 17).

Где побывали войска, там растут терновник и колючки. После больших войн наступают голодные годы (Гл. 30).

Благородный [правитель] в обычное время предпочитает быть уступчивым [в отношении соседних стран] и лишь на войне применяет насилие. Войско – орудие несчастья, поэтому благородный [правитель] не стремится использовать его, он применяет его, только когда его вынуждают к этому крайние обстоятельства … (Гл. 31)

У мудрого нет жэнъ, и он не нарушает естественной жизни народа (Гл. 5).

Высшая добродетель подобна воде. Вода приносит пользу всем существам и ничему не противоборствует (Гл.8).

Когда отошли от великого дао, появились жэнъ и справедливость. Когда появилось мудрствование, возникло и великое лицемерие. Когда шесть родственников в раздоре, появляется сыновняя почтительность и родительская любовь. Когда в государстве царит беспорядок, появляются верные слуги … (Гл. 18).

Нет большего несчастья, чем незнание границы своей страсти, и нет большей опасности, чем стремление к приобретению богатств (Гл. 46).

Страна управляется справедливостью, война ведется хитростью. Поднебесную получают в управление, следуя недеянию (Гл. 57).

Когда правительство спокойно, люди становятся простодушными. Когда правительство деятельно, люди становятся несчастными (Гл. 58).

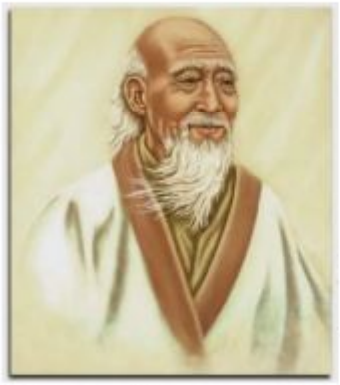
Не тесните жилища людей, не презирайте их жизнь. Кто не презирает простолюдинов, тот не будет презираем ими. Поэтому совершенномудрый, зная себя, не проникается гордыней. Он любит себя, но сам себя не возвышает (Гл. 72).

…дэ появляется только после утраты дао, жэнь – после утраты дэ, справедливость – после утраты жэнь, ли – после утраты справедливости.

Ли – это признак отсутствия доверия и преданности. В ли – начало смуты (Гл. 38) [С. 182-190].

Вопросы:

1. Как Лао-цзы характеризует дао и дэ?
2. Как в даосизме понимается принцип «недеяния»?
3. Какие диалектические идеи Вы встретили в «Дао де дзин»?
4. Как стать «совершенномудрым»?
5. Каков, по мнению Лао-цзы, идеальный правитель?
6. Почему Лао-цзы непочтительно относится к таким основным принципам конфуцианства, как «жэнь», «сяо», «ли»?

Мо-цзы (Мо Ди, ок. 480-400 до н.э.) – видный мыслитель и ученый Древнего Китая. Основал школу «моизм» (*Цит. по: Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1. Ч. 1. – М.: «Мысль», 1969).*

У простого люда три беды. Голодающие не имеют пищи, замерзающие не имеют одежды, уставшие не имеют отдыха. От этих трех бед народ испытывает огромные страдания. Но если именно в такое время большие люди – ваны и гуны и сановники – развлекаются колокольным звоном и барабанным боем, играют на лютнях… а также устраивают военные смотры для показа оружия, то откуда же простой люд возьмет средства для пищи и одежды? Поэтому я полагаю, что так не должно быть. Мой замысел состоит в том, чтобы уничтожить это (Гл. «Против музыки». Ч. I).

У конфуцианцев внушительная внешность и богатые украшения, дабы совращать нынешних людей; они используют пение, сопровождаемое игрой на музыкальных инструментах, и танцы под барабан, дабы привлекать учеников; усложняют церемонии, дабы оттенить обрядовую сторону; стараются нагромоздить правила, дабы привлечь внимание простаков. При всей своей учености они не могут помочь кому-либо. Они много размышляют, но не могут быть полезны людям; невозможно постичь их учение, за целый год нельзя выполнить их обряды, и даже богатый не может позволить себе услаждаться их музыкой. Богатые украшения и поддельное искусство придуманы ими, чтобы вводить в заблуждение нынешних правителей; громогласная музыка служит тому, чтобы совращать глупых людей (Гл. «Против конфуцианцев») <…>

Я считаю, что всему хорошему и [полезному], что дошло до нас из древности, нужно следовать, но нужно создавать и новые полезные и хорошие вещи. Я хочу, чтобы хорошего становилось все больше (Гл. «Гэнь Чжу»).

Учитель Мо-цзы говорил: «Древние совершенномудрые ваны, осуществляя управление, устанавливали степени добродетели и почитали мудрость, и хотя бы человек был из землепашцев, или кустарей, или торговцев, но если он обладал способностями, то его возвышали... Поэтому

сановники не всегда были знатными, а народ не бесконечно был низким... Возвышали согласно общей справедливости, избегая корысти и предвзятости» (Гл. «Почитание мудрости». Ч. I).

Учитель Мо-цзы сказал: «Если ты, рассуждая о справедливости, считаешь, что убить одного человека несправедливо, а убивать множество невинных людей справедливо, то это нельзя назвать знанием рода [справедливости], знанием того, о чем идет речь» (гл. «Гун Шу»)·.

Ценою смерти бесчисленного множества простолюдинов, ценою бед, постигающих и верхи, и низы, царство, совершающее нападения, получает пустующие земли, для заселения которых нет людей. Таким образом это царство теряет то, чего [ему] не хватало, и приобретает то, что и так имелось в избытке (Гл. «Против нападений». Ч. II).

Многочисленное войско отправляется в поход и не возвращается обратно. Тысячи семей остаются без опоры, жены становятся вдовами, а дети сиротами... Растрачиваются все богатства людей.<…>

Нынешний человек отличен от животных. Кто усерден [в труде], тот имеет возможность жить, а кто не усерден в труде, тот не имеет возможности жить (Гл. «Против музыки». Ч. I).

Если крестьяне ослабят усердие в работе, то они будут бедны. А бедность – это корень беспорядков в управлении (Гл. «Против конфуцианцев». Ч. II).

Небо не хочет, чтобы большие царства нападали на малые, чтобы сильные семьи разоряли слабые малые семьи, чтобы сильный грабил слабого, хитрый обманывал наивного, знатный кичился перед незнатным. Все это противно [воле] неба. Небо желает, чтобы люди помогали друг другу, чтобы сильный помогал слабому, чтобы люди учили друг друга, чтобы знающий учил незнающего, чтобы люди делили имущество друг с другом. Небо желает также, чтобы знатные были усердны в поддержании порядка в Поднебесной, а простолюдины были усердны в ремеслах и земледелии. Если знатные усердны в управлении, то в стране царит порядок; если простолюдины усердны в ремеслах и земледелии, то в стране достаточно предметов и пищи (Гл. «Воля неба». Ч. I).

Человеколюбие непременно состоит в том, чтобы приносить пользу людям Поднебесной и уничтожать в Поднебесной зло. Если мы будем следовать всеобщей любви, то это принесет Поднебесной великую пользу. Если же мы будем следовать ограниченной любви, то это приведет к великим бедствиям в Поднебесной. Поэтому учитель Мо-цзы говорит: «Ограниченная любовь ложна, всеобщая любовь истинна» (Гл. «Всеобщая любовь». Ч. III).

Подытожив свои размышления о причинах зла в Поднебесной, Моцзы сказал: «Какую питают любовь злые люди Поднебесной, ненавидящие людей, – всеобщую или ограниченную? Ответим: непременно ограниченную любовь. Таким образом, поборники ограниченной любви порождают великое зло в Поднебесной. Поэтому следует отвергнуть ограниченную любовь» (там же) [С. 197-203].

Вопросы к тексту:

1. За что Мо-цзы осуждал последователей конфуцианства?
2. Какие этические идеи Вы встретили в тексте?

Тема 3. АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Изучение античной философии предполагает знание общего социально-культурного контекста, в рамках которого она формировалась. Греческий мир VI в. до н.э. – время становления самосознания греков. Интеллектуальная, созерцательная деятельность рассматривалась как приоритетная, физический же труд считался уделом рабов. Это стимулировало развитие абстрактного мышления, стремления в созданию целостных, логически продуманных систем. Рассмотрение Космоса как порядка в отличие от хаоса, а человека как частицы Космоса стимулировало развитие философских подходов, стремящихся дать единое, глобальное представление на мир в целом. Понятие Рока как единого космического закона, которому подвластны и боги и люди, способствовало поиску единых закономерностей, пронизывающих природный и социальный мир как единое целое. «Принцип меры», лежащий в основе гармонии, являлся базовым при определении добродетелей и смысла жизни грека. При анализе текстов данного периода (Милетская, Пифагорейская, Элейская школы, Гераклит, Демокрит, Эмпедокл и Анаксагор) следует обратить внимание на взаимосвязь философских идей и ценностных ориентаций при трактовке сущности мироздания и смысла жизни человека

Период расцвета греческой культуры в V в. до н.э., усиление социально-политической активности греков, обилие диспутов, состязаний, повышение собственной самооценки стимулировало интерес к проблемам: сущности человека, его роли в природном мире и обществе, смысла жизни. Рост самосознания способствовал повышению интереса к историческому наследию, систематизации и обобщению философских концепций предшествующих лет. При изучении текстов этого периода (софисты, Сократ, Платон и Аристотель). Необходимо обратить внимание на выявление типичных черт изучаемой концепции: идеализм (его разновидность), материализм (его разновидность). Рассматривая подходы к решению онтологических (мир в целом и его сущность), гносеологических (познаваемость мира и проблема достижения истины) и антропологических (сущность человека и смысл жизни) проблем необходимо обратить внимание на преемственность философских идей. Следует проанализировать: какие нерешенные проблемы и затруднения имелись у предшествующих философов и какие пути их решения предлагались последующими мыслителями.

Характеризуя концепции переходных и кризисных периодов античной культуры (эпоха эллинизма, эпоха распада римской империи) следует

обратить внимание на поиск способов обретения стабильности с помощью философского мировоззрения в социально неустойчивом мире (эпикуризм, стоицизм, неоплатонизм). Анализируя философские тексты этого периода, обратите внимание на то, какие идеи в дальнейшем оказали влияние на формирование христианского мировоззрения, ставшего доминирующим после античности.

Милетская школа

Вопросы и задания

1. Используя знание о культурно-историческом контексте формирования античной философии, объясните, почему Фалес был благодарен судьбе именно за 3 выделенные им вещи, назовите их.

2. На основании афоризмов Фалеса реконструируйте его мировоззрение и дайте ему характеристику как личности.

3. На основании текста реконструируйте агрументы Фалеса в подтверждение выбранного им первоначала.

4. Какие общие требования к первоначалу формулирует Анаксимандр?

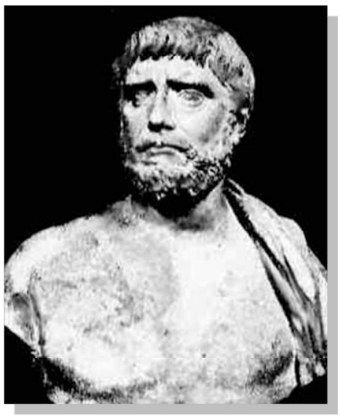
5. Как Вы считаете, почему Анаксимандр свое первоначало назвал апейроном?

6. Какие аргументы выдвигал Анаксимен в пользу того, что первоначалом является воздух?

7. Предпосылки каких научных открытий содержатся в философских текстах милетцев?

Работа с первоисточниками.

Ознакомьтесь с представленными ниже фрагментами работ мыслителей античности и ответьте на поставленные вопросы.

Фалес (640-582 до н.э.). Один из родоначальников раннегреческой философии. Основатель милетской школы. Разрабатывал проблему первоначала, которое считал водой (*См.: Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М.: Мысль, 1969. С.270).*

Итак, Фалес (по согласному утверждению и Геродота , и Дурида, и Демокрита) был сын Эксамия и Клеобулины из рода Фелидов, а род этот финикийский, знатнейший среди потомков Кадма и Агенора . [Он был одним из семи мудрецов], что подтверждает и Платон; и когда при афинском архонте Дамасии эти семеро получили именование мудрецов, он получил такое имя первым (так говорит Деметрий Фалерский в «Перечне архонтов»).

Гермипп в «Жизнеописаниях» приписывает Фалесу то, что иные говорят о Сократе: будто бы он утверждал, что за три вещи благодарен судь-

бе: во-первых, что он человек, а не животное; во-вторых, что он мужчина, а не женщина; в-третьих, что он эллин, а не варвар.

Он сказал, что между жизнью и смертью нет разницы. – «Почему же ты не умрешь?» – спросили его. «Именно поэтому», – сказал Фалес.

Его спросили, что на свете трудно? – «Познать себя». Что легко? – «Советовать другому». Что приятнее всего? – «Удача». Что божественно? – «То, что не имеет ни начала, ни конца». Что он видел небывалого? – «Тирана в старости». Когда легче всего сносить несчастье? – «Когда видишь, что врагам еще хуже». Какая жизнь самая лучшая и справедливая? – «Когда мы не делаем сами того, что осуждаем в других». Кто счастлив? – «Тот, кто здоров телом, восприимчив душою и податлив на воспитание».

Гермипп в «Жизнеописаниях» приписывает Фалесу то, что иные говорят о Сократе: будто бы он утверждал, что за три вещи благодарен судьбе: во-первых, что он человек, а не животное; во-вторых, что он мужчина, а не женщина; в-третьих, что он эллин, а не варвар.

А изречения его известны такие:

Древнее всего сущего – бог, ибо он не рожден. Прекраснее всего – мир, ибо он творение бога. Больше всего – пространство, ибо оно объемлет все. Быстрее всего – ум, ибо он обегает все. Сильнее всего – неизбежность, ибо она властвует всем. Мудрее всего – время, ибо оно раскрывает все.

Его спросили, что на свете трудно? – «Познать себя». Что легко? – «Советовать другому». Что приятнее всего? – «Удача». Что божественно? – «То, что не имеет ни начала, ни конца». Что он видел небывалого? – «Тирана в старости». Когда легче всего сносить несчастье? – «Когда видишь, что врагам еще хуже». Какая жизнь самая лучшая и справедливая? – «Когда мы не делаем сами того, что осуждаем в других». Кто счастлив? – «Тот, кто здоров телом, восприимчив душою и податлив на воспитание».

Умер Фалес, глядя на гимнастические состязания, от жары, жажды и старческой слабости. На гробнице его написано:

Эта гробница мала, но слава над ней необъятна:
В ней пред тобою сокрыт многоразумный Фалес *(Из Диогена Лаэртского ,69-76)*

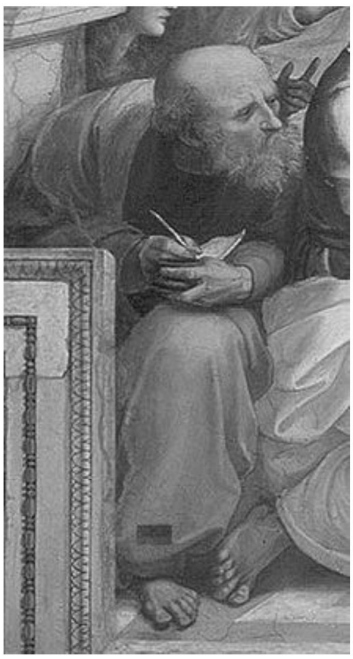
Аристотель Metaph. 13. Из первых философов большинство полагало в виде материи единое начало всего: то, из чего все сущее состоит, из чего как первого оно рождается и в чем как последнем оно гибнет; то, сущность чего сохраняется, а состояния изменяются; говорят, что оно и есть основа и начало сущего и что поэтому ничто не рождается и не уничтожается, так как такая природа сохраняется вечно... При этом о числе и виде такого начала не все говорят одно и то же. Фалес – родоначальник этой философии – говорит, что это вода '(поэтому и земля из воды появилась); сделал он это предположение, вероятно наблюдая, что все питается влагой

и что сама теплота из нее рождается и ею живет... а еще потому, что семена всего [сущего] имеют влажную природу.

Аэций IV 2,1. Фалес первый провозгласил, что природа души такова, что она находится в вечном движении или самодвижении.

Аэций I 7,11. Согласно Фалесу, ум есть божество мироздания, все одушевлено и полно демонов.

Сеида. Изречения Фалеса весьма многочисленны, среди них и общеизвестное: «Познай самого себя».

Анаксимандр (610 – ок. 540 до н.э.). Представитель милетской школы. Разработал требования в категории первоначала, назвав ее апейроном. (*См.: Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М.: Мысль, 1969. С.270-271).*

Анаксимандр Милетский, сын Праксиада. Он учил, что первоначалом и основой является беспредельное (apeiron), и не определял его ни как воздух, ни как воду, ни как что-либо иное. Он учил, что части изменяются, целое же остается неизменным. Земля покоится посередине, занимая место средоточия, и она шарообразна. Луна светит не своим светом, а заимствует его от солнца. Солнце величиною не менее Земли и представляет собою чистейший огонь *(Из Лаэртского).*

Аристотель Phys. Ill 5. Некоторые считают таким [началом] апейрон, а не воду или воздух, дабы все прочее не сгинуло в бесконечности этих стихий: ведь все они противоположны друг другу: воздух холоден, вода влажна, огонь горяч. Если бы одна из стихий была апейроном, то все остальные погибли бы. Поэтому говорят, что есть нечто иное, из коего все эти стихии воз никают. Но невозможно, чтобы такое тело существовало.

Аристотель Phys. II14. Все есть или начало, или [произошло] из начала. У апейрона же нет начала, ибо оно было бы для него пределом... Апейрон сам кажется началом всего другого.

Аристотель Phys. Ill 4. [Апейрон] все объемлет и всем правит, как говорят те, кто, кроме апейрона, не допускает иных причин.

Аристотель Phys. II14. [Апейрон} . есть божество: ведь он бессмертен и непреходящ, как говорит Анаксимандр.

Псевдо-Плутарх Strom. 2. А еще говорит Анаксимандр, что первый человек произошел от живых существ другого вида. Животные быстро начинают кормиться сами, и только человек нуждается в продолжительном кормлении грудью. Он потому и сохранился, что в самом начале был не таким, [как ныне].

Анаксимандр *(по Симплицию Phys. 24, 13)*: из чего все вещи получают свое рождение, в то все они и возвращаются, следуя необходимости. Все они в свое время наказывают друг друга за несправедливость.

Анаксимен (акмэ 546 – ум. 528/5 до н.э.). Представитель милетской школы. Разрабатывал проблему первоначала, которым считал воздух. (*См.: Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М.: Мысль, 1969, с. 274).*

Анаксимен Милетский, сын Евристрата, был учеником Анаксимандра; некоторые же пишут, будто он учился и у Парменида. Он говорил, что первоначалом являются воздух и беспредельное и что светила движутся не над землей, а вокруг земли *(Из Лаэртского)*

Псевдо-Плутарх Strom. 3. Говорят, что Анаксимен назвал началом всего воздух, по величине беспредельный, но по своим качествам определенный.

Августин de civ. dei VIII2. [Анаксимен] богов не отрицал и не замалчивал, но полагал, что не богами создан воздух, а что они сами произошли из воздуха.

Аэций I 7, 13. Согласно Анаксимену, воздух [есть бог]. Следует же под этим понимать силы, пронизывающие стихии и тела.

Симплиций Phys. 24,26. Движение же Анаксимен считает вечным. Благодаря ему все вещи превращаются [друг в друга].

Симплиций Phys. 24, 26. А различается [воздух] по своей плотности или разреженности своей сущности. При разрежении рождается огонь, а при сгущении – ветер, затем туман, вода, земля, камень. А из этого [возникает] все прочее.

======

Гераклит Темный

Вопросы и задания

1. Какие аргументы, основываясь на высказываниях Гераклита, можно привести в пользу того, что он мыслил диалектически?

2. Какие высказывания Гераклита говорят о нем как об истинном греке, почему?

3. Какой современной космологической теории созвучны идеи Гераклита?

Работа с первоисточниками

Ознакомьтесь с представленными ниже текстами и ответьте на вопросы

Гераклит (540 – 480 до н.э.). Философ-одиночка, разрабатывавший диалектические

представления о мироздании. (*См.: Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М.: Мысль, 1969. С.275-280).*

Гераклит, сын Блосона (или, по мнению иных, Гераконта), из Эфеса. Расцвет его приходился на 69-ю олимпиаду.

Был он высокоумен и надменен превыше всякого, как то явствует и из его сочинения, в котором он говорит: «Многознайство уму не научает, иначе оно научило бы и Гесиода с Пифагором, и Ксенофана с Гекатеем». Ибо есть «единая мудрость – постигать Знание, которое правит всем чрез все» *(Из Лаэртского).*

Климент Strom. V 105. Этот космос, тот же самый / для всех, не создал никто ни из богов, ни из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами разгорающимся и мерами погасающим.

Плутарх de ei delf. 8 р. 388. Все обменивается на огонь, и огонь – на все, подобно тому, как золото [обменивается] на товары, а товары – на золото.

Максим Тирский XI14. Огонь живет смертью земли, воздух живет смертью огня, вода живет смертью воздуха, а земля – смертью воды.

Марк Антонин IV 46. Смерть земли – рождение воды, смерть воды – рождение воздуха, [смерть] воздуха – [рождение] огня, и обратно.

Ипполит Refut. IX 10. Грядущий огонь все обоймет и всех рассудит.

Аэций I 7,22. Гераклит [учит], что вечный круговра-щающийся огонь [есть бог], судьба же – логос (разум), созидающий сущее из противоположных стремлений.

Ипполит Refut. IX10. Морская вода и чистейшая, и грязнейшая: рыбам она питье и спасение, людям же гибель и отрава.

Платон Hipp, maior 289 A. Прекраснейшая из обезьян безобразна, если ее сравнить с родом человеческим.

Цец Schol. ad exeg. II. Холодное нагревается, горячее охлаждается, влажное сохнет, сухое увлажняется.

Плутарх Cons, ad Apoll. 10. Одно и то же живое и умершее, проснувшееся и спящее, молодое и старое, ибо первое исчезает во втором, а второе – в первом.

Гераклит Alleg. Homer. 24. В ту же реку вступаем и не вступаем. Существуем и не существуем.

Ипполит Refut. IX 9. Борьба – отец всего и всему царь. Одним она определила быть богами, а другим – людьми. А [из тех] одним – рабами, а другим – свободными.

Ориген contra Gels. VI 42. Следует знать, что борьба всеобща, что справедливость в распре, что все рождается через распрю и по необходимости.

Ипполит Refut. IX 9. Не понимают, как расходящееся с самим собой приходит в согласие, самовосстанавливающуюся гармонию лука и лиры.

Аристотель Eth. Nie. VIII 2. Противоречивость сближает, разнообразие порождает прекраснейшую гармонию, и все через распрю создается.

Секст adv. math. VII133. Но хотя логос присущ всем, большинство живет так, словно [каждый] имеет свое особое разумение.

Стобей Flor. 1176. Людям не стало бы лучше, если бы все их желания сбылись.

Диоген Лаэртский IX 2. Народ должен бороться за закон, как за свои стены.

Стобей Flor. 1178. Разумение – величайшая добродетель, и мудрость состоит в том, чтобы говорить правду и действовать в согласии с природой, ей внимая.

======

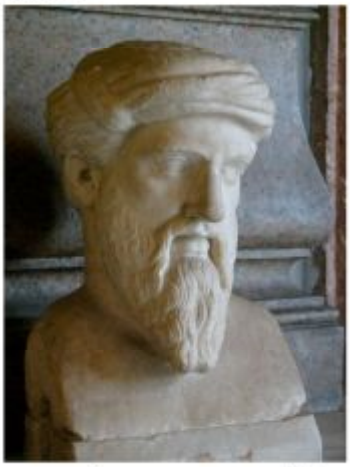
Пифагорейская школа

Вопросы и задания

1. Проанализируйте, в каких высказываниях Пифагора присутствует влияние восточной философии.
2. К какому типу мировоззрения: анимизму, пантеизму, деизму наиболее близки взгляды Пифагора?
3. К какому типу живых существ в греческой классификации относил себя Пифагор, почему?
4. Каковы основные положения учения Пифагора о душе, с чем вы согласны, а с чем нет, обоснуйте свой выбор.
5. Какие аргументы приводят пифагорейцы в обоснование положения о числе как первоначале?

Работа с первоисточниками

Ознакомьтесь с представленными ниже текстами и ответьте на вопросы

Пифагор (II пол. VI в. – нач. V в. до н.э.). Разрабатывал идеалистический вариант философии, основывающийся на идее о том, что в основе мира лежит число. (*См.: Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М.: Мысль, 1969. С. 282-287).*

Жизнь человеческую он разделял так: «Двадцать лет мальчик, двадцать – юнец, двадцать – юноша, двадцать старец. Возрасты соразмерны временам года: мальчик – весна, юнец – лето, юноша – осень, старец – зима». (Юнец у него молодой человек, юноша – зрелый муж.) Он первый, по словам Тимея, сказал: «У друзей все общее» и «Дружба есть равенство». И впрямь, его ученики сносили все свое добро воедино.

Говорят, он первый заявил, что душа совершает круг неизбежности, чередою облекаясь то в одну, то в другую жизнь; первый ввел у эллинов

меры и веса (так говорит Аристоксен-музыковед); первый сказал, что Геспер и Фосфор одна и та же звезда (так говорит Парменид).

Душа человека разделяется на три части: ум (nous), рассудок (phren) и страсть (thymos). Ум и страсть есть и в других живых существах, но рассудок – только в человеке. Власть души распространяется от сердца и до мозга: та часть ее, которая в сердце, – это страсть, а которая в мозге рассудок и ум; струи же от них – наши чувства. Разумное бессмертно, а остальное смертно. Питается душа от крови. Закономерности души – это дуновения; и она, и они незримы, ибо эфир незрим. Скрепы души – вены, артерии, жилы; а когда она сильна и покоится сама в себе, то скрепами ее становятся слова и дела. Сброшенная на землю, душа скитается в воздухе, подобная телу. Попечитель над душами Гермес, оттого он и зовется Вожатым, Привратником и Преисподним, ибо это он вводит туда души из тел и с земли и с моря. Чистые души возводит он ввысь, а нечистые ввергаются эриниями в несокрушимые оковы, и нет им доступа ни к чистым, ни друг к другу. Душами полон весь воздух, называются они демонами и героями, и от них посылаются людям сны и знаменья недугов или здравия, и не только людям, но и овцам и прочим скотам; к ним же обращены и наши очищения, умилостивления, гадания, вещания и все подобное.

Из фигур он считал прекраснейшими среди объемных – шар, а среди плоских – круг. Старость подобна всему, что умаляется, молодость – всему, что нарастает. Здоровье есть сохранение образа, болезнь – его разрушение.

Пифагор же, по словам Гераклита, сына Сарапиона, скончался в восемьдесят лет, в согласии с собственной росписью возрастов, хоть по большей части и утверждается, будто ему было девяносто *(Из Диогена Лаэртского)*.

Аристотель Metaph. 15. Так называемые пифагорейцы, занявшись математическими науками, впервые двинули их вперед и, воспитавшись на них, стали считать их начала началами всех вещей. Но в области этих наук числа занимают от природы первое место, а у чисел они усматривали, казалось им, много сходных черт с тем, что существует и происходит, – больше, чем у огня, земли и воды, например такое-то свойство чисел есть справедливость, а такое-то – душа и ум, другое —удача, и, можно сказать, в каждом из остальных случаев точно так же. Кроме того, они видели в числах свойства и отношения, присущие гармоническим сочетаниям. Так как, следовательно, все остальное явным образом уподоблялось числам по всему своему существу, а числа занимали первое место во всей природе, элементы чисел они предположили элементами всех вещей и всю Вселенную [признали] гармонией и числом. И все, что они могли в числах и гармонических сочетаниях показать согласующегося с состояниями и частями мира и со всем мировым устройством, это они сводили вместе и приспособляли [одно к другому]; и, если у них где-нибудь того или иного не хва-

тало, они стремились [добавить это так], чтобы все построение находилось у них в сплошной связи. Так, например, ввиду того что десятка (декада), как им представляется, есть нечто совершенное и вместила в себе всю природу чисел, то и несущихся по небу тел они считают десять, а так как видимых тел только девять, поэтому на десятом месте они помещают противоземлю... Во всяком случае и у них, по-видимому, число принимается за начало и в качестве материи для вещей, и в качестве [выражения для] их состояний и свойств, а элементами числа они считают чет и нечет, из коих первый является неопределенным, а второй определенным; единое состоит у них из того и другого, оно является и четным, и нечетным; число [образуется] из единого, а [различные] числа, как было сказано, – это вся Вселенная. Другие из этих же мыслителей принимают десять начал, идущих [каждый раз] в одном ряду – предел и беспредельное, нечет и чет, единое и множество, правое и левое, мужское и женское, покоящееся и движущееся, прямое и кривое, свет и тьму, хорошее и дурное, четыреугольное и разностороннее... Пифагорейцы указали и сколько противоположностей, и какие они. И в том и в другом случае мы, следовательно, узнаем, что противоположности суть начала вещей; но сколько их – узнаем у одних пифагорейцев, и также – какие они. А как можно [принимаемые пифагорейцами начала] свести к указанным выше причинам, это у них ясно не расчленено, но, по-видимому, они помещают свои элементы в разряд материи; ибо, по их словам, из этих элементов, как из внутри находящихся частей, составлена и образована сущность.

Аристотель Metaph. 16. Пифагорейцы утверждают, что вещи существуют по подражанию числам.

Аэций II 6,5. Пифагор говорит, что есть пять телесных фигур, которые называются также математическими: из куба, [учит он], возникла земля, из пирамиды – огонь, из октаэдра – воздух, из икосаэдра – вода, из додекаэдра—сфера Вселенной (т. е. эфир).

Порфирий V. Pyth. 30. Он же, [Пифагор], сам слышал гармонию Вселенной, воспринимая всеобщую гармонию сфер и движущихся в них светил, которую мы не слышим вследствие малости [нашей] природы... Ибо и в зрении, и в слухе, и в мышлении Пифагора [заключалась] чрезвычайно большая [сила], способность усматривать каждую из существующих [вещей], сокровищница ума и в высшей степени надлежащее проявление исключительной и более точной по сравнению с остальными [людьми] организации.

Порфирий V Pyth. 19. О чем Пифагор учил своих учеников, никто не может сказать с уверенностью, ибо они давали строгий обет молчания. Из его учений наиболее общеизвестны следующие: что, по его словам, душа бессмертна, но переходит в тело других живых существ; далее, что все происходящее в мире снова повторяется через определенные промежутки времени, но что ничего нового вообще не происходит и что все живые су-

щества необходимо считать однородными между собой. Говорят, что эти учения впервые принес в Грецию Пифагор.

======

Элейская школа

Вопросы и задания

1. Какие аргументы выдвигают элеаты для обоснования существования бытия и отсутствия небытия?
2. Каков характер бытия у элеатов? Обоснуйте свой ответ выдержками из текстов.
3. Кому принадлежит идея существования бесчисленных миров?
4. В чем новизна понимания элеатами Бога?
5. Каковы характеристики Вселенной у элеатов?
6. Каким путем возможно познание истины?
7. Допущение каких положений, с точки зрения элеатов, неминуемо ведет к противоречиям?

Работа с первоисточниками

Ознакомьтесь с представленными ниже текстами и ответьте на вопросы

Ксенофан (570-478 до н.э.). Философ- идеалист. Впервые высказал идею о зависимости представлений о богах от типа культуры. (*См.: Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М.: Мысль, 1969. С. 292 293).*

Он утверждает, что есть четыре основы сущего, что миры бесчисленны, но неизменны. Облака образуются оттого, что солнце вздымает испарения и возносит их в окрестный воздух. Сущность бога шаровидна и нисколько не схожа с человеком; он весь – зрение и весь – слух, но Дыхания в нем нет; и он весь – ум, разумение и вечность. Он же первый сказал, что все возникающее подвержено гибели и что душа есть дыхание *(Из Диогена Лаэртского).*

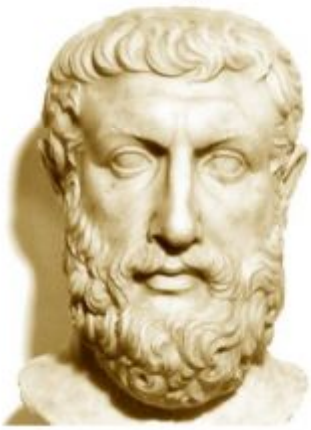
Климент Strom. VII 22 [Ксенофан]: эфиопы говорят, что их боги курносы и черны; фракияне же [представляют своих богов] голубоглазыми и рыжеватыми.

Климент Strom. V НО. [Ксенофан]: но если бы быки, лошади и львы имели руки и могли бы ими рисовать и создавать произведения [искусства] подобно людям, то лошади изображали бы богов похожими на лошадей, быки же – похожими на быков и придавали бы [им] тела такого рода, каков телесный образ у них самих, [каждые по-своему].

Диоген IX 19. Он учит, что... существо-божье шарообразно и нисколько не подобно человеку. Божество всем своим существом видит и все оно слышит, однако не дышит. Также все оно есть ум, мышление и вечность.

Цицерон Acad. II 118. Все едино и неизменяемо, и это есть бог, никогда не рожденный, вечный, шаровидной формы.

Цицерон de nat. deor. 1 11, 28. Затем Ксенофан, приписав разум Вселенной, которую он, сверх того, считал бесконечной, признал ее богом.

Парменид (акмэ 501-504 до н.э.). Философ – идеалист. Обосновывал тезис о том, что бытие тождественно мысли и единственно. Разработал целостное учение о бытии. (*См.: Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М.: Мысль, 1969. С. 293-294).*

Диоген Лаэртский IX 22. Он сказал, что философий две: одна – сообразно истине, другая – сообразно мнению... Критерием же [истины] он признал разум. И ощущения не точны, [по его мнению].

Тимон (у Диогена Лаэртского 1X23). И не следующий мнению толпы, могучий, надменный Парменид, который поистине освободил мышление от обмана воображения и в то же время старается объяснить возникновение сущего, причем суждения его о том и другом [предмете] не одинакового порядка, но он полагает, что поистине Вселенная едина, безначальна и шаровидна; согласно же мнению толпы, для объяснения возникновения он принимает два начала кажущегося [мира]: огонь и землю, одно – в качестве материи, другое же – в качестве действующей причины.

Псевдо-Плутарх Strom. 5. Он объявляет, что, согласно истинному положению вещей, Вселенная вечна и неподвижна... Возникновение же относится к области кажущегося, согласно ложному мнению, бытия. И ощущения он изгоняет из области истины. Он говорит, что, если что-нибудь существует сверх бытия, то оно не есть бытие. Небытия же во Вселенной нет. Вот таким-то образом он оставляет бытие без возникновения.

Аэций I 7, 26. Парменид: бог – неподвижен, конечен и имеет форму шара.

Зенон Элейский (акмэ 464-461 до н.э.). Обнаружил противоречия – апории в мышлении и сформулировал их. (*См.: Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М.: Мысль, 1969. С. 296-299).*

Мнения его таковы: миры существуют, пустоты же не существует; природа всего сущего произошла из теплого, холодного, сухого и влажного, превращающихся друг в друга; люди же произошли из земли, а души их есть смесь вышеназванных начал, в которой ни одно из них не пользуется преобладанием *(Из Диогена Лаэртского).*

Симплиций Phys. 139,5. В своем сочинении... он доказывает, что тому, кто утверждает множествен-

ность [сущего], приходится впадать в противоречия... [В частности], он доказывает, что «если сущее множественно, то оно и велико, и мало; столь велико, что бесконечно по величине, и столь мало, что вовсе не имеет величины». Вот в этом [доказательстве] он старается доказать, что то, что не имеет ни величины, ни толщины, ни объема, существовать не может. «Ибо, – говорит он, – если прибавить [это] к другому сущему, то нисколько не увеличишь его. Ведь так как у него нет вовсе величины, то, будучи присоединено, оно не может нисколько увеличить. И таким образом, [как] уже [очевидно]. Ничего не было бы прибавлено. Если же другая [вещь] нисколько не уменьшится от отнятия [у ней этого] и, с другой стороны, нисколько не увеличится от прибавления [этого], то очевидно, что то, что было прибавлено и отнято, есть ничто». И это Зенон говорит не с целью отрицать единое, но исходя из того [соображения], что каждая из многих бесконечных [по числу вещей] имеет величину по той причине, что перед любой [вещью] всегда должно находиться что-нибудь вследствие бесконечной делимости. Это он доказывает, после того как раньше показал, что ничто не имеет величины, так как каждая из многих [вещей] тождественна с собой и едина.

Симплиций Phys. 140,27. Доказывая, что если существует многое, то одно и то же будет ограниченным и беспредельным, Зенон пишет буквально следующее: «Если существует много [вещей], то их должно быть [ровно] столько, сколько их [действительно] есть, отнюдь не больше и не меньше, чем сколько их есть. Если же их столько, сколько есть, то число их ограниченно.

Если существует много [вещей], то сущее [по числу] беспредельно. Ибо между [отдельными] существующими [вещами] всегда находятся другие [вещи], а между ними опять другие. И таким образом, сущее беспредельно [по числу]».

Аристотель Phys. VI9. Есть четыре рассуждения Зенона о движении, доставляющие большие затруднения тем, которые хотят их разрешить. Первое – о несуществовании движения на том основании, что перемещающееся тело должно прежде дойти до половины, чем до конца... Второе – так называемый Ахиллес. Оно заключается в том, что существо более медленное в беге никогда не будет настигнуто самым быстрым, ибо преследующему необходимо раньше прийти в место, откуда уже двинулось убегающее, так что более медленное всегда имеет некоторое преимущество. Третье... заключается в том, что летящая стрела стоит неподвижно; оно вытекает из предположения, что время слагается из отдельных «теперь»... Четвертое рассуждение относится к двум равным массам, движущимся по ристалищу с противоположных сторон с равной скоростью: одни с конца ристалища, другие от середины, в результате чего, по его мнению, получается, что половина времени равна ее двойному количеству.

======

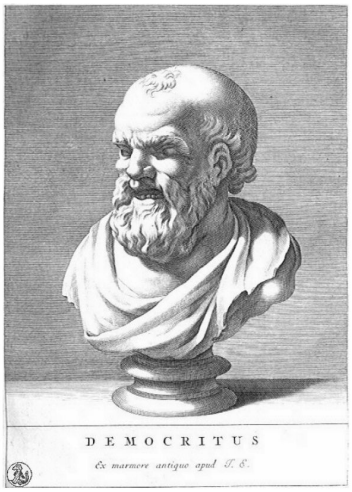
Древнегреческий атомизм

Вопросы и задания

1. Какими способами можно было заслужить уважение сограждан в Греции (на примере жизни Демокрита).
2. Какие противоречия, характерные для предшествующих философов, удалось решить Демокриту, на основе каких идей?
3. Выделите базовые принципы и идеи атомизма.

Работа с первоисточниками

Ознакомьтесь с представленными ниже текстами и ответьте на вопросы

Демокрит (460 – год смерти неизв. до н.э.)**.** Родоначальник целостного последовательно материалистического подхода к миру. Выдвинул идею атома как первоначала. (*См.: Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М.: Мысль, 1969. С.324-339).*

Демокрит, сын Гегесистрата (а другие говорят Афинократа, а третьи – Дамасиппа), из Абдеры (а иные говорят – из Милета). Он был учеником каких-то магов и халдеев, которых царь Ксеркс оставил наставниками у его отца, когда у него гостил, как о том сообщает и Геродот; у них-то он еще в детстве перенял науку о богах и о звездах. Потом он перешел к Левкиппу, а по некоторым сообщениям – и к Анаксагору, моложе которого он был на сорок лет. По словам Антисфена, упражнялся он и в том, чтобы разными способами испытывать свои представления; для этого он по временам уединялся и даже сидел на кладбищах. По возвращении из странствий жил он в крайней бедности, так как все свое добро он истратил; на пропитание в бедности давал ему брат его Дамас. Но однажды он прославился каким-то предсказанием будущего и потом всю жизнь пользовался в народе славою человека боговдохновенного. А так как был закон, запрещавший хоронить в отечестве человека, расточившего отцовское имущество, то Демокрит, чтобы избежать нареканий завистников и доносчика, – так сообщает Антисфен, прочитал народу свой «Большой Миростроей», лучшее из всех его сочинений, и получил за него в награду пятьсот талантов; мало того, в честь его воздвигли медные статуи и когда он умер, то погребли его на государственный счет, – а жил он более ста лет *(Из Лаэртского).*

Аристотель de gen. et corr. I 8. Наиболее методически обо всем учили... Левкипп и Демокрит, а именно они приняли начало соответственно природе, какова она в действительности есть. Дело в том, что некоторые из древних полагали, будто бытие по необходимости едино и неподвижно. Ибо пустота не существует, движение же невозможно, если нет отдельно

существующей пустоты, и, с другой стороны, нет многого, если нет того, что разделяет... Левкипп же полагал, что он обладает учениями, которые, будучи согласны с чувственным восприятием, не отрицают ни возникновения, ни уничтожения, ни движения, ни множественности сущего. Согласившись в этом с показаниями чувственных явлений, а с философами, принимавшими единое, – в том, что не может быть движения без пустоты, он говорит, что пустота – небытие и что небытие существует нисколько не менее, чем бытие. Ибо сущее в собственном смысле – абсолютно полное бытие. Таковое же не едино, но таковых сущих бесконечно много по числу, и они невидимы вследствие малости своих объемов. Они носятся в пустоте, [ибо пустота существует], и, соединяясь между собой, они производят возникновение, расторгаясь же – гибель. Где случится им соприкасаться, там они действуют сами и испытывают действие от других. Ибо там налицо не единое, [а множество отдельных сущих]. Складываясь и сплетаясь, они рождают [вещи]...

Аристотель de gen. et corr. I 1. Демокрит же и Левкипп говорят, что [все] прочее состоит из неделимых тел, последние же бесконечны числом. .

Аристотель Phys. VIII 9. Они говорят, что движение существует благодаря пустоте. Ибо движение в пространстве они называют природой.

Аэций IV 8,5. Левкипп, Демокрит: ощущения и мысли суть изменения тела. 8,10. Левкипп, Демокрит, Эпикур: ощущение и мышление возникают вследствие того, что приходят извне образы. Ибо никому не приходит ни одно [ощущение или мысль] без попадающего [в него] образа

Аристотель de anima I 2. Некоторые высказали мнение, что [душа] – огонь. Дело в том, что огонь состоит из самых мелких частиц и является наименее материальным из всех элементов, притом же он преимущественно [перед всем остальным] и [сам] подвижен и приводит в движение прочие [вещества]. В особенности отчетливо этот взгляд развил Демокрит, который объяснил, вследствие чего каждое из этих двух свойств [имеет место]. А именно душа и ум – одно и то же, оно состоит из первичных и неделимых тел и подвижно в силу малости своих частиц и их формы. Он говорит, что из всех форм самая подвижная – шарообразная. Таковы же [по своей форме] ум и огонь.

======

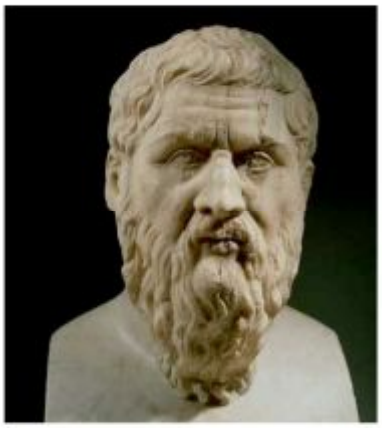
Школа софистов

Вопросы и задания

1. Опираясь на тексты, проанализируйте аргументы, как обосновывали софисты многозначность истины?
2. Почему в Греции не любили софистов. А термин «софист» сохранился до наших дней с негативным оттенком?

Работа с первоисточниками

Ознакомьтесь с представленными ниже текстами и ответьте на вопросы

Протагор (480-410 г.до н.э.). Создал учение о многозначности истины. Один из родоначальников философской антропологии. (*См.: Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М.: Мысль, 1969. С. 318-316).*

Он первый заявил, что о всяком предмете можно сказать двояко и противоположным образом, и сам первый стал пользоваться в спорах доводами.

А другое сочинение он начинает следующим образом: «О богах я не могу знать, есть ли они, нет ли их, потому что слишком многое препятствует такому знанию, – и вопрос темен, и людская жизнь коротка». За такое начало афиняне изгнали его из города, а книги его сожгли на площади, через глашатая отобрав их у всех, кто имел.

Он первый стал брать за уроки плату в сто мин; первый стал различать времена глагола и точно выражать время действия; стал устраивать состязания в споре и придумал уловки для тяжущихся; о мысли он не заботился, спорил о словах, и повсеместное нынешнее племя спорщиков берет свое начало от него.

Есть рассказ, будто однажды он требовал платы со своего ученика Еватла, а тот ответил: «Но я ведь еще не выиграл дела в суде!» Протагор сказал: «Если мы подадим в суд, и дело выиграю я, то ты заплатишь, потому что выиграл я; если выиграешь ты, то заплатишь, потому что выиграл ты». *Из Диогена Лаэртского*

Секст adv. math. VII 60. [Протагор] говорил, что все продукты воображения и все мнения истинны и что истина принадлежит к тому, что относительно, вследствие того, что все явившееся или представившееся кому-нибудь существует непосредственно в отношении к нему.

Платон Cratyl. 385 E. [Протагор говорил], что мера всех вещей есть человек, то есть какими вещи являются мне, таковы они и суть для меня, а какими [они являются] тебе, таковы они для тебя.

Протагор (у Платона Theaet. 166D-167B). В самом деле, я утверждаю, что истина такова, как я ее описал; а именно [что] каждый из нас есть мера существующего и несуществующего. И действительно, бесконечно один [человек] от другого различается этим самым, так как для одного существует и является одно, для другого другое. Но я далек от того, чтобы не признавать мудрость и мудрого человека. Напротив, именно того я и называю мудрым, кто, если с кем-нибудь из нас случится кажущееся и действительное зло, сумеет превратить его в кажущееся и действительное добро. А я думаю, что [человека], имевшего в дурном (поврежденном) состоянии души соответствующие этому самому [состоянию] мнения, [то есть] дурные мнения, [вернувшееся к нему] хорошее состояние сделало

имеющим иные таковые, [то есть хорошие, мнения]. Последние представления некоторые по незнанию называют истинными, я же признаю лишь одни мнения лучшими, чем другие, но отнюдь не более истинными.

======

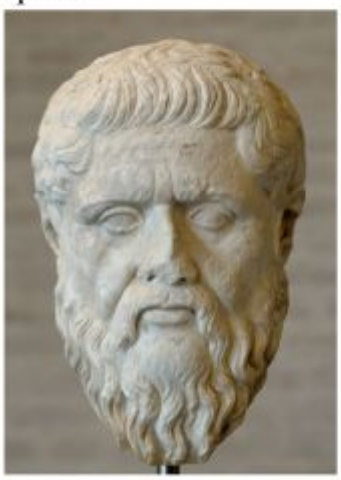
Школа Платона

Вопросы и задания

1. Какие философские положения хотел проиллюстрировать Платон, рассказывая о пещере?
2. Назовите причину всех причин по Платону.
3. В чем своеобразие платоновского бытия и небытия?
4. Как связаны между собой бытие и небытие?
5. Каков механизм познания мира по Платону?
6. Как относился Платон к диалектике?

Работа с первоисточниками

Ознакомьтесь с представленными ниже текстами и ответьте на вопросы

Платон. Ученик и продолжатель мудреца-философа Сократа. Создатель системы объективного идеализма. Разработал целостное учение о подлинном бытие как мире идей и небытие – как мире вещей. Разработал учение о душе, ее роли в познании, ее структуре и связи с деятельностью человека. Создатель концепции идеального государства.

Работа с первоисточниками. (*См.: Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М.: Мысль, 1969. С.370-406).*

Государство *[Учение об идеях].* После этого-то, сказал я, нашу природу, со стороны образования и необразованности, уподобь вот какому состоянию. Вообрази людей как бы в подземном пещерном жилище, которое имеет открытый сверху и длинный во всю пещеру вход для света. Пусть люди живут в ней с детства, скованные по ногам и по шее так, чтобы, пребывая здесь, могли видеть только то, что находится пред ними, а поворачивать голову вокруг от уз не могли. Пусть свет доходит до них от огня, горящего далеко вверху и позади их, а между огнем и узниками на высоте пусть идет дорога, против которой вообрази стену, построенную наподобие ширм, какие ставят фокусники пред зрителями, когда из-за них показывают свои фокусы. – Воображаю, сказал он. – Смотри же: мимо этой стены люди несут выставляющиеся над стеною разные сосуды, статуи и фигуры, то человеческие, то животные, то каменные, то деревянные, сделанные различным образом, и что будто бы одни из проносящих издают звуки, а другие молчат. – Странный начертываешь ты образ и странных узников, сказал он. – Похожих на нас, примолвил я. Раз-

ве ты думаешь, что эти узники на первый раз как в себе, так и один в другом видели что-нибудь иное, а не тени, падавшие от огня на находящуюся пред ними пещеру? – Как же иначе, сказал он, если они принуждены во всю жизнь оставаться с неподвижными-то головами? – А предметы проносимые – не то же ли самое? – Что же иное? – Итак, если они в состоянии будут разговаривать друг с другом, не думаешь ли, что им будет представляться, будто, называя видимое ими, они называют проносимое? – Необходимо. – Но что, если бы в этой темнице прямо против них откликалось и эхо, как скоро кто из проходящих издавал бы звуки, к иному ли чему, думаешь, относили бы они эти звуки, а не к проходящей тени? – Клянусь Зевсом, не к иному, сказал он. – Да и истиною-то, примолвил я, эти люди будут почитать, без сомнения, не что иное, как тени. – Весьма необходимо, сказал он. – Наблюдай же, продолжал я: пусть бы, при такой их природе, приходилось им быть разрешенными от уз и получить исцеление от бессмысленности, какова бы она ни была; пусть бы кого-нибудь из них развязали, вдруг принудили встать, поворачивать шею, ходить и смотреть вверх на свет: делая все это, не почувствовал ли бы он боли и от блеска не ощутил ли бы бессилия взирать на то, чего прежде видел тени? И что, думаешь, сказал бы он, если бы кто стал ему говорить, что тогда он видел пустяки, а теперь, повернувшись ближе к сущему и более действительному, созерцает правильнее, и, если бы даже, указывая на каждый проходящий предмет, принудили его отвечать на вопрос, что такое он, пришел ли бы он, думаешь, в затруднение и не подумал ли бы, что виденное им тогда истиннее, чем указываемое теперь? – Конечно, сказал он. – Да хотя бы и принудили его смотреть на свет, не страдал ли бы он глазами, не бежал ли бы,.повернувшись к тому, что мог видеть, и не думал ли бы, что это действительно яснее указываемого? – Так, сказал он. – Если же кто, продолжал я, стал бы влечь его насильно по утесистому и крутому всходу и не оставил бы, пока не вытащил на солнечный свет, то не болезновал ли бы он и не досадовал ли бы на влекущего и, когда вышел бы на свет, ослепляемые блеском глаза могли ли бы даже видеть предметы, называемые теперь истинными? – Вдруг-то, конечно, не могли бы, сказал он.— Понадобилась бы, думаю, привычка, кто захотел бы созерцать горнее: сперва легко смотрел бы он только на тени, потом на отражающиеся в воде фигуры людей и других предметов, а, наконец, и на самые предметы; и из этих находящиеся на небе и самое небо легче видел бы ночью, взирая на сияние звезд и луны, чем днем – солнце и свойства солнца. – Как не легче! – И только, наконец, уже, думаю, был бы в состоянии усмотреть и созерцать солнце – не изображение его в воде и в чуждом месте, а солнце само в себе, в собственной его области. – Необходимо, сказал он. – И после этого-то лишь заключил бы о нем, что оно означает времена и лета и, в видимом месте всем управляя, есть некоторым образом причина всего, что усматривали его товарищи. – Ясно, сказал он, что от того перешел бы он к этому. –

Что же, вспоминая о первом житье, о тамошней мудрости и о тогдашних узниках, не думаешь ли, что свою перемену будет он ублажать, а о других жалеть? – И очень. – Вспоминая также о почестях и похвалах, какие тогда воздаваемы были им друг от друга, и о наградах тому, кто с проницательностью смотрел на проходящее и внимательно замечал, что обыкновенно бывает прежде, что потом, что идет вместе, и из этого-то могущественно угадывал, что имеет быть – пристрастен ли он будет, думаешь, к этим вещам и станет ли завидовать людям между ними почетным и правительственным или скорее придет к мысли Гомера и сильно захочет лучше идти в деревню работать на другого человека, бедного, и терпеть что бы то ни было, чем водиться такими мнениями и так жить? – Так и я думаю, сказал он; лучше принять всякие мучения, чем жить по-тамошнему. – Заметь и то, продолжал я, что если бы такой сошел опять в ту же сидельницу и сел, то после солнечного света глаза его не были ли бы вдруг объяты мраком? – Уж конечно, сказал он. – Но, указывая опять, если нужно, на прежние тени и споря с теми всегдашними узниками, пока не отупел бы, установив снова свое зрение – для чего требуется некратковременная привычка, – не возбудил ли бы он в них смеха и не сказали ли бы они, что, побывав вверху, он возвратился с поврежденными глазами и что поэтому не следует даже пытаться восходить вверх? А кто взялся бы разрешить их и возвесть, того они, лишь бы могли взять в руки и убить, убили бы. – Непременно, сказал он. – Так этот-то образ, любезный Главкон, продолжал я, надобно весь прибавить к тому, что сказано прежде, видимую область зрения уподобляя житью в узилище, а свет огня в нем – силе солнца. Если притом положишь, что восхождение вверх и созерцание горнего есть восторжение души в место мыслимое, то не обманешь моей надежды, о которой желаешь слышать. Бог знает, верно ли это; но пре ставляющееся мне представляется так: на пределах ведения идея блага едва созерцается; но, будучи предметом созерцания, дает право умозаключать, что она во всем есть причина всего правого и прекрасного, в видимом родившая свет и его господина, а в мыслимом сама госпожа, дающая истину и ум, и что желающий быть мудрым в делах частных и общественных должен видеть ее. – Тех же мыслей и я, сказал он, только бы мочь как-нибудь. – Ну так прими и ту мысль, примолвил я, и не удивляйся, что здешние пришлецы не хотят жить по-человечески, но душами своими возносятся вверх, чтобы обитать там; ибо это естественно, если только, по начертанному образу, справедливо [514 A —517 D].

Федон *[Учение об идеях].* Я хочу показать тебе тот вид причины, который я исследовал, и вот я снова возвращаюсь к известному и сто раз слышанному и с него начинаю, полагая за основу, что существует прекрасное само по себе, и благое, и великое, и все прочее. Если ты согласишься со мною и признаешь, что так оно и есть, я надеюсь, это позволит мне открыть и показать тебе причину бессмертия души [100B].

Тогда давай обратимся к тому, о чем мы говорили раньше. То бытие,

существование которого мы выясняем в наших вопросах и ответах, – что же, оно всегда неизменно и одинаково или в разное время иное? Может ли равное само по себе, прекрасное само по себе, все вообще существующее само по себе, то есть бытие, претерпеть какую бы то ни было перемену? Или же любая из этих вещей, единообразная и существующая сама по себе, всегда неизменна и одинакова и никогда, ни при каких условиях ни малейшей перемены не принимает?

— Они должны быть неизменны и одинаковы, Сократ, – отвечал Кебет [78 D].

Филеб *[Учение об идеях].* Сократ. Итак, если мы не в состоянии уловить благо одною идеею, то поймаем его тремя – красотою, соразмерностью и истиной; сложивши их как бы воедино, мы скажем, что это и есть действительная причина того, что содержится в смеси, и благодаря ее благости самая смесь становится благом [65 A].

Менон *[Учение о душе].* Раз душа бессмертна, часто рождается и видела все и здесь, и в Аиде, то нет ничего такого, чего бы она не познала; поэтому ничего удивительного нет в том, что и насчет добродетели, и насчет всего прочего она способна вспомнить то, что прежде ей было известно. И раз все в природе друг другу родственно, а душа все познала, ничто не мешает тому, кто вспомнил что-нибудь одно, – люди называют это познанием, – самому найти и все остальное, если только он будет мужествен и неутомим в поисках: ведь искать и познавать – это как раз и значит припоминать [81 C – D].

Государство *[О диалектике].* Не кажется ли тебе, спросил я, что диалектика, как бы оглавление наук, стоит у нас наверху и что никакая другая наука, по справедливости, не может стоять выше ее; ею должны заканчиваться все науки [534 E].

======

Школа Аристотеля

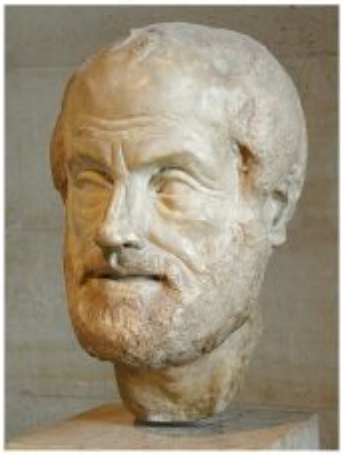
Вопросы и задания

1. В чем выражается по Аристотелю двойственность природы?
2. Что является источником всякого движения?
3. Как относятся друг к другу форма и материя?
4. Что такое энтелехия, ее роль?
5. Опираясь на тексты, определите, что такое добродетель.

Работа с первоисточниками

Ознакомьтесь с представленными ниже текстами и ответьте на вопросы

Аристотель (384-322 г. до н.э.). Разработал целостное учение, включающее все аспекты философского знания (онтологию, гносеологию, антропологию. этику, эстетику, логику). Систематизировал античное философское наследие. (*См.: Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М.: Мысль, 1969/ С.407-475).*

Физика *[Онтология].* Имеется причина «ради чего» в том, что возникает и существует по природе. Далее, там, где есть какая-нибудь цель, ради нее делается и первое, и следующее по порядку. Итак, как делается каждая вещь, такова она и есть по своей природе, и какова она по природе, так и делается, если ничто не будет мешать. Делается же ради чего-нибудь, следовательно, и по природе существует ради этого. Например, если бы дом был из числа природных предметов, он возникал бы так же, как теперь делается искусством; если же природные тела возникали бы не только природным путем, но и путем искусства, они возникали бы соответственно своему природному бытию. Следовательно, одно возникает ради другого. Вообще же искусство частью завершает то, что природа не в состоянии сделать, частью подражает ей. Если, таким образом, искусственные произведения возникают ради чего-нибудь, то ясно, что и природные, ибо последующее и предыдущее и в искусственных, и в природных произведениях одинаковым образом относятся друг к другу. Яснее всего это выступает у прочих животных, которые производят вещи без искусства, без исследований и без советов, почему некоторые чрезвычайно недоумевают, работают ли пауки, муравьи и подобные им существа с помощью разума или чего-нибудь другого. Если идти постепенно в этом направлении, становится очевидным, что и в растениях полезные им части возникают ввиду определенной цели, например листья ради защиты плода. Так что если по природе и ради чего-нибудь ласточка делает гнездо, а паук паутину и растения производят листья ради плодов, а корни растут не вверх, а вниз ради питания, то очевидно, что имеется подобная причина в телах, возникающих и существующих по природе. А так как природа двоякая: с одной стороны, как материя, с другой – как форма, она же цель, а ради цели существует все [С.445].

Метафизика *[Онтология].* ….и существует что-то, что вечно движется безостановочным движением, а таково движение круговое; и это ясно не только как логический вывод, но и как реальный факт, а потому первое небо обладает, можно считать, вечным бытием. Следовательно, существует и нечто, что [его] приводит в движение. А так как то, что движется и [вместе] движет, занимает промежуточное положение, поэтому есть нечто, что движет, не находясь в движении, – нечто вечное и являющее собою сущность и реальную активность. Но движет так предмет желания и предмет мысли: они движут, [сами] не находясь в движении. А первые (т.е. высшие) из этих предметов, [на которые направлены желание и мысль], друг с другом совпадают. Ибо влечение вызывается тем, что кажется прекрасным, а высшим предметом желания выступает то, что на самом деле

прекрасно... А что цель имеет место [и] в области неподвижного – это видно из анализа: цель бывает для кого-нибудь и состоит в чем-нибудь, и в последнем случае она находится в этой области, а в первом нет. Так вот, движет она, как предмет любви, между тем все остальное движет, находясь в движении [само] [С.420].

О душе *[Учение о движении].* 1) Мы сказали все, что нужно, относительно дошедших до нас мнений прежних мыслителей о душе. Теперь возвратимся к тому, с чего начали, и сделаем попытку определить, что такое душа и какое можно дать самое общее понятие о ней?

2) Один из родов существующего составляют субстанции. Каждая субстанция заключает в себе: материю, которая сама по себе не есть что-либо определенное, во-вторых, форму и вид, в силу которого она становится определенным предметом, и, в-третьих, нечто состоящее из этих двух частей. Материя при этом есть только потенция, форма же – энтелехия, и притом энтелехия в двух значениях, различие между которыми такое же, как между знанием и приложением его 3) По-видимому, тела, и притом тела естественные, суть по преимуществу субстанции, потому что они лежат в основе всех других. Из тел естественных одни одарены жизнью, другие нет. Жизнью мы называем питание, возрастание и увядание тела, имеющие основание в нем самом. Таким образом, каждое естественное тело, имеющее в себе жизнь, есть субстанция и, как такая, есть нечто составное. 4) Так как тело, как одаренное жизнью, имеет самостоятельное бытие, то само оно не есть душа, потому что оно не есть какое-нибудь свойство предмета, а, наоборот, само есть предмет и материя. Вследствие этого душа необходимо есть субстанция в смысле формы естественного тела, заключающего в себе способность жизни, а субстанция есть энтелехия. 5) С тем вместе душа есть энтелехия определенного тела, и притом энтелехия в двух значениях, которые относятся между собою так же, как знание и его приложение. Очевидно, что в этом случае она есть энтелехия в смысле знания, потому что, как скоро существует душа, является сон и бодрствование: бодрственное состояние имеет аналогию с прилагаемым к делу знанием, сон – с знанием, присущим душе, но не обнаруживающимся в действии. Знание по своему происхождению предшествует приложению, потому душа есть первая энтелехия естественного тела, способного к жизни и организованного. 6) Растения тоже обладают органами, только в высшей степени простыми. Так, лист есть покров для скорлупы, а скорлупа есть покров плода; корни имеют сходство со ртом, потому что ими, как и ртом, вбирается пища. Таким образом, общее определение души будет следующее: душа есть энтелехия естественного органического тела [С.453].

Этика *[Учение о добродетелях].* Точно так же и в действиях есть избыток, недостаток и середина. Добродетель же касается аффектов и действий, в которых излишек – ошибка, недостаток порицается, середина же похваляется и достигает цели; то и другое суть признаки добродетели.

Итак, добродетель есть известного рода середина, поскольку она стремится к среднему. Сверх того, ошибаться можно различно (ибо зло беспредельно, как картинно выражались пифагорейцы, а добро ограниченно), верно поступать можно лишь одним путем, поэтому-то первое легко, а второе трудно; легко промахнуться, трудно попасть в цель, поэтому-то избыток и недостаток – принадлежности порока, середина – принадлежность добродетели.

Совершенные люди однообразны, порочные разнообразны [С.461].

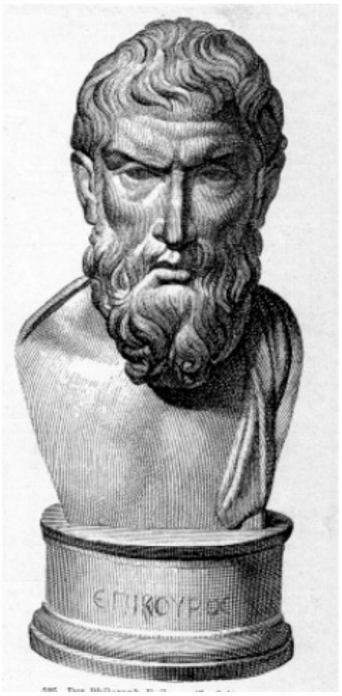
Школа «Сад Эпикура»

Вопросы и задания

1. Что считалось недопустимым и предосудительным в античном мире?
2. Как вы думаете, какие положения учения Эпикура актуальны и сегодня?
3. Что такое удовольствие по Эпикуру?
4. Как называется учение, где в качестве главной цели провозглашается стремление к удовольствию?

Работа с первоисточниками

Ознакомьтесь с представленными ниже текстами и ответьте на вопросы

ЭПИКУР (341-270 до н.э.). Философ-материалист. Развивал атомистическое учение. Разрабатывал концепцию гедонизма как этического учения о наслаждении. (*См.: Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М.: Мысль, 1969. С.346-360).*

Письмо к Минекею *[Учение о наслаждении].* Итак, когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствия распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении, как думают некоторые, не знающие, или не соглашающиеся, или неправильно понимающие, но мы разумеем свободу от телесных страданий и от душевных тревог. Нет, не попойки и кутежи непрерывные, не наслаждения мальчиками и женщинами, не наслаждения рыбою и всеми прочими яствами, которые доставляет роскошный стол, рождают приятную жизнь, но трезвое рассуждение, исследующее причины всякого выбора и избегания и изгоняющее [лживые] мнения, которые производят в душе величайшее смятение [С..357].

Из «Ватиканского собрания изречений» *[Этические воззрения].* IX. Необходимость есть бедствие, но нет никакой необходимости жить с необходимостью.

XXIII. Всякая дружба желанна ради себя самой, а начало она берет от пользы.

XXXIII. Голос плоти – не голодать, не жаждать, не зябнуть. У кого есть это и кто надеется иметь это и в будущем, тот даже с Зевсом может поспорить о счастье.

XLI. Следует смеяться и философствовать и в то же время заниматься хозяйством и пользоваться всеми остальными способностями и никогда не переставать изрекать глаголы истинной философии.

XLV. Изучение природы создает людей не хвастливых и велеречивых и не выставляющих напоказ образование, предмет соперничества в глазах толпы, но людей смелых, довольных своим, гордящихся своими личными благами, а не благами, которые им даны обстоятельствами.

LIII. Никому не следует завидовать: хорошие люди не заслуживают зависти, а дурные, чем счастливее бывают, тем более вредят себе.

LXV. Глупо просить у богов то, что человек способен сам себе доставить [С.359].

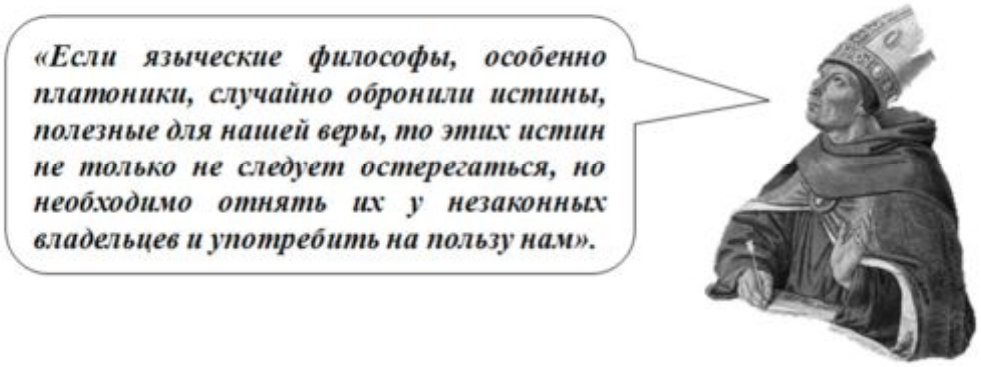
Тема 4. ФИЛОСОФИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Философия западноевропейского Средневековья – исторический этап развития философской мысли IV-XIV вв., отличительной чертой которой является теоцентризм (от греч. *theos* – бог): реальностью, определяющей все сущее, является не природа, космос, как это было в античной философии, а сверхъестественное начало – Бог. Представление о реальном существовании сверхъестественного ведут к новому пониманию природы, человека и смысла истории. Философская мысль, ограниченная религиозными воззрениями, сливается с теологией и сводится к систематизации христианского вероучения и рационально-умозрительному его обоснованию («философствование в вере»).

Вопросы и задания

1. Сопоставьте понятия «религия» – «теология» – «философия». В чем заключается их сходство и различие?

2. Ниже приводится мысль представителя латинской патристики Аврелия Августина (354-430). Поясните, какие «случайные» истины имеет в виду Августин.

3. Как вы понимаете мысль представителя византийской патристики Иоанна Дамаскина (ок. 675-750): «Философия – служанка богословия».

4. Поясните, что означает понятие «схоластика» в период средневековья и в настоящее время.

5. Сочинения средневековых схоластов носили назидательно-исповедальный характер, многие из них были построены в виде диалога между «всезнающим» учителем и прилежным учеником. Представьте, что вы – Учитель, и вам нужно ответить на вопрос Ученика *(вопрос составлен на основе диалога, приведенного Ансельмом Кентерберийским в соч. «О падении диавола»)*.

Ученик: Я верю, что все происходит от Бога. Это Единое, Благое и Прекрасное является единственной причиной всего разнообразия прекрасного и благого. Но я не понимаю, откуда же все-таки происходит зло? Если все сущее стремится к Благому, и все сотворенное сотворено добрым, а цель всех существ – от начала до конца пребывать в Благе, поскольку ничто из сотворенного не сотворено склонным ко злу по природе, то почему же зло обретается в некоторых из существ, и почему они вообще лишены присущего им стремления к добру?

6. В одном из своих писем Элоиза, ученица и возлюбленная теолога Пьера Абеляра (1079-1142), утверждала: «Библия без рацио, что зеркало перед слепым». Объясните данное высказывание.

7. Справедливо ли утверждать, что номинализм способствовал развитию опытного естествознания. Поясните свой ответ на примере взглядов английских схоластов Роджера Бэкона и Уильяма Оккама.

8. Научно-образовательный проект «Философская библиотека Средневековья» (http://antology.rchgi.spb.ru/) – это информационно-поисковая система, включающая информацию о средневековых мыслителях, тексты их работ, словарь основных терминов и т.д. Опираясь на представленную информацию, составьте творческий портрет одного из западноевропейских мыслителей эпохи (Августин Аврелия, Пьера Абеляра, Ансельма Кентерберийского, Фомы Аквинского – *по выбору*) по следующему плану:

- краткая биографическая справка,

- основные философские идеи,
- анализ фрагмента работы.

Форма представления: доклад на семинаре, письменная домашняя работа, медиапроект.

Работа с первоисточниками

Ознакомьтесь с представленными ниже текстами и ответьте на вопросы к ним.

Библия. Вначале сотворил Бог небо и землю.

Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездной; и Дух Божий носился над водою.

И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы…

И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, да отделяет она воду от воды.

И создал Бог твердь; и отделил Бог воду, которая над твердью, от воды, которая под твердью…

И назвал Бог твердь небом…

…И назвал Бог сушу землею, а собрание вод – морями…. [Бытие. I, 1-10].

…И сотворил Бог человека по образу Своему… [Бытие. I:27].

Вопросы к тексту:

1. В чем особенность христианской трактовки понятия «бытие»?

2. Объясните смысл принципа креационизма. Какое отношение он имеет к онтологии средневековой философии?

3. Согласно христианской антропологии, человек занимает особое положение в мире: он не просто часть космоса (микромир) и «разумное животное», как это было в античной философии, а венец божественного творения, господин всего того, что создано для него. Справедливо ли утверждать, что человек равен Богу?

Аврелий Августин (354-430) – крупнейший религиозный мыслитель раннего Средневековья. В центре его размышлений – проблемы Бога, мира и человека, веры и разума, вечности и времени, божественной благодати и свободы личности, добра и зла, смысла истории *(См.: 1. Августин Аврелий. Исповедь. Петр Абеляр. История моих бедствий. – М.: Республика, 1992; 2. Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М.: Мысль, 1969).*

Исповедь *[Онтология].* Я рассмотрел всё стоящее ниже Тебя и увидел, что о нем нельзя сказать ни того, что оно су-

ществует, ни того, что его нет; оно существует, потому что всё от Тебя, и его нет, потому что это не то, что Ты. Истинно существует только то, что пребывает неизменным… [1. С. 92].

Я оглянулся на мир созданный и увидел, что Тебе обязан он существованием своим и в Тебе содержится, но по-иному, не так, словно в пространстве; Ты, Вседержитель, держишь его в руке, в истине Твоей, ибо всё существующее истинно, поскольку оно существует [1. С. 96].

Как же создал Ты небо и землю, каким орудием пользовался в такой великой работе? Ты ведь действовал не так, как мастер, делающий одну вещь с помощью другой… Каким образом, Боже, создал Ты землю и небо? Не на небе же, конечно, и не на земле создавал Ты небо и землю, не в воздухе и не на водах; они ведь связаны с небом и с землей. И не во вселенной создал Ты вселенную, ибо не было ей, где возникнуть, до того, как возникло, где ей быть. И ничего не держал Ты в руке Своей, из чего мог бы сделать небо и землю. И откуда у Тебя могло быть вещество, которого Ты не сделал раньше, чтобы потом сделать из него что-то?… Итак, …создал Ты это словом Твоим. <…>

Этим началом Ты и создал, Боже, небо и землю – словом Твоим… [1. С. 162-163].

Как могли пройти бесчисленные века, если они не были еще созданы Тобой, Творцом и Учредителем всех веков? Было разве время, Тобой не учрежденное? И как могло оно пройти, если его вовсе и не было? … Это самое время создал Ты, и не могло проходить время, пока Ты не создал времени. Если же раньше неба и земли вовсе не было времени, зачем спрашивать, что Ты делал тогда. Когда не было времени, не было и «тогда».

…Ты не во времени был раньше времен, иначе Ты не был бы раньше всех времен. Ты был раньше всего прошлого на высотах всегда пребывающей вечности… Все годы Твои одновременны и недвижны… [1. С. 166].

…Совершенно ясно теперь одно: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен, прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего это память; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание [1. С. 170].

…Господь Всемогущий, Ты создал нечто из «ничего», началом, которое от Тебя, Мудростью Твоей, рожденной от субстанции Твоей. Ты создал небо и землю не из Своей субстанции… Ты и создал из «ничего» небо и землю, нечто великое и нечто малое, ибо Ты всемогущ и добр и потому сотворил всё добрым… [1. С. 181].

Вопросы к тексту:

1. Как и из чего сотворил Бог мир и человека?

2. Какой атрибут (неотъемлемое свойство) позволил Богу совершить акт творения?

3. Существует ли время независимо от бытия вещей? Каково соотношение между настоящим, прошлым и будущим?

О количестве души *[О соотношении разума и веры].* К изучению наук ведет нас двоякий путь – авторитет и разум. По отношению ко времени первенствует авторитет, а по отношению к существу дела – разум. Ибо первое предпочитается, когда нужно располагать, а другое наиболее ценится при достижении… Авторитет же бывает частью божественный, частью человеческий; но истинный и высший авторитет тот, который называется божественным [2. С. 594].

Итак, что я разумею, тому и верю, но не все, чему я верю, то и разумею. Все, что разумею, то я знаю; но не все то знаю, чему верю. Я знаю, как полезно верить многому и такому, чего не знаю [2. С. 597].

Вопросы к тексту:

1. Для чего необходимо человеку познание?

2. Какие пути познания мира выделяет Августин? В чем заключается преимущество каждого из них?

3. Каково соотношение веры и знания, согласно Августину?

О Граде Божьем *[О смысле истории].* Для того чтобы род человеческий не только соединить взаимно сходством природы, но и связать в согласное единство мира в известном смысле узами кровного родства, Богу угодно было произвесть людей от одного человека…

Отсюда вышло, что, хотя такое множество и таких многочисленных народов, живущих по лицу земному каждый по особым уставам и обычаям, и различается между собою многочисленным разнообразием языков, оружия, утвари, одежд, тем не менее существовало всегда не более как два рода человеческого общения, которые мы, следуя Писаниям своим, справедливо можем называть двумя градами. Один из них составляется из людей, желающих жить в мире своего рода по плоти; другой – из желающих жить также по духу. Когда каждый из них достигает своего желания, каждый в мире своего рода и живет…

Граждан земного града рождает испорченная грехом природа, а граждан града небесного рождает благодать, освобождающая природу от греха; почему те называются сосудами гнева Божия, а эти – сосудами милосердия [2. С. 601-603].

Вопросы и задания к тексту:

1. Что такое Град земной и Град Божий? Какова связь между ними?

2. Каков смысл истории человечества?

Ансельм Кентерберийский (1033-1109) – теолог, представитель ранней схоластики. Известен «онтологическим доказательством» бытия Бога» (*См.: Ансельм Кентерберийский. Сочинения. – М.: Канон, 1995).*

Монологион *[Онтология].* …поскольку все существующее существует через это одно, нет сомнения, что это одно само существует через себя. Таким образом, все остальное существует через иное и только оно – через само себя. А все, что существует через иное, меньше, чем то, через что существует все иное, и что одно только (существует) через себя. Поэтому то, что существует через себя, является наибольшим из всего. Итак, есть нечто одно, что одно только большое и выше всего, Что же больше всего, и через что существует все благое или великое, и вообще все, что есть нечто, то с необходимостью есть в высшей степени благое, и в высшей степени великое, и высшее (в отношении) всего существующего. Потому есть нечто – назвать ли его сущностью, … или субстанцией, или природой – наилучшее, и наибольшее, и высшее (в отношении) всего существующего [С. 42-43].

…Итак, существует некая природа, которая есть высшее (в отношении) всего существующего. Но она может быть этим (высшим в отношении всего), только если она есть то, что она есть, через себя, а все существующее есть то, что оно есть, через нее. Ведь если чуть раньше рассуждение … показало, … что то, что существует через себя само и через что существует все остальное, есть наивысшее из всего существующего…, то обратным образом (получим, что) или наивысшее существует через себя и все остальное через него, или будет много высших. Но очевидно, что нет многих высших. Поэтому есть некая природа, или субстанция, или сущность, которая сама по себе … добра и велика, и через себя есть то, что она есть, и через которую есть всякое благое, или великое, или нечто, или которая есть высшее благо, высшая величина, высшее сущее и существующее…, т.е. высшее (в отношении) всего существующего [С. 44].

…А высшая природа никоим образом не существует через другое, и по времени не позже, и не меньше ни себя самой, ни какой-либо другой вещи. Потому высшая природа не могла возникнуть ни под действием себя самой…, ни под действием другого…, ни она сама себе, ни другое что-либо не было для нее материей, откуда она возникла бы, и ни она сама себе, каким-либо образом, ни какая-то другая вещь не помогла ей стать тем, чем бы она до этого (еще) ни была.

Что же? То, что ни от какого-либо действующего…, ни из какой материи и без каких-либо вспомогательных средств пришло к бытию – кажется, что это – либо ничто, либо, если это есть нечто, то оно (существует как нечто) через ничто … и из ничего… [С. 45]

… Теперь остается разобрать (вопрос) о совокупности вещей, существующих через иное, каким образом они существуют через высшую суб-

станцию: потому ли, что она создала все, … или потому, что была материей всего. Ведь не стоит труда выяснить, не потому ли все через нее, что она, при другом действующем или другой материи, … только каким-то образом способствовала тому, чтобы существовали все вещи, потому что если все существующее существует через нее во-вторых и не главным образом, то это противоречит тому, что уже выше стало ясно. Итак, сначала, я думаю, нужно выяснить, (состоит) ли совокупность вещей, существующих через иное, из какой-нибудь материи. Я отнюдь не сомневаюсь, что вся эта громада мира со своими частями, оформленная так, как мы ее видим, состоит из земли, и воды, и воздуха, и огня, каковые четыре элемента можно как-то помыслить без форм, которые мы видим в оформленных вещах, так что их бесформенная и даже смешанная природа, кажется, есть материя всех тел, различных по их формам … в этом, повторяю, не сомневаюсь, но спрашиваю: откуда сама эта материя, о которой я (только что) сказал, материя мировой массы…? Ведь если у этой материи есть (еще) какая-то материя, то, вернее будет сказать, что она-то и есть материя совокупности тел. Итак, если совокупность вещей видимых или невидимых (сделана) из какой-то материи, то, конечно, не только не может быть, но и сказать нельзя, что она из другой какой материи, чем или из высшей природы, или из себя самой, или из какой-то третьей сущности, которой, конечно, нет. Ведь вообще нельзя хотя бы даже только представить себе, что существует что-либо, кроме этого высшего (в отношении) всего, которое существует через себя, и совокупности того, что существует не через себя, а через это высшее. Потому то, что ни в каком смысле не есть нечто, не есть материя никакой вещи. Но из своей (собственной) природы совокупность вещей, существующая не через себя, не может быть; потому что в таком случае она была бы в некотором смысле через себя и через другое, чем то, через что существует все, и таким образом то, через что существует все, не было бы одно, что вполне ложно…

Потому, поскольку все существующее существует через высшую сущность и через нее не может существовать ничто другое иначе как при ее действии или при ее наличии в качестве материи…, с необходимостью следует, что кроме нее ничего не существует, если только она не создаст. И поскольку не было и нет ничего, кроме нее и созданного ею, она не могла вовсе ничего создать через иное приспособление… или орудие, кроме как через себя саму. А все, что она создала, она, без сомнения, или создала из чего-то как из материи, или из ничего. Вследствие этого достовернейшего ясно, что сущность всего существующего, кроме самой высшей сущности, создана тою же высшей сущностью и не (состоит) ни из какой материи: без сомнения, нет ничего яснее, чем то, что эта высшая сущность такую массу вещей столь значительное множество, столь прекрасно оформленное…, столь ладным образом разнообразное, – произвела одна, из ничего, через себя саму [С. 47-49].

Вопросы и задания к тексту:

1. Каково соотношение сущности (субстанции) и существования, согласно Ансельму?

2. Какова природа всего существующего: материальна или идеальна?

3. Как известно, под реализмом в средневековой философии подразумевалась позиция, согласно которой реальным бытием обладают не только единичные вещи, но и универсалии (общие понятия), выражающие сущность вещей, а согласно номинализму реально лишь индивидуальное, но не универсальное. Поясните, какую позицию в решении этого вопроса занимает Ансельм Кентерберийский.

Прослогион *[«Онтологическое» доказательство бытия Бога].* Итак, Господи, дающий вере разумение, дай мне, сколько сам знаешь, чтобы я понял, что Ты есть, как мы веруем, и то есть, во что мы веруем. А мы веруем, что Ты есть нечто, больше чего нельзя ничего себе представить... Значит, когда «сказал безумец в сердце своем: нет Бога» – он сказал, что какой-то такой природы нет?... Ведь одно дело – быть вещи в уме; другое – подразумевать, что вещь существует. Так, когда художник заранее обдумывает то, что он будет делать, он, правда, имеет в уме то, чего еще не сделал, но отнюдь не подразумевает его существования. А когда он уже нарисовал, он и имеет в уме, и мыслит как существующее то, что уже сделал. Значит, убедится даже безумец, что хотя бы в уме есть нечто, больше чего нельзя ничего себе представить, так как когда он слышит это (выражение), он его понимает, а все, что понимается, есть в уме. И, конечно, то, больше чего нельзя себе представить, не может быть только в уме. Ибо если оно уже есть по крайней мере только в уме, можно представить себе, что оно есть и в действительности, что больше. Значит, если то, больше чего нельзя ничего себе представить, существует только в уме, тогда то, больше чего нельзя себе представить, есть то, больше чего можно представить себе. Но этого, конечно, не может быть. Итак, без сомнения, нечто, больше чего нельзя себе представить, существует и в уме, и в действительности [С. 128-129].

Вопросы к тексту:

1. Объясните, в чем суть онтологического доказательства бытия Бога.

Фома Аквинский (1225/1226–1274) – теолог и философ, последователь Аристотеля. В своих сочинениях «Сумма теологии» и «Сумма против язычников» обобщил достижения средневековой схоластической мысли. Позднее его учение было объявлено официальной доктриной католической церкви (томизм) и легло в основу неотомизма как одного из влиятельных направлений современной западной филосо-

фии. Основная идея томизма (и неотомизма) – единство науки и религии, знания и веры *(См.: 1. Боргош Ю. Фома Аквинский / Пер. С.С. Аверинцева. – М., 1975; 2. Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М.: Мысль, 1969).*

Сумма теологии *[Философия и теология].* ...Для спасения человеческого было необходимо, чтобы сверх философских дисциплин, которые основываются на человеческом разуме, существовала некоторая наука, основанная на Божественном откровении; это было необходимо прежде всего потому, что человек соотнесен с Богом как с некоторой своей целью. Между тем цель эта не поддается постижению разумом… Между тем должно, чтобы цель была заранее известна людям, дабы они соотносили с ней свои усилия и действия. Отсюда следует, что человеку необходимо для своего спасения знать нечто такое, что ускользает от его разума, через Божественное откровение.

Притом даже и то знание о Боге, которое может быть добыто человеческим разумом, по необходимости должно было быть преподано человеку через Божественное откровение: ибо истина о Боге, отысканная человеческим разумом, была бы доступна немногим, притом с примесью многочисленных заблуждений, между тем как от обладания этой истиной целиком зависит спасение человека, каковое обретается в Боге. Итак, для того чтобы люди достигли спасения и с большим успехом, и с большей уверенностью, необходимо было, чтобы относящиеся к Богу истины Богом же и были преподаны в откровении.

Итак, было необходимо, чтобы философские дисциплины, которые получают свое знание от разума, были дополнены наукой, священной и основанной на откровении <…>

Хотя человек не обязан испытывать разумом то, что превышает возможности человеческого познания, однако же то, что преподано Богом в откровении, следует принять на веру <…>

Различие в способах, при помощи которых может быть познан предмет, создает многообразие наук. Одно и то же заключение, как то, что земля кругла, может быть сделано и астрологом, и физиком, но астролог придет к нему через посредство математического умозрения, отвлекаясь от материи, физик же через посредство рассуждений, имеющих в виду материю. По этой причине нет никаких препятствий, чтобы те же самые предметы, которые подлежат исследованию философскими дисциплинами в меру того, то можно познать при свете естественного разума, исследовала наряду с этим и другая наука в меру того, что можно познать при свете Божественного откровения.

Отсюда следует, что теология, которая принадлежит к священному учению, отлична по своей природе от той теологии, которая полагает себя составной частью философии <…>

...Священное учение есть наука. Следует, однако, знать, что природа наук бывает двоякой. Одни из них таковы, что зиждутся на основополо-

жениях, непосредственно отысканных естественной познавательной способностью, как-то: арифметика, геометрия и другие в этом же роде. Другие таковы, что зиждутся на основоположениях, отысканных при посредстве иной, и притом высшей, дисциплины; так, теория перспективы зиждется на основоположениях, выясненных геометрией, а теория музыки – на основоположениях, выясненных арифметикой.

Священное учение есть такая наука, которая относится ко второму роду, ибо она зиждется на основоположениях, выясненных иной, высшей наукой; последняя есть то знание, которым обладает Бог, а также те, кто удостоен блаженства.

Итак, подобно тому как теория музыки принимает на веру основоположения, переданные ей арифметикой, совершенно так же священное учение принимает на веру основоположения, преподанные ей Богом <…>.

Эта наука (теология) может взять нечто от философских дисциплин, но не потому, что испытывает в этом необходимость, а лишь ради большей доходчивости преподаваемых ею положений. Ведь основоположения свои она заимствует не от других наук, но непосредственно от Бога через откровение.

Притом же она не следует другим наукам, как высшим по отношению к ней, но прибегает к ним, как к подчиненным ей служанкам, подобно тому как теория архитектуры прибегает к служебным дисциплинам или теория государства прибегает к науке военного дела. И само то обстоятельство, что она все-таки прибегает к ним, проистекает не от ее недостаточности или неполноты, но лишь от недостаточности нашей способности понимания: последнюю легче вести от тех предметов, которые открыты естественному разуму, источнику прочих наук, к тем предметам, которые превыше разума и о которых трактует наша наука [1. С. 143-176].

Вопросы и задания к тексту:

1. Согласно Фоме, в вопросах толкования Бога, человека и мира философия и теология используют разные способы. Назовите эти способы и поясните их смысл.

2. В чем особенность философского постижения Бога, мира и человека? Каковы «границы» человеческого разума?

3. Как вы понимаете мысль Фомы Аквинского «...Священное учение есть наука»?

Сумма теологии *[Рациональные доказательства бытия Бога]*…Бытие Божие может быть доказано пятью путями.

Первый и наиболее очевидный путь исходит из понятия движения. В самом деле, не подлежит сомнению и подтверждается показаниями чувств, что в этом мире нечто движется. Но все, что движется, имеет причиной своего движения нечто иное: ... посох сообщает движение лишь постольку, поскольку сам движим рукой. Следовательно, необходимо дойти до некоторого перводвигателя, который сам не движим ничем иным; а под ним все разумеют бога [2. С. 828].

Второй путь исходит из понятия производящей причины. В самом деле, мы обнаруживаем в чувственных вещах последовательность производящих причин; однако не обнаруживается и невозможен такой случай, чтобы вещь была своей собственной производящей причиной; тогда она предшествовала бы самой себе, что невозможно. Нельзя помыслить и того, чтобы ряд производящих причин уходил в бесконечность… Но если ряд производящих причин уходил бы в бесконечность, отсутствовала бы первичная производящая причина; а в таком случае отсутствовали бы и конечное следствие, и промежуточные производящие причины, что очевидным образом ложно. Следовательно, необходимо положить некоторую первичную производящую причину, каковую все именуют богом.

Третий путь исходит из понятий возможности и необходимости и сводится к следующему. Мы обнаруживаем среди вещей такие, для которых возможно и быть, и не быть; обнаруживается, что они возникают и гибнут, из чего явствует, что для них возможно и быть, и не быть. Но для всех вещей такого рода невозможно вечное бытие; коль скоро нечто может перейти в небытие, оно когда-нибудь перейдет в него. Если же все может не быть, когда-нибудь в мире ничего не будет... Итак, не все сущее случайно, но в мире должно быть нечто необходимое… Поэтому необходимо положить некую необходимую сущность, необходимую самое по себе, не имеющую внешней причины своей необходимости, но самое составляющую причину необходимости всех иных; по общему мнению, это есть бог.

Четвертый путь исходит из различных степеней, которые обнаруживаются в вещах. Мы находим среди вещей более или менее совершенные, или истинные, или благородные… Но о большей или меньшей степени говорят в том случае, когда имеется различная приближенность к некоторому пределу; так, более теплым является то, что более приближается к пределу теплоты. Итак, есть нечто в предельной степени обладающее истиной и совершенством, и благородством, а следовательно, и бытием; ибо то, что в наибольшей степени истинно, в наибольшей степени есть… Но то, что в предельной степени обладает некоторым качеством, есть причина всех проявлений этого качества; так, огонь, как предел теплоты, есть причина всего теплого, как сказано в той же книге. Отсюда следует, что есть некоторая сущность, являющаяся для всех сущностей причиной блага и всяческого совершенства; и ее мы именуем богом.

Пятый путь исходит из распорядка природы. Мы убеждаемся, что предметы, лишенные разума, каковы природные тела, подчиняются целесообразности. Это явствует из того, что их действия или всегда, или в большинстве случаев направлены к наилучшему исходу. Отсюда следует, что они достигают цели не случайно, но будучи руководимы сознательной волей… Следовательно, есть разумное существо, полагающее цель для всего, что происходит в природе; и его мы именуем Богом [2. С. 830-831].

Вопросы и задания к тексту:

1. Перечислите пять доказательств бытия Бога Фомы Аквинского.

2. Определите, в каких доказательствах Фома опирается на учение о «перводвигателе» и учение об «энтелехии» Аристотеля.

3. Опираясь на современные научные данные, попытайтесь привести аргументы, которые бы показывали ошибочность позиции Фомы Аквинского.

4. На основе представленного фрагмента работы Фомы Аквинского «Сумма теологии» подготовьте электронную презентацию темы «Фома Аквинский: доказательства бытия Бога».

Уильям Оккам (ок. 1280-1347) – христианский теолог, философ-схоласт позднего средневековья. Известен методологическим принципом, получившим название «бритва Оккама»: «Не следует множить сущее без необходимости» *(См.: Уильям Оккам. Избранное / под общ. ред. А.В. Аполонова. – М.: Едиториал УРСС, 2002)*.

[Эпистемология]. Надлежит… знать, что универсалии бывают двух типов. Одна – естественная универсалия – та, которая есть естественный знак, сказывающийся о многом по принципу соответствия (в этом же смысле дым по природе обозначает огонь, стон – страдание больного, смех – внутреннюю радость)...

Иная универсалия – произвольно установленная. И таковая универсалия есть произносимое слово, поистине единое качество, поскольку оно есть знак, произвольно установленный для обозначения многою. Поэтому как слово называется общим, так оно может именоваться и универсальным. Но оно обладает этим [т.е. универсальностью] не в соответствии с природой вещей, а лишь по произвольному установлению [С. 119].

Поскольку мало это только утверждать, не имея очевидного доказательства, то я приведу в пользу сказанного некоторые аргументы и подкреплю их авторитетными высказываниями…

Во-первых, так: никакая универсалия не есть единичная субстанция, которая является одной по числу. А если скажут, что это не так, то последует, что Сократ есть некая универсалия, поскольку нет никакого основания, в соответствии с которым одна единичная субстанция является универсалией скорее, нежели другая. Следовательно, никакая единичная субстанция не является универсалией, но всякая субстанция единична и одна по числу: ведь любая вещь или одна вещь, а не много, или же она есть много вещей. Если она одна, а не много, то она одна по числу: в самом деле, это то, что все называют одним по числу. А если некая субстанция есть много вещей, то она есть или много единичных вещей, или много универ-

сальных вещей. Если дано первое, то следовало бы, что некая субстанция являлась бы многими единичными субстанциями и, соответственно, на том же основании некая субстанция была бы многими людьми. И тогда универсалия, несмотря на то, что она отличалась бы от единой частной [вещи], не отличалась бы от частных [вещей]. А если бы некая субстанция была многими универсальными вещами, то беру одну из этих универсальных вещей и спрашиваю: она есть одна вещь, а не много, или же много вещей? Если дано первое, то следует, что это – единичная вещь; если второе, то спрашиваю: есть ли она много единичных вещей или много универсальных вещей? И так будет либо уход в бесконечность, либо мы остановимся на том, что никакая субстанция не является универсальной так, чтобы [при этом] не быть единичной. Остается, следовательно, что никакая субстанция не является универсальной.

Также: если бы некая универсалия была единой субстанцией, существующей в единичных субстанциях, и [при этом] от них отличной, следовало бы, что она может существовать без них, поскольку любая вещь, по природе предшествующая другой, может, – благодаря божественному могуществу, – существовать без нее… [С. 121].

Я утверждаю, что универсалия не есть нечто реальное, обладающее субъектным бытием в душе или вне души, но она обладает лишь объектным бытием в душе, и есть некий [мысленный] образ, обладающий тем же бытием в объектом бытии, каковое вещь вне души имеет в бытии субъектном. И вот что я имею в виду: разум, наблюдающий некую вещь вне души, образует сходную вещь в уме, так что если бы он обладал производительной способностью так же, как он обладает способностью формировать образы, он произвел бы в субъектном бытии вне [души] такую же вещь, отличную по числу от предшествующей. И это можно уподобить творчеству мастера. Ибо как мастер, наблюдая дом или некое строение вне [души], формирует в своей душе образ подобного дома, а затем создает вне души сходный [дом], который отличен от предшествующего только по числу, так же в нашем случае: тот [мысленный] образ, [сформированный] на основании видения некоей вещи вне [души], может быть неким образцом. И как образ дома, если допустить, что тот, кто его сформировал, обладает производительной способностью, есть образец для мастера, точно так же и мысленный образ [вещи в уме] может быть образцом для того, кто его сформировал. И этот [мысленный образ] можно назвать универсалией, поскольку он является образцом и относится безразлично ко всем единичным вещам вне [души]. И на основании этого подобия в объектном бытии, она [т.е. универсалия] может подразумевать вещи, которые имеют сходное бытие вне разума. И такая универсалия есть результат не возникновения, но абстрагирования, которое есть не что иное, как создание [мысленных] образов [С. 129].

Вопросы и задания к тексту:

1. Что такое универсалия в понимании Уильяма Оккама?

2. Существуют ли универсалии реально?

3. Как называется позиция Уильяма Оккама, относительно решения проблемы универсалий?

======

Ниже приводятся фрагменты работ Августина Аврелия, Ансельма Кентерберийского и Бернарда Клервоского о свободе воли (См.: Теология и философия европейского средневековья: В 2 т. Т. 1. / Под ред. С. Неретиной. – СПб.: РХГИ; Амформа, 2008). Сделайте сравнительный анализ представленных подходов.

Августин Аврелий. …Если, в самом деле, человек есть некое благо и не может поступать правильно, если не захочет, он должен обладать свободной волей, без которой не может поступать правильно… Бог должен был дать человеку свободную волю [С. 26].

…Но воля, отвратившись от неизменного и общего блага и повернувшись к собственному благу, внешнему или низшему, грешит…

…откуда это побуждение у нее появляется; кто действительно является дурным, если свободную волю, потому что без нее невозможно праведно жить, следует причислить к благам? Если, в самом деле, это движение то есть отклонение воли от Господа Бога, без сомнения греховно, разве можем мы назвать Бога виновником греха? …это движение будет не от Бога…

Но так как человек не может так же, как пал без помощи [свыше], так и своими силами [без помощи] подняться, то будем помнить с твердой верой о простертой над нами свыше деснице Бога…, и будем ожидать его с уверенной надеждой и желать с пылкой любовью [С. 64-65].

Ансельм Кентерберийский. *Ученик:* Ведь если, как говорят, свобода выбора заключается в способности грешить или не грешить, которой мы всегда обладаем, как возможно то, что иной раз мы [все же] нуждаемся в благодати?...

Учитель: Свобода выбора у людей и впрямь отличается от свободы выбора у Бога и добрых ангелов, однако определение этой свободы для тех и других должно быть одним согласно самому имени… Поэтому нужно дать такое определение свободы выбора, в котором содержалось бы ни больше, ни меньше, чем в ней самой. …поскольку свободная воля Бога и добрых ангелов не может грешить, способность грешить не принадлежит к определению свободы выбора [С. 231-232].

…свободный выбор есть не что иное, как воля, способная сохранять правильность воли ради самой правильности [С. 235].

Итак, разумная природа всегда имеет свободный выбор, ибо она всегда имеет власть сохранять правильность воли ради самой правильности, хотя иногда и с затруднениями. Но если свободная воля утрачивает правильность из-за трудности сохранения, она после того так же служит греху неспособностью возвратить эту правильность своими силами…, ибо «делающий грех есть раб греха» (Ин. 8,34). Ведь как никакая воля до того, как обрела пра-

вильность, не может получить ее, пока бог не даст, так, утрачивая полученную, не может обрести ее заново, если Бог не возвратит…[С. 245].

Бернард Клервоский. Итак, для чего же, спросишь ты, свободный выбор…? Отвечаю кратко: для спасения. Отними свободный выбор, и не будет того, чем спасаемся; отними благодать, и не будет того, что есть причина спасения… [С. 445].

Мы, имеющие жизнь вместе с животными, отличаемся от тех и других [деревьев – *Л.М.*] тем, что называется волей. И согласие ее полностью добровольно, а не побуждается необходимостью, поскольку оно обнаруживает праведного или неправедного, с полным основанием делает людей праведными или грешными. Итак, это согласие вследствие неустранимости свободы воли, вследствие непреклонного решения разума, который всегда и всюду сопровождает волю, весьма удачно, как я полагаю, называется свободным выбором. Свободным вследствие воли…, судьей над самим собой – вследствие разума [С. 447].

…Воля же не может быть лишенной свободы, потому что ей невозможно не повиноваться самой себе… [С. 448].

…свобода выбора остается и после грехопадения, пусть даже склонная к страданиям, но цельная. И то обстоятельство, что человек сам по себе не имеет достаточно сил, дабы сбросить с себя грех или страдание, еще не означает уничтожение свободы выбора… [С. 460].

Следовательно, надо заботиться о том, чтобы мы, чувствуя, как внутри нас и нами невидимо совершается это [спасение], не приписывали его своей воле, которая нестойка, или принуждению Божиему, которого не существует; но только одной благодати, которой Бог полон. Именно она побуждает к свободному выбору…, ощущает…, укрепляет, подводя к действию, охраняет… Таким же образом она действует купно со свободным выбором… Итак, то, что благодати лишь берет начало, равным образом совершается и тем, и другим [благодатью и свободным выбором], ибо они действуют вместе… [С. 473] .

Вопросы и задания к тексту:

1. Обладает ли человек свободой воли и свободой выбора?
2. Для чего человеку необходима божественная благодать?

======

Ознакомьтесь с Десятью заповедями Моисея («кодекс Моисея») и Нагорной проповедью Иисуса Христа.

Библия *[Десять заповедей].* И изрек Бог [к Моисею – *Л.М.*] все слова сии, говоря:

Я Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства.

Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.

Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли.

Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь Бог твой…

И творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои.

Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.

Помни день субботний, чтобы святить его.

Шесть дней работай, и делай всякие дела твои;

А день седьмый – суббота Господу Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах Твоих…

Почитай отца твоего и мать твою…

Не убивай.

Не прелюбодействуй.

Не кради.

Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего… [Исход. 20. 1-17]

[Нагорная проповедь Иисуса Христа]. … Увидев народ, Он взошел на гору; и когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря:

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня;

… Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить…

Вы слышали, что сказано древним: «не убивай»; кто же убьет, подлежит суду.

А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду…

Вы слышали, что сказано древним: «не прелюбодействуй».

А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

…Еще слышали вы, что сказано древним: «не преступай клятвы, ноисполняй пред Господом клятвы твои»,

А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий;…

Вы слышали, что сказано: «око за око, и зуб за зуб».

А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую;

И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду;…

Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

Вы слышали, что сказано: «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего».

А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинаю щих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас… [От Матф. 5. 2-44].

Вопросы и задания к тексту:

1. Найдите общее и особенное в этическом кодексе (десять заповедей) Моисея и Нагорной проповедью Иисуса Христа.

2. В Нагорной проповеди Иисуса излагается моральная концепция христианства. В частности, здесь содержатся следующие утверждения: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую…», «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас…». Поясните смысл данных утверждений.

======

Гусейнов А.А., современный российский философ, академик РАН *(См.: [Электронный ресурс] / Режим доступа: Цифровая библиотека по философии. http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001047/st000.shtml).*

Любите врагов ваших. ЧТО ЗНАЧИТ ЛЮБИТЬ ВРАГА? Слово «любовь» многозначно, и это создает дополнительные сложности. Древнегреческий язык – язык Евангелий – знал по крайней мере три различных слова, которые соответственно обозначали любовь как страсть, природно-эстетическую устремленность человеческой души (эрос), как доброту, душевную близость, взаимную привязанность (филия) и как духовное единение, человеческое добросердечие (агапе). Эти понятия различаются по объему: объект эроса индивидуален; филия охватывает особый круг друзей; агапе направлена на всех людей, на любого ближнего, того, кто оказался в близости. Различаются они также по нравственному вектору: эрос есть любовь восходящая, устремленная снизу вверх и направленная на обладание предметом любви; филия есть любовь уравнивающая, она и возможна только между равными, каковыми как раз и являются друзья; агапе есть любовь нисходящая, жертвенная. Иисус Христос, повелевая любить врагов, имеет в виду духовное единение, добродеяние в отношениях, между всеми людьми; евангелист в этом случае пользуется словом «агапе». Именно всеохватывающая любовь, включающая также любовь к врагам, освобождает человеческую общину от узости психологических,

естественных и социальных привязанностей, позволяет втянуть а нее всех людей.

Любить врага вовсе не значит испытывать к нему те же чувства магнетической привязанности, какие испытывают к любимому человеку, или радоваться душой, как это случается в общении с друзьями. Здесь мы имеем дело с отношением, которое выше психологических и душевных привязанностей, находится в иной плоскости. Любить врага – значит простить ему прежние злодеяния не в том смысле, чтобы не считать их за злодеяния или примириться с ними, и не так, как щедрый богач прощает долг несостоятельному должнику, а в том смысле, чтобы они перестали быть абсолютной преградой для новых взаимоотношений с ним, и так, как истинный виновник преступления добровольным признанием освобождает от кары преступника мнимого. Это значит заново открыть путь для сотрудничества, или, как хорошо говорит отец Георгий, «выправить отношения». Любовь к врагу является безошибочным тестом на верность идеалу, всечеловеческого братства, на то, относится ли человек к этому идеалу абстрактно, праздно, «умственно» или видит в нем основу собственной жизни и готов мерить себя этой высшей мерой, не останавливаясь ни перед какими трудностями. А что может быть более очевидным отступлением от этого идеала, чем отношение к другому человеку как к врагу? И что может быть труднее в жизни, чем любить своего врага, перешагнуть, через отделяющую от него темную пропасть гнева, стыда и унижения?

Вопросы к тексту:

1. Что означает слово «любовь» в переводе с древнегреческого языка. Перечислите основные понятия и поясните их смысл.

2. Почему христианскую этику называют «этикой любви»?

3. На основании вышеприведенных текстов из Библии и фрагмента статьи А. Гусейнова ответьте на вопрос: в чем состоит религиозный и гуманистический смысл христианской морали?

Тема 5. ФИЛОСОФИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Гуманизм (лат. *humanus* – человеческий, стремление к человечности, созданию условий для достойной человека жизни) – ядро нового мировоззрения, пришедшего на смену средневековой схоластике. Сущность новой философии – антропоцентризм. Человек представлен в нём в качестве ведущего звена во вселенском бытии. Задача философии в этой связи – раскрыть в человеке гармоническое единство божественного и природного, духовного и материального. Гуманисты Возрождения полагали, что свобода воли, данная Богом, поможет человеку достичь совершенства своей природы, реализовав ее потенциальные возможности.

Работа с первоисточниками

Ознакомившись с приведенными ниже фрагментами первоисточников, ответьте на вопросы.

Петрарка Франческо (1304-1374) – итальянский мыслитель, поэт, выдающийся представитель Возрождения. *(См.: Петрарка Ф. Стихи. Сонеты. Размышления. – М.: «РОСАД», 1996).*

Моя тайна, или книга бесед о презрении к миру

Августин

Что скажешь, человече? О чем грезишь? Чего ждешь? Или не помнишь, что ты смертен?

Франциск

Конечно, помню, и всякий раз мысль эта наводит на мою душу смятение.

Августин

О, когда б ты в самом деле помнил это, как ты говоришь, и заботился бы о себе! Этим ты значительно облегчил бы и мой труд, ибо неопровержимо верно, что для того, чтобы презирать соблазны этой жизни и сохранять душу спокойною среди стольких мирских бурь, нельзя найти средства более действительного, нежели сознание собственной ничтожности и постоянная мысль о смерти…

Франциск

Общеизвестно, что все люди желают, но лишь немногие смогли сбросить с себя этот груз своего бедствия. Ибо сколь многих терзают непрестанною скорбью либо телесная немощь, либо смерть близких, либо заключение в темнице, либо изгнание, либо бедность? И мало ли еще существует подобных напастей, которые было бы так же долго перечислять, как их трудно и горько переносить: все они, хотя крайне тягостны для тех, кто их терпит, однако, как видишь, человеку не дано стряхнуть их с себя. Таким образом, по моему мнению, невозможно сомневаться, что многие несчастны помимо и против своей воли.

Августин

Я задался целью доказать тебе, что для того, чтобы выбраться из тесноты этой смертной юдоли и поднять-ся выше, как бы первой ступенью является размышление о смерти и о жалкой доле человека, второю же - страстное желание и старание подняться; при наличности этих условий, обещал я, легко достигнуть той цели, к которой направлено наше стремление. Или ты и теперь убежден в противном?

Франциск

Не буду говорить о прочих людях; но беру в свидетели присутствующую здесь, которая неизменно была свидетельницей всех моих поступков, и тебя самого, как часто я размышлял о моем жалком положении и о смерти и сколькими слезами я пытался смыть с себя грязь моей греховности,– но эти попытки, как видишь, доныне оставались бесплодными, о чем я не могу говорить без слез [С. 276].

Августин

…размыслив внимательно, ты сам поймешь, что никто не впадает в несчастие иначе, как по своей воле… Ведь мудрецы утверждают, что грех – добровольное деяние до такой степени, что где отсутствует воля, там нет и греха; а ты уже раньше согласился со мною, что без греха никто не бывает несчастлив…

…Для того я и беседую с тобою, чтобы научить тебя надеяться и бояться.

Франциск

Почему бояться?

Августин

Скорее, почему надеяться?

Франциск

Какой новый страх ты хочешь внушить мне?

Августин

…А как мало найдется людей, которые подавили в себе все страсти,– их же не только подавить, но даже перечислить – долгий труд,– которые наложили на свою душу узду разума, которые вправе сказать: у меня нет более ничего общего с телом, все, что считается приятным, – мерзость для меня, я жажду высшего счастья…

…И вот, когда исчезнут страсти, то желание будет полно и свободно от помех; ибо насколько собственное благородство влечет душу к небу, настолько же по необходимости тянут ее вниз бремя плоти и зем-ные приманки, так что вы одновременно и стремитесь ввысь, и желаете оставаться внизу, и не дости-гаете ни того, ни другого, разрываясь в обе стороны… [С. 285].

Франциск

…немногим известно то определение человека, которое, однако, так часто повторяется во всех школах, что оно, кажется, давно уже должно было не только утомить уши слушающих, но даже сокрушить колонны зданий?

Августин

Мне казалось, что я сказал более чем достаточно; но скажу яснее: человек – животное или, скорее, царь всех животных. Нет столь грубого пастуха, который не знал бы этого, а с другой стороны, всякий ребенок, если спросить его, признает, что человек – одаренное разумом и смертное животное.

…Если ты увидишь кого-нибудь, в ком разумное начало достигло такой силы, что он свою жизнь располагает согласно с разумом, ему одному подчиняет свои вожделения, его уздою сдерживает движения своей души и понимает, что только разум отличает его от дикого зверя, что и самое имя человека он заслуживает лишь настолько, насколько руководится разумом; главное же, если он так проникнут сознанием своей смертности,

что помнит о ней непрестанно, мыслью о ней обуздывает себя и, презирая преходящие земные вещи, жаждет той жизни, где, обрев полноту разума, он перестанет быть смертным,– тогда ты можешь сказать, что в лице этого человека ты получил верное и полезное представление об определении человека. Именно об этом шла у нас речь, и я сказал, что лишь немногие основательно знают это или достаточно размышляют об этом.

Франциск

…тот, кто в самозабвении предается непрерывным наслаждениям, никогда не вступит на путь добродетели, тот же, кого среди плотских утех и щедрот фортуны что-то угнетает,– тот вспоминает о своем положении каждый раз, когда непостоянная и безрассудная веселость его покидает. Если же обоих ждет одинаковый конец, то я не пони-маю, почему не должен считаться более счастливым тот, кто ныне радуется, хотя впоследствии будет скорбеть, нежели тот, кто и теперь не ощущает, и в дальнейшем не ждет радости, разве только тебя смущает мысль, что смех под конец обращается в горшую печаль.

…Я спрашивал, почему напряженное размышление о смерти, которое, по твоим словам, оказывает такое чудесное действие, мне одному не принесло пользы? [С. 294]

Августин

…теперь попробуй гордись своими дарованиями! А чтение твое – что было в нем прока? Из того многого, что ты прочитал, многое ли внедрилось в твою душу, пустило корни, принесло зрелые плоды? Вглядись пристально в свою душу – ты убедишься, что все, что ты знаешь, в сравнении с тем, чего ты не знаешь, представляет такое же отношение, как ручеек, высы-хающий от летнего зноя, по сравнению с океаном. Да и много знать – на что годится, если, изучив кругов-ращение неба и земли, и протяжение моря, и бег светил, и свойства трав и камней, и тайны природы, вы остаетесь сами себе неизвестными?

Франциск

Не в малое удивление ты поверг меня, поставив мне в упрек многое такое, что, я уверен, никогда не проникало в мой дух. Я ли, по-твоему, полагался на свое дарование? Но поистине единственный признак моего дарования – тот, что я нисколько не доверял ему. Я ли кичусь книжной начитанностью, давшей мне так мало знаний и так много забот? Можно ли сказать, что я домогался ораторской славы, когда, как ты сам упомянул, именно недостаточность слова для выражения моих мыслей возбуждает во мне сильнейшую досаду? Или ты задался целью испытать меня?

Франциск

…Отныне ты не смутишь меня никаким обвинением.

…Скажи открыто, что заставляет меня блуждать вкривь и вкось?

Августин

Жадное стремление к земным благам.

Франциск

Но более всего помогала мне мысль о том, что жизнь ко-ротка, ибо какое исступление – тратить на ненависть к людям и на их пагубу те немногие дни, какие мы проводим среди них! Внезапно наступит последний день,– он погасит это пламя в людских сердцах, поло-жит конец ненависти и, если мы не желаем нашему недругу ничего худшего, чем смерть, исполнит наше злое пожелание. Какой же смысл толкать к гибели себя и других? Зачем терять лучшую часть столь крат-кого времени? Когда даже при самой бережливой трате нам едва хватает отмеренных дней на пристойные радости настоящего и на размышления о будущей жизни, зачем же отнимать их от дел нужных и естественных и употреблять на горе и гибель себе и другим?

Августин

Как пламенеешь ты жаром сладострастия!

Франциск

Порою так сильно, что горько жалею, зачем я не родился бесчувственным. Я предпочёл бы быть неподвижным камнем, нежели игралищем многочисленных влечений моего тела.

…Каждый раз, когда судьба наносит мне одну какую-нибудь рану, я остаюсь тверд и неустрашим, памятуя, что уже не раз, тяжко пораженный ею, я выходил победителем; если вскоре затем она наносит мне вторую рану, я начинаю несколько колебаться; когда же за теми двумя следуют третья и четвертая рана, тогда я поневоле, не бегом стремительным, а шаг за шагом, отступаю в крепость разума. Но если судьба обрушивается на меня всей своей ратью и, чтобы сокрушить меня, скликает и образы человеческих бедствий, и воспоминание о пережитых муках, и страх грядущих, тогда-то, теснимый со всех сторон, до ужаса напуганный таким скоплением бед, я стенаю, и тогда возникает эта тяжкая скорбь, как если кто окружен бесчисленными врагами, и нет ему выхода, нет ни надежды на пощаду, ни утешения… [С. 327]

…Горе мне! Я был несчастнее, нежели думал. Неужели до сих пор моя душа опутана двумя цепями, о которых я не догадываюсь?

…Что же это за цепи, о которых ты говоришь?

Августин

Любовь и слава…

…Всё, что ты говоришь, в особенности же твое утверждение, что благодаря ей ты стал тем, что ты есть. Если ты хочешь этим сказать, что она дала тебе все, что в тебе есть, то это явная ложь; если же ты разумеешь, что она не допустила тебя стать большим, нежели ты есть, то ты прав. О, каких бурь мог бы ты избегнуть, если бы она не отвлекла тебя чарами своей красоты!

Франциск

Да будет мне свидетелями та, что присутствует здесь, и моя совесть,

что я любил, как я уже раньше сказал, не столько ее тело, сколько душу.

Августин

Глупейший человечек! Значит, ты надеешься вкусить и все услады неба, и все утехи земли и думаешь, что и там и здесь все пойдет как нельзя успешнее по твоему желанию? Но тысячи людей были тысячи раз обмануты этой надеждой, и бесчисленные души ввергла она в ад, ибо, думая, что стоят одной ногою на земле, другою на небе, они не сумели ни здесь удержаться, ни туда взойти и потому плачевно упали вниз, и дыхание жизни оставило их внезапно, либо во цвете лет, либо в разгаре приготовлений…

Вижу, на какую ногу ты хромаешь. Ты предпочитаешь покинуть самого себя, нежели свои книжки. Тем не менее я исполню свой долг,– с каким успехом, это будет зависеть от тебя,– но, во всяком случае, исполню честно. Сбрось с себя тяжелые вьюки истории.

Франциск

Я постараюсь изо всех сил остаться при себе, соберу разбросанные обломки моей души и усиленно сосредоточусь в себе. Правда, теперь, пока мы говорим, меня ждут многие важные, хотя все еще земные дела.

Вопросы к тексту:

1. Проанализируйте фрагменты и выявите разницу во взглядах двух спорящих – Франциска (Франческо Петрарки) и Августина по вопросу о назначении человека, о бессмертии души и мирской славе, добродетели и греховности?

2. В чем состоит противоречивость взглядов Ф. Петрарки в споре с Августином?

Леонардо да Винчи (1452-1519) – великий итальянский художник, мыслитель, изобретатель, инженер, учёный. *(См.: Леонардо да Винчи. Суждения о науке и искусстве. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-Классика», 2008. С. 127-134).*

Об истинной и ложных науках *[Об истинной науке].* Истинные науки – те, которые опыт заставил пройти сквозь ощущения и наложил молчание на языки спорщиков. Он не питает сновидениями своих исследователей, но всегда от первых истинных и доступных познанию начал постепенно продвигается к цели при помощи верных заключений, как явствует это из основных математических наук, называемых арифметикой и геометрией, то есть из числа и меры.

* * *

Всё наше познание начинается с ощущений.

* * *

Никакой достоверности нет в науках там, где нельзя приложить ни одной из математических наук, и в том, что не имеет связи с математикой.

* * *

Мое намерение – привести сначала опыт, а затем посредством рассуждения доказать, почему данный опыт вынужден протекать именно так. И в этом истинное правило того, как должны поступать исследователи природных действий. Ведь хотя природа начинает с причины и кончает опытом, мы должны идти обратным путём, начиная, как я выше сказал, с опыта, а затем изыскивать причину.

* * *

Нет действия в природе без причины; постигни причину, и тебе не нужен опыт.

* * *

Необходимость – наставница и путеводительница природы. Необходимость – тема и изобретательница природы, и узда, и закон.

* * *

Опыт не ошибается, ошибаются только ваши суждения, которые ждут от него то, чего он не способен дать. Несправедливо жалуются люди на опыт, с величайшими упреками виня его в обманчивости. Оставьте его в покое и обратите свои жалобы на собственное невежество, которое заставляет вас быть поспешными и, ожидая от него в суетных и вздорных желаниях то, что не в его силах, говорить, опыт, часто обвиняя его в обманчивых и лживых показаниях.

* * *

Не доверяйте, исследователи, тем авторам, которые одним воображением хотели посредствовать между природой и людьми. Верьте лишь тем, кто, основываясь на указаниях природы и действиях своих опытов, приучил ум свой понимать, как опыты обманывают тех, кто не постиг их природы, ибо опыты, казавшиеся часто тождественными, весьма часто оказывались различными, как здесь это и доказывается.

* * *

Мудрость есть дочь опыта.

* * *

Кто спорит, ссылаясь на авторитет, тот применяет не свой ум, а скорее память. Хорошая ученость родилась от хорошего дарования; и так как причину нужно хвалить больше, чем следствие, ты будешь больше хвалить хорошее дарование без учености, чем хорошего ученого без дарования.

* * *

Некоторые комментаторы хулят древних изобретателей, положивших начало грамматикам и наукам. Они ратуют против умерших изобретателей. И так как им самим не удалось по лености и книжной вольготности сделаться изобретателями, то они постоянно покушаются ложными рассуждениями попрекать своих учителей.

* * *

Смотри же, читатель, чему можем мы верить у наших древних, которые хотели определить, что такое душа и жизнь, вещи недоказуемые, тогда

как то, что всегда может быть ясно познано и доказано опытом, оставалось в течение стольких столетий для них неизвестным и ложно истолковывалось ими. Глаз, который столь ясно раскрывает в опыте свое служение, до моих времен был бесчисленными авторами определяем одним способом, я путем опыта нахожу, что он иной.

* * *

О ЗАБЛУЖДЕНИИ ТЕХ, КТО ПОЛЬЗУЕТСЯ ПРАКТИКОЙ БЕЗ НАУКИ. Увлекающиеся практикой без науки – словно кормчий, входящий на корабль без руля или компаса: он никогда не уверен, куда плывёт. Всегда практика должна быть воздвигнута на хорошей теории. Вождь и врата ее – перспектива, без которой в живописи нельзя сделать ничего хорошего.

* * *

Когда будешь излагать науку о движении воды, не забудь приводить под каждым положением практические применения, чтобы твоя наука не была бесполезна.

* * *

Наука – полководец, а практика – солдаты.

* * *

Приобретение любого познания всегда полезно для ума, ибо он сможет впоследствии отвергнуть бесполезное и сохранить хорошее. Ведь ни одну вещь нельзя ни любить, ни ненавидеть, если сначала ее не познать.

Вопросы к тексту:

1. Выяснить, в каких отношениях, согласно Леонардо, находятся человек и окружающий мир.
2. Какое место в познании природы отводит Леонардо опытным исследованиям?
3. Как соотносятся между собой теоретическое (научное) и практическое освоение мира.
4. Какую роль играют аргументы в доказательстве истины?

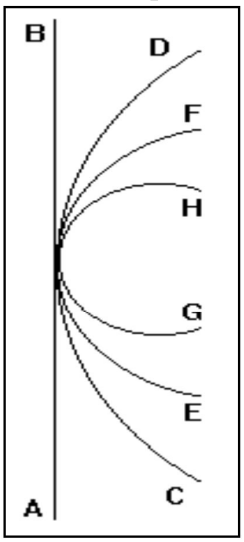

Николай Кузанский (1401-1464) – крупнейший мыслитель эпохи Возрождения. Важнейшее сочинение Николая Кузанского – трактат «Об ученом незнании» (1440). Главные идеи этой работы: о совпадении противоположностей; о взаимосвязи природных явлений; о бесконечности Вселенной; о человеке как микрокосме. *(См.: Н. Кузанский. Соч.: В 2 т. Т. 1. – М.: «Мысль», 1979).*

Об ученом незнании. ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ, ПРЕТЕРПЕВАЕМЫХ МАКСИМАЛЬНОЙ И БЕСКОНЕЧНОЙ ЛИНИЕЙ. Итак, я утверждаю, что если бы существовала бесконечная линия, она была бы прямой, она была бы треугольником, она была бы кругом, и она была бы шаром; равным образом, если бы существовал бесконечный шар, он

был бы кругом, треугольником и линией; в то же самое надо говорить о бесконечном треугольнике и бесконечном круге.

Во-первых, что бесконечная линия будет прямой, очевидно: диаметр круга есть прямая линия, а окружность – кривая линия, большая диаметра; если эта кривая тем меньше в своей кривизне, чем большего круга окружностью она является, то окружность максимального круга, больше которого не может быть, минимально крива, а стало быть, максимально пряма. Минимум совпадает таким образом с максимумом. Даже я на глаз видно, что максимальная линия с необходимостью максимально пряма и минимально крива. Здесь не может оставаться ни тени сомнения, когда мы рассмотрим на фигуре сбоку, что дуга CD большего круга больше отступает от кривизны, чем дуга EF меньшего круга, а та больше отходит от кривизны, чем дуга GH еще меньшего круга, почему прямая линия AB будет дугой максимального круга, который уже не может увеличиться. Так мы видим, что максимальная и бесконечная линия по необходимости совершенно прямая и кривизна ей не противоположна; мало того, кривизна в этой максимальной линии есть прямизна. Это первое, что требовалось доказать.

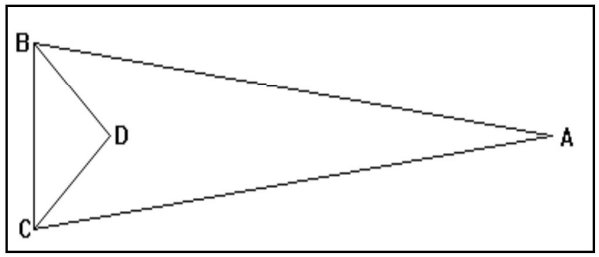

Так как ты, наверное, захочешь яснее убедиться, что бесконечное есть действительность всего, что заключено в возможности конечного, дам тебе совершенно удостовериться в этом.

О ТОМ, ЧТО БЕСКОНЕЧНАЯ ЛИНИЯ ЕСТЬ ТРЕУГОЛЬНИК. Воображение, неспособное выйти за пределы чувственных вещей, не улавливает, что линия может быть треугольником, потому что количественное различие обоих несоизмеримо; но для разума это нетрудно.

В самом деле, уже доказано, что максимальным и бесконечным может быть только одно. Ясно также, раз всякие две стороны любого треугольника в сумме не могут быть меньше третьей, что если у треугольника одна из сторон бесконечна, две другие– будут не меньше. Потом, поскольку любая часть бесконечности бесконечна, у треугольника с одной бесконечной стороной другие тоже обязательно будут бесконечными. Но нескольких бесконечностей не бывает, и за пределами воображения ты трансцендентно понимаешь, что бесконечный треугольник не может состоять из нескольких линий, хоть этот максимальный, не составной и простейший треугольник есть истиннейший треугольник, обязательно имеющий три линии, и, значит, единственная бесконечная линия с необходимостью оказывается в нем тремя, а три – одной, простейшей. То же в отношении углов: в нем будет только один бесконечный угол, и этот угол – три угла, а три угла – один. не будет этот максимальный треугольник и состоять из сторон и углов, но бесконечная линия и угол в нем – одно и то же, так что линия есть и угол, раз весь треугольник – линия.

Понять это тебе поможет еще восхождение от количественного треугольника к неколичественному (nonquantum). Всякий количественный треугольник, как известно, имеет три угла, равные двум прямым, и чем больше один угол, тем меньше другие. Хотя каждый угол треугольника может увеличиваться только до двух прямых исключительно, а не максимально, в соответствии с нашим первым принципом, однако допустим, что он увеличивается максимально до двух прямых включительно, оставаясь при этом треугольником. Тогда окажется, что у треугольника один угол, который есть три, и три образуют один. Точно так же ты сможешь убедиться, что треугольник есть линия. Любые Две стороны количественного треугольника в сумме настолько длиннее третьей, насколько образуемый ими угол меньше двух прямых; например, поскольку угол BAC много меньше двух прямых, линии BA и AC в сумме много длиннее BC. Значит, чем больше этот угол, например угол BDC, тем меньше линии BD и DC превышают линию BC и тем меньше поверхность. Если допустить, что этот угол приравняется двум прямы весь треугольник разрешится в простую линию. Таким допущением, у количественных треугольников невозможным, пользуйся для восхождения к не – количественным, у которых, как видишь, невозможное для количественных становится совершенно необходимы: Отсюда тоже ясно, что бесконечная линия есть максимальный треугольник, как и требовалось доказать.

О ТОМ, ЧТО МАКСИМУМ, В ПЕРЕНОСНОМ СМЫСЛЕ, ОТНОСИТСЯ КО ВСЕМУ КАК МАКСИМАЛЬНАЯ ЛИНИЯ К ЛИНИЯМ. И вот, перенесем наше умозрение – а мы его вы– 45 вели из того, что бесконечная кривизна есть бесконечная прямизна,– на простейшую и бесконечную сущность максимума. Она есть простейшая сущность всех сущностей; все сущности настоящих, прошлых и будущих вещей всегда и вечно пребывают актуально в этой сущности, так что все сущности -это как бы сама же всеобщая сущность; сущность всех вещей есть любая другая сущность таким образом, что она есть одновременно и все они, и ни одна в отдельности; и как бесконечная линия есть точнейшая мера всех линий, так максимальная сущность есть точнейшая мера всех сущностей. Ведь максимум, которому не противоположен минимум, с необходимостью есть точнейшая мера всего – не больше любой вещи, поскольку минимум, и не меньше ее, поскольку максимум,– а все измеримое оказывается между максимумом и минимумом, так что бесконечная сущность есть вернейшая и точнейшая мера всего (с. 73) <…>

ПЕРЕНЕСЕНИЕ БЕСКОНЕЧНОГО КРУГА НА ЕДИНСТВО. О максимальном треугольнике мы кратко сказали; продолжим сходным образом о бесконечном круге.

Круг есть фигура, совершенная по единству и простоте. …ввиду бесконечного единства максимума, все ему присущее есть он сам без внутренних различий и знаковости: так премудрость не есть в нем что-то другое по сравнению с его добром, а то же самое, ведь всякое различие в нем есть тождество; его могущество как предельно единое предельно крепко и бесконечно; а его совершенно единая длительность…

Ты начинаешь понимать разумом, что максимум 65 ничему в мире не тождествен и ни от чего не отличен, но что все в нем, из него и через него, поскольку он окружность, диаметр и центр. не то что он есть круг или окружность, диаметр или центр; нет, он только простейший максимум, который мы исследуем через эти уподобления, убеждаясь, что он охватывает все существующее и несуществующее, так что небытие в нем есть максимальное бытие, как минимум максимум.

Кроме того, он – мера всякого круговращения, например превращения из возможности в действительность и возвращения из действительности в возможность, всякого сложения начал в индивиды и разложения индивидов на начала, всяких совершенных круглых форм и кругообразных действий и движений, происходящих вокруг себя и возвращающихся к началу, и всех вообще подобных вещей, единство которых состоит в некоем постоянстве круговращения (с. 83-84).

О ТОМ, ЧТО БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОВИДЕНИЕ СОЕДИНЯЕТ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ. Поскольку, как очевидно из предыдущего, в боге свернуто все, даже противоположности, ничто не может избежать его провидения: сделаем мы что-нибудь, сделаем противоположное тому или ничего не сделаем -все уже было заключено в провидении бога. Поэтому ничто не случится иначе как согласно божьему провидению.

Потом, хотя бог мог предусмотреть в своем провидении многое, чего не предусмотрел и не предусмотрит, а также предусмотрел многое, чего мог не предусматривать, однако ничего ни добавить к божественному провидению) ни убавить от него нельзя. Возьмем в сравнении. Человеческая природа проста и едина.

Если даже родится человек, рождение которого никогда не ожидалось, к человеческой природе ничего не прибавится, как ничего от нее не убавится, если он не родится, и как ничего не убавляется, когда умирают родившиеся; причина в том, что человеческая природа свернуто заключает как людей, которые существуют, так и людей, которые не существуют и не будут существовать, хотя могли бы. Точно так же, хоть бы случилось то, что никогда не случится, все равно к божественному провидению ничего бы не прибавилось, потому что оно свернуто заключает как происходящее, так и не происходящее, но могущее произойти теперь, как в материи многое, чего никогда не произойдет, заключено возможным образом, так, наоборот, все, что не произойдет, но может произойти, пребывая в божественном провидении, пребывает там не потенциально, а актуально, причем

отсюда не следует, что оно существует в [материальной] действительности. Как мы говорим, что человеческая природа имплицирует и заключает в себе бесконечное число созданий – ведь она охватывает не только людей, которые были, есть и будут, но и которые могут быть, хотя никогда не будут, и тем самым заключает изменчивое неизменным образом, подобно тому как бесконечное единство заключает в себе всякое число, так божие провидение имплицирует и то, что произойдет, и то, что не произойдет, а только может произойти, в том числе противоположные события, подобно тому как род имплицитно соединяет в себе противоположные различия. <…>

КОРОЛЛАРИИ К ДВИЖЕНИЮ. … Значит, у мира нет и внешней окружности. В самом деле, если бы он имел центр, то имел бы и внешнюю окружность, а тем самым имел бы внутри самого себя свои начало и конец, то есть мир имел бы пределом что-то другое и вне мира было бы еще это другое и еще пространство. Подобное далеко от истины. Но если невозможно, чтобы мир был заключен между телесными центром и внешней окружностью, то непостижим этот мир, и центр и окружность которого – бог; хотя этот мир не бесконечен, однако его нельзя помыслить и конечным, поскольку у него нет пределов, между которыми он был бы замкнут!

Раз Земля не может быть центром, она не может 157 быть совершенно неподвижной, а обязательно движется так, что может двигаться еще бесконечно медленнее. И как Земля не центр мира, так сфера неподвижных звезд не есть его окружность, хотя при сравнении Земли с небом наша Земля и кажется ближе к центру, а небо – ближе к окружности. Соответственно Земля не есть центр ни восьмой, ни другой сферы. Появление над горизонтом шести созвездий тоже не означает, что она в центре восьмой сферы. Ведь если бы она была далеко от центра на оси, проходящей через полюсы, одной частью поднимаясь к одному полюсу, а Другой опускаясь к другому, то людям, настолько удаленным от полюсов, насколько простирается горизонт, тоже явно была бы видна только половина сферы (с. 131).

Из всего этого ясно, что Земля движется. Поскольку элементы воздуха и огня, как мы убеждаемся по движению кометы, а также Луна медленнее движутся с востока на запад, чем Меркурий, Венера или Солнце, причем в порядке постепенного замедления, то наша Земля движется, наверное, еще медленнее их всех. Но все-таки она не является звездой, описывающей вокруг центра или полюса минимальный круг, как и восьмая сфера не описывает максимальный круг, согласно только что сказанному [С.132].

Внимательно рассмотри вот что. Как звезды, расположенные вокруг предположительных полюсов в восьмой сфере, так Земля, Луна и планеты – звезды, на разном удалении движущиеся вокруг полюса, если предположить полюс там, где считается центр. Пускай Земля есть какая-то более близкая к этому центру полюсу (polo centtrali) звезда, она все-таки движется, и описываемый ею в этом движении круг не минимален, как показано.

Больше того, ни Солнце, ни Луна, ни Земля, ни какая бы то ни было сфера не может описывать в движении истинный круг, хотя бы нам и казалось иначе, поскольку движется не вокруг фиксированной [точки отсчета]. Да и не существует столь истинного круга, – чтобы не могло быть более истинного и ни в какое время [небесное тело] не движется с равной точностью и не описывает столь же близкий и истине круг, как в другое время, хоть мы этого и не замечаем.

Если хочешь истинно понять что-либо из перечисленного о движении Вселенной, представь ее центр в свернутом единстве с полюсами, по возможности помогая себе воображением. Скажем, представь, что если бы кто-то стоял на Земле под арктическим полюсом, а другой – в арктическом полюсе, то как стоящему на Земле полюс показался бы в зените, так и находящемуся в полюсе центр показался бы тоже в зените; и как антиподы, подобно нам, видят небо вверху, так стоящим в обоих полюсах Земля покажется в зените: ведь где бы ни был наблюдатель, он полагает себя в центре. Словом, возьми эти разные картины воображения в свернутом единстве, чтобы центр был зенитом и наоборот,– и умозрением, которому так помогает ученое незнание, ты увидишь, что мир, его движение и его фигуру постичь невозможно, потому что он оказывается как бы колесом в колесе и сферой в сфере, нигде не имея ни центра, ни окружности, как сказано.

О ПОЛОЖЕНИИ ЗЕМЛИ. Несовершенные в ученом незнании, до всего только что сказанного древние не дошли.

Нам уже ясно, что наша Земля в действительности движется, хоть мы этого не замечаем, воспринимая движение только в сопоставлении с чем-то неподвижным. В самом деле, если бы кто-то на корабле среди воды не знал, что вода течет, и не видел берегов, то как бы он заметил движение судна? В связи с этим поскольку каждому, будь он на Земле, на Солнце или на другой звезде, всегда будет казаться, что он как бы в неподвижном центре, а все остальное движется, он обязательно будет каждый раз устанавливать себе разные полюса, одни – находясь на Солнце, другие находясь на Земле, третьи – на Луне, на Марсе и так далее. Окажется, что машина мира будет как бы иметь повсюду центр и нигде окружность. Ибо ее окружность и центр есть бог, который всюду и нигде [С. 133-134].

Вопросы и задания:

1. Какой смысл вкладывал Н. Кузанский в понятие «ученое незнание»?
2. Что такое «абсолютный максимум» и «абсолютный минимум»?
3. Каким образом Н. Кузанский использовал математику как аргумент в обосновании философских взглядов?
4. Объясните смысл тезиса Н. Кузанского: Человек есть микрокосм?
5. Какова мировоззренческая позиция философа?
6. Изложите суть космологических взглядов Н. Кузанского.

Мишель Монтень (1533-1592) – французский философ-гуманист, яркий представитель гуманистического движения в Европе. Самая известная его работа «Опыты», в которой автор отстаивает идею самостоятельности, независимости человеческой личности. Он осуждает негативные человеческие качества, препятствующие свободному мышлению человека *(См: Монтень М. Опыты: В 3 кн. – М.: «Голос», 1992. Т.1. С. 85-86, 97-99, 177-179).*

О ТОМ, ЧТО ФИЛОСОФСТВОВАТЬ – ЭТО ЗНАЧИТ УЧИТЬСЯ УМИРАТЬ. Цицерон говорит, что философствовать – это не что иное, как приуготовлять себя к смерти1. И это тем более верно, ибо исследование и размышление влекут нашу душу за пределы нашего бренного «я», отрывают ее от тела, а это и есть некое предвосхищение и подобие смерти; короче говоря, вся мудрость и все рассуждения в нашем мире сводятся, в конечном итоге, к тому, чтобы научить нас не бояться смерти. И в самом деле, либо наш разум смеется над нами, либо, если это не так, он должен стремиться только к одной-единственной цели, а именно, обеспечить нам удовлетворение наших желаний, и вся его деятельность должна быть направлена лишь на то, чтобы доставить нам возможность творить добро и жить в свое удовольствие, как сказано в Священном писании2. Все в этом мире твердо убеждены, что наша конечная цель – удовольствие, и спор идет лишь о том, каким образом достигнуть его; противоположное мнение было бы тотчас отвергнуто, ибо кто стал бы слушать человека, утверждающего, что цель наших усилий – наши бедствия и страдания? …

… Ничто не влекло людей к нашей религии более, чем заложенное в ней презрение к жизни. И не только голос разума призывает нас к этому, говоря: стоит ля бояться потерять нечто такое, потеря чего уже не сможет вызвать в нас сожаления? – но и такое соображение: раз нам угрожают столь многие виды смерти, не тягостнее ли страшиться их всех, чем претерпеть какой-либо один? И раз смерть неизбежна, не все ли равно, когда она явится? Тому, кто сказал Сократу: «Тридцать тиранов осудили тебя на смерть», последний ответил: «А их осудила на смерть природа».

Какая бессмыслица огорчаться из-за перехода туда, где мы избавимся от каких бы то ни было огорчений!

Подобно тому как наше рождение принесло для нас рождение всего окружающего, так и смерть наша будет смертью всего окружающего. Поэтому столь же нелепо оплакивать, что через сотню лет нас не будет в живых, как то, что мы не жили за сто лет перед этим. Смерть одного есть начало жизни другого. Точно так же плакали мы, таких же усилий стоило нам вступить в эту жизнь, и так же, вступая в нее, срывали мы с себя свою прежнюю оболочку.

Не может быть тягостным то, что происходит один-единственный раз. Имеет ли смысл трепетать столь долгое время перед столь быстротечною вещью? Долго ли жить, мало ли жить, не все ли равно, раз и то и другое кончается смертью? Ибо для того, что больше не существует, нет ни долгого ни короткого. Аристотель рассказывает, что на реке Гипанис обитают крошечные насекомые, живущие не дольше одного дня. Те из них, которые умирают в восемь часов утра, умирают совсем юными; умирающие в пять часов вечера умирают в преклонном возрасте. Кто же из нас не рассмеялся бы, если б при нем назвали тех и других счастливыми или несчастными, учитывая срок их жизни? Почти то же и с нашим веком, если мы сравним его с вечностью или с продолжительностью существования гор, рек, небесных светил, деревьев и даже некоторых животных.

Впрочем , природа не дает нам зажиться. Она говорит: «Уходите из этого мира так же, как вы вступили в него. Такой же переход, какой некогда бесстрастно и безболезненно совершили вы от смерти к жизни, совершите теперь от жизни к смерти. Ваша смерть есть одно из звеньев управляющего вселенной порядка; она звено мировой жизни:

Неужели ради вас стану я нарушать эту дивную связь вещей? Раз смерть обязательное условие вашего возникновения, неотъемлемая часть вас самих, то значит, вы стремитесь бежать от самих себя. Ваше бытие, которым вы наслаждаетесь, одной своей половиной принадлежит жизни, другой – смерти. В день своего рождения вы в такой же мере начинаете жить, как умирать:

Всякое прожитое вами мгновение вы похищаете у жизни; оно прожито вами за ее счет. Непрерывное занятие всей вашей жизни – это взращивать смерть. Пребывая в жизни, вы пребываете в смерти, ибо смерть отстанет от вас не раньше, чем вы покинете жизнь.

Или, если угодно, вы становитесь мертвыми, прожив свою жизнь, но проживете вы ее, умирая: смерть, разумеется, несравненно сильнее поражает умирающего, нежели мертвого, гораздо острее и глубже.

Если вы познали радости в жизни, вы успели насытиться ими; так уходите же с удовлетворением в сердце:

Если же вы не сумели ею воспользоваться, если она поскупилась для вас, что вам до того, что вы потеряли ее, на что она вам?

Жизнь сама по себе – ни благо, ни зло: она вместилище и блага и зла, смотря по тому, во что вы сами превратили ее. И если вы прожили один-единственный день, вы видели уже все. Каждый день таков же, как все прочие дни. Нет ни другого света, ни другой тьмы. Это солнце, эта луна, эти звезды, это устройство вселенной – все это то же, от чего вкусили пращуры ваши и что взрастит ваших потомков…

О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ. …Странное дело, но в наш век философия, даже для людей мыслящих, всего лишь пустое слово, которое, в сущности, ничего не означает; она не находит себе применения и не имеет никакой ценности ни в чьих-либо глазах, ни на деле. Полагаю, что причина

этого – бесконечные словопрения, в которых она погрязла. Глубоко ошибаются те, кто изображает ее недоступною для детей, с нахмуренным челом, с большими косматыми бровями, внушающими страх. Кто напялил на нее эту обманчивую маску, такую тусклую и отвратительную? На деле же не сыскать ничего другого столь милого, бодрого, радостного, чуть было не сказал – шаловливого. Философия призывает только к праздности и веселью. Если перед вами нечто печальное и унылое – значит философии тут нет и в помине…

…Душа, ставшая вместилищем философии, непременно наполнит здоровьем и тело. Царящие в ней покой и довольство она не может не излучать вовне; точно так же она изменит по своему образу и подобию нашу внешность, придав ей исполненную достоинства гордость, веселость и живость, выражение удовлетворенности и добродушия. Отличительный признак мудрости – это неизменно радостное восприятие жизни; ей, как и всему, что в надлунном мире, свойственна никогда не утрачиваемая ясность. Это baroco и baralipton37 марают и прокапчивают своих почитателей, а вовсе не она; впрочем, она известна им лишь понаслышке. В самом деле, это она успокаивает душевные бури, научает сносить с улыбкой болезни и голод не при помощи каких-то воображаемых эпициклов38, но опираясь на вполне осязательные, естественные доводы разума. Ее конечная цель – добродетель, которая пребывает вовсе не где-то, как утверждают схоластики, на вершине крутой, отвесной и неприступной горы. Те, кому доводилось приблизиться к добродетели, утверждают, напротив, что она обитает на прелестном, плодородном и цветущем плоскогорье, откуда отчетливо видит все находящееся под нею; достигнуть ее может, однако, лишь тот, кому известно место ее обитания; к ней ведут тенистые тропы, пролегающие среди поросших травой и цветами лужаек, по пологому, удобному для подъема и гладкому, как своды небесные, склону. Но так как тем мнимым философам, о которых я говорю, не удалось познакомиться с этой высшею добродетелью, прекрасной, торжествующей, любвеобильной, кроткой, но вместе с тем, и мужественной, питающей непримиримую ненависть к злобе, неудовольствию, страху и гнету, имеющей своим путеводителем природу, а спутниками – счастье и наслаждение, то, по своей слабости, они придумали этот глупый и ни на что не похожий образ: унылую, сварливую, привередливую, угрожающую, злобную добродетель, и водрузили ее на уединенной скале, среди терниев, превратив ее в пугало, устрашающее род человеческий…

Тема 6. ФИЛОСОФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Работа с первоисточниками

Ознакомившись с приведенными ниже фрагментами первоисточников, ответьте на вопросы.

Декарт Рене (1596-1650) – латинизированное имя Картезий. Великий французский философ, математик, один из основоположников рационализма Нового времени, методологии науки *(См.: Начала философии // Антология мировой философии: В 4 т. Т. 2. – М.: «Мысль», 1970. С. 238-365; Рассуждения о методе для хорошего направления разума и отыскания истины в науках // Антология мировой философии: В 4 т. Т. 2. – М.: «Мысль», 1970. С. 287-289).*

[Преодоление радикального скептицизма]. [...] Мы по опыту знаем, сколь часто нас обманывали чувства, и, следовательно, неосмотрительно было бы чересчур полагаться на то, что нас обмануло хотя бы один раз. Кроме того, мы почти всегда испытываем во сне видения, при которых нам кажется, будто мы живо чувствуем и ясно воображаем множество вещей, между тем как эти вещи нигде больше и не имеются. Поэтому, решившись однажды усомниться во всем, не находишь более признака, по которому можно было бы судить, являются ли более ложными мысли, приходящие в сновидении, по сравнению со всеми остальными. Станем сомневаться и во всем остальном, что прежде полагали за самое достоверное; даже в математических доказательствах и их обоснованиях… Отбросив, таким образом, все то, в чем так или иначе мы можем сомневаться, и даже предполагая все это ложным, мы легко допустим, что нет ни бога, ни неба, ни земли и что даже у нас самих нет тела, но мы все-таки не можем предположить, что мы не существуем, в то время как сомневаемся в истинности всех этих вещей. Столь нелепо полагать несуществующим то, что мыслит, в то время, пока оно мыслит, что, невзирая на самые крайние предположения, мы не можем не верить, что заключение я мыслю, следовательно, я существую истинно и что оно, поэтому, есть первое и вернейшее из всех заключений, представляющееся тому, кто методически располагает свои мысли.

[Субстанция]. О том, что такое субстанция и что название это не может быть приписано в одинаковом смысле богу и творениям. [...] Разумея субстанцию, мы можем разуметь лишь вещь, которая существует так, что не нуждается для своего существования ни в чем, кроме самой себя. Тут может представиться неясность в объяснении выражения «нуждаться лишь в себе самой». Ибо таков, собственно говоря, один только бог… Но ввиду того что среди сотворенных вещей некоторые по природе своей не могут существовать без некоторых других, мы их отличаем от тех, которые нуждаются лишь в обычном содействии бога, и называем последние субстанциями, а первые – качествами или атрибутами этих субстанций. [...]

Всякая субстанция имеет преимущественный атрибут: для души – мысль, подобно тому, как для тела – протяжение.

[Непосредственная очевидность знания, независимого от опыта]. …исследуя, что такое мы, предполагающие теперь, что вне нашего мышления нет ничего подлинно существующего, мы, очевидно, сознаем, что для того, чтобы существовать, нам не требуется ни протяжение, ни фигура, ни нахождение в каком-либо месте, ни что-либо такое, что можно приписать телу, но что мы существуем только потому, что мы мыслим. Следовательно, наше понятие о нашей душе или нашей мысли предшествует тому, которое мы имеем о теле, и понятие это достовернее, так как мы еще сомневаемся в том, имеются ли в мире тела, но с несомненностью, знаем, что мыслим.

…наше понятие о нашей душе или нашей мысли **предшествует** тому, которое мы имеем о теле, и понятие это достовернее, так как мы еще сомневаемся в том, имеются ли в мире тела, но с несомненностью, знаем, что мыслим.

[Механицизм]. … я описывал Землю и весь вообще видимый мир наподобие механизма, в котором надлежит рассматривать только очертание и движение… …мне многое дал пример некоторых тел, искусно составленных человеком: между машинами, сделанными руками мастеров, и различными телами, созданными одной природой, я нашел только ту разницу, что действия механизмов зависят исключительно от устройства различных трубок, пружин или иного рода инструментов, которые, находясь по необходимости в известном соответствии с изготовившими их руками, всегда настолько велики, что их фигура и движения легко могут быть видимы, тогда как, напротив, трубки или пружины, вызывающие действия природных вещей, обычно бывают столь малы, что ускользают от наших чувств. И ведь несомненно, что в механике нет правил, которые не принадлежали бы физике, [частью или видом которой механика является]; поэтому все искусственные предметы вместе с тем и предметы естественные. Так, например, часам не менее естественно показывать время с помощью тех или иных колесиков, из которых они составлены, чем дереву, выросшему из тех или иных семян, приносить известные плоды. Вот почему подобно часовщику, который» рассматривая не им сделанные часы, обычно в состоянии по некоторым видимым им частям судить о том, каковы остальные невидимые для него, так и я от ощущаемых воздействий, и частиц естественных тел пытался заключить о том, каковы причины этих явлений и каковы невидимые частицы

[Живые существа – механизмы. Отличие человека – разум]. От описаний тел неодушевленных и растений я перешел к описанию животных и особенно людей. ….исследуя те функции, какие могли вследствие этого иметь место в данном (*человеческом*) теле, я там нашел в точности все то, что может происходить в нас, не сопровождаясь мыслями и, следовательно, без участия души, то есть той отличной от тела части, природа которой, как сказано выше, состоит только в мышлении. Это как раз те проявления,

в которых лишенные разума животные, можно сказать, подобны нам. Но я не мог найти в таком человеке ни одной из функций, зависящих от мышления и принадлежащих только нам как людям, зато я нашел их там впоследствии, предположив, что бог создал разумную душу и что он соединил её с этим телом определенным образом, как я описал.

[Врожденные идеи]. … не зная бога, нельзя иметь достоверного познания ни о чем. Но когда душа, познав сама себя и продолжая еще сомневаться во всем остальном, осмотрительно стремится распространить свое познание все дальше, то, прежде всего, она находит в себе идеи о некоторых вещах; пока она их просто созерцает, не утверждая и не отрицая существования вне себя чего-либо подобного этим идеям, ошибиться она не может. Она встречает также некоторые общие понятия и создает из них различные доказательства, столь убедительные для нее, что, занимаясь ими, она не может сомневаться в их истинности. Так, например, душа имеет в себе идеи чисел и фигур, имеет также среди общих понятий и то, что «если к равным величинам прибавить равные, то получаемые при этом итоги будут равны между собой», она имеет еще и другие столь же очевидные понятия, благодаря которым легко доказать, что сумма трех углов треугольника равна двум прямым, и т.д. Пока душа видит эти понятия и порядок, каким она выводит подобные заключения, она вполне убеждена в их истинности; так как душа не может на них постоянно сосредоточиваться, то, когда она вспоминает о каком-либо заключении, не заботясь о пути, каким оно может быть выведено, и притом полагает, что творец мог бы создать её такой, чтобы ей свойственно было ошибаться во всем, что ей кажется вполне очевидным, она ясно видит, что по праву сомневается в истинности всего того, чего не видит отчетливо, и считает невозможным иметь какое либо достоверное знание прежде, чем познает того, кто её создал.

[О первичных и вторичных качествах]. О том, что имеются атрибуты, присущие вещам, которым они приписываются, и атрибуты, зависящие от нашего мышления. [...] Одни качества или атрибуты даны в самих вещах, другие же – только в нашем мышлении. Так, время, которое мы отличаем от длительности, взятой вообще, и называем числом движения, есть лишь известный способ, каким мы эту длительность мыслим, ибо мы не предполагаем в вещах движущихся иного рода длительности, чем в неподвижных. [...]

[О структуре философии]. …вся философия подобна дереву, корни которого – метафизика, ствол – физика, а ветви, исходящие от этого ствола, – все прочие науки, сводящиеся к трем главным: медицине, механике и этике. Последнюю я считаю высочайшей и совершеннейшей наукой, которая предполагает полное знание других наук и является последней ступенью к высшей мудрости.

Подобно тому, как плоды собирают не с корней и не со ствола дерева, а только с концов его ветвей, так и особая полезность философии зави-

сит от тех её частей, которые могут быть изучены только под конец.

[О методе]. Будучи моложе, я изучал немного из области философии – логику, а из математики – анализ геометров и алгебру – эти три искусства, или науки, которые, как мне казалось, должны были служить намеченной мною цели. Но, [с. 259] изучив их, я заметил, что в логике её силлогизмы и большинство других правил служат больше для объяснения другим того, что нам известно, или, как искусство Луллия, учат тому, чтобы говорить, не задумываясь о том, чего не знаешь, вместо того чтобы познавать это. Хотя логика, в самом деле, содержит немало очень верных и хороших правил, однако к ним примешано столько вредных и излишних, что отделить их от этих последних почти так же трудно, как извлечь Диану или Минерву из куска необработанного мрамора. Что касается анализа древних и алгебры современников, то, кроме того, что они относятся к предметам весьма отвлеченным и кажущимся бесполезными, первый всегда так ограничен рассмотрением фигур, что не может упражнять рассудок (entendement), не утомляя сильно воображение; вторая же настолько подчинилась разным правилам и знакам, что превратилась в темное и запутанное искусство, затрудняющее наш ум, а не в науку, развивающую его. По этой причине я и решил, что следует искать другой метод, который совмещал бы достоинства этих трех и был бы свободен от их недостатков. И подобно тому, как обилие законов нередко дает повод к оправданию пороков и государство лучше управляется, если законов немного, но они строго соблюдаются, так и вместо большого числа правил, составляющих логику, я заключил, что было бы достаточно четырех следующих, лишь бы только я принял твердое решение постоянно соблюдать их без единого отступления.

Первое – никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью, т.е. тщательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению.

Второе – делить каждую из рассматриваемых мною трудностей на столько частей, сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить.

Третье – располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с предметов простейших и легко познаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных, допуская существование порядка даже среди тех, которые в естественном ходе вещей не предшествуют друг другу.

И последнее – делать всюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено.

Те длинные цепи выводов, сплошь простых и легких, которыми геометры обычно пользуются, чтобы дойти до своих наиболее трудных доказательств, дали мне возможность представить себе, что и все вещи, кото-

рые могут стать для людей предметом знания, находятся между собой в такой же последовательности. Таким образом, если воздерживаться от того, чтобы принимать за истинное что-либо, что таковым не является, и всегда соблюдать порядок, в каком следует выводить одно из другого, то не может существовать истин ни столь отдаленных, чтобы они были недостижимы, ни столь сокровенных, чтобы нельзя было их раскрыть…..приняв во внимание, что среди всех искавших истину в науках только математикам удалось найти некоторые доказательства, т.е. некоторые точные и очевидные соображения, я не сомневался, что и мне надлежало начать с того, что было ими исследовано, … Я видел, что, хотя их (наук СГ) предметы различны, тем не менее, все они согласуются между собой в том, что исследуют только различные встречающиеся в них отношения или пропорции, поэтому я решил, что лучше исследовать только эти отношения вообще и искать их только в предметах, которые облегчили бы мне их познание, нисколько, однако, не связывая их этими предметами, чтобы иметь возможность применять их потом ко всем другим подходящим к ним предметам. Затем, приняв во внимание, что для лучшего познания этих отношений мне придется рассматривать каждую пропорцию в отдельности и лишь иногда удерживать их в памяти или рассматривать сразу несколько, я предположил, что для лучшего исследования их по отдельности надо представлять их в виде линий, так как не находил ничего более простого или более наглядно представляемого моим воображением и моими чувствами. Но для того чтобы удерживать их или рассматривать по нескольку одновременно, требовалось выразить их возможно меньшим числом знаков. Таким путем я заимствовал бы все лучшее из геометрического анализа и из алгебры и исправлял бы недостатки первого с помощью второй.

И действительно, смею сказать, что точное соблюдение немногих избранных мною правил позволило мне так легко разрешить все вопросы, которыми занимаются эти две науки, что, начав с простейших и наиболее общих и пользуясь каждой найденной истиной для нахождения новых, я через два или три месяца изучения не только справился со многими вопросами, казавшимися мне прежде трудными, по и пришел к тому, что под конец мог, как мне казалось, определять, какими средствами и в каких пределах возможно решать даже неизвестные мне задачи. И при этом я, быть может, не покажусь вам слишком тщеславным, если вы примете во внимание, что существует лишь одна истина касательно каждой вещи и кто нашел ее, знает о ней все, что можно знать. Так, например, ребенок, учившийся арифметике, сделав правильно сложение, может быть уверен, что нашел касательно искомой суммы все, что может найти человеческий ум; ибо метод, который учит следовать истинному порядку и точно перечислять все обстоятельства того, что отыскивается, обладает всем, что дает достоверность правилам арифметики.

Но что больше всего удовлетворяло меня в этом методе – это уверенность в том, что с его помощью я во всем пользовался собственным разумом если не в совершенстве, то по крайней мере как мог лучше. Кроме того, пользуясь им, я чувствовал, что мой ум мало-помалу привыкает представлять предметы яснее и отчетливее, хотя свой метод я не связывал еще ни с каким определенным вопросом, я рассчитывал столь же успешно применять его к трудностям других наук, как это сделал в алгебре. Это не значит, что я бы дерзнул немедленно приняться за пересмотр всех представившихся мне наук, так как это противоречило бы порядку, который предписывается методом. Но, приняв во внимание, что начала наук должны быть заимствованы из философии, в которой я пока еще не усмотрел достоверных начал, я решил, что прежде всего надлежит установить таковые.

Вопросы

1. В «Метафизических размышлениях» Декарт писал: «[...] Архимед требовал только одну твердую и неподвижную точку, для того чтобы сдвинуть с места земной шар; так точно и я буду иметь право питать большие надежды, если мне посчастливится найти хоть одну достоверную и несомненную вещь». Какую «точку опоры» нашел Декарт для обретения истинного знания?

2. Какое определение дает Декарт субстанции? Почему он полагает, что только бог может быть назван субстанцией в полном смысле слова? Существование каких двух субстанций утверждает метафизика Декарта? Назовите атрибут каждой из них.

3. Почему истины, которые мыслящее «Я» обнаруживает в себе, в самосознании, Декарт считает более очевидными и достоверными, чем истины о внешнем мире и о собственном теле человека? Какие идеи, согласно Декарту, разум, вслед за признанием очевидности существования мыслящего «Я», также без доказательств, признает ясными и очевидными?

4. К какому выводу приходит Декарт, сопоставляя естественные тела, созданные природой и искусственные, созданные человеческими руками?

5. Найдите в тексте фрагмент из «Метафизических размышлений», утверждающий параллельное независимое существование в человеке двух субстанций: разума и тела -автомата. Как описал Декарт соединение двух субстанций в другом своем произведении – в «Трактате о человеке»?

6. Сравните позицию Декарта по вопросу о соответствии атрибутов протяженной субстанции атрибутам мышления с позицией Дж. Локка о первичных и вторичных качествах.

7. Какие правила предложил философ как руководство к приобретению истинного знания? Является ли по Декарту, путь усовершенствования разума согласно правилам также и путем обретения истины? Почему?

8. Как связывает Декарт поиск бесспорных истин и потребность в математизации знания? Почему он считает необходимой реорганизацию

научного знания, в завершении которой «всеобщее здание науки» должно приобрести вид «Универсальной математики»?

Френсис Бэкон (1561-1626) – английский философ, эссеист, политический деятель, основоположник эмпиризма, создатель первой технократической утопии (*См.: Новый Органон // Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. – М.: «Мысль», 1978. С. 18-20, 22-23, 24-30; Новая Атлантида // Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. – М.: «Мысль», 1978. С. 513-518).*

Новый Органон *[Об идолах].* Есть четыре вида идолов, которые осаждают умы людей. Для того чтобы изучать их, дадим им имена. Назовем первый вид идолами рода, второй – идолами пещеры, третий – идолами площади и четвертый – идолами театра…

Идолы рода находят основание в самой природе человека, в племени или самом роде людей, ибо ложно утверждать, что чувства человека есть мера вещей. Наоборот, все восприятия как чувства, так и ума покоятся на аналогии человека, а не на аналогии мира. Ум человека уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде.

Идолы пещеры суть заблуждения отдельного человека. Ведь у каждого помимо ошибок, свойственных роду человеческому, есть своя особая пещера, которая ослабляет и искажает свет природы. Происходит это или от особых прирожденных свойств каждого, или от воспитания и бесед с другими, или от чтения книг и от авторитетов, перед какими кто преклоняется, или вследствие разницы во впечатлениях, зависящей от того, получают ли их души предвзятые и предрасположенные или же души хладнокровные и спокойные, или по другим причинам. Так что дух человека, смотря по тому, как он расположен у отдельных людей, есть вещь переменчивая, неустойчивая и как бы случайная. Вот почему Гераклит правильно сказал, что люди ищут знаний в малых мирах, а не в большом, или общем, мире.

Существуют еще идолы, которые происходят как бы в силу взаимной связанности и сообщества людей. Эти идолы мы называем, имея в виду порождающее их общение и сотоварищество людей, идолами площади. Люди объединяются речью. Слова же устанавливаются сообразно разумению толпы. Поэтому плохое и нелепое установление слов удивительным образом осаждает разум. Определения и разъяснения, которыми привыкли вооружаться и охранять себя ученые люди, никоим образом не помогают делу. Слова прямо насилуют разум, смешивают все и ведут людей к пустым и бесчисленным спорам и толкованиям.

Существуют, наконец, идолы, которые вселились в души людей из разных догматов философии, а также из превратных законов доказательств. Их

мы называем идолами театра, ибо мы считаем, что, сколько есть принятых или изобретенных философских систем, столько поставлено и сыграно комедий, представляющих вымышленные и искусственные миры…

При этом мы разумеем здесь не только общие философские учения, но и многочисленные начала и аксиомы наук, которые получили силу вследствие предания, веры и беззаботности…

….Человеческий разум не сухой свет, его окропляют воля и страсти, а это порождает в науке желательное каждому. Человек скорее верит в истинность того, что предпочитает… Бесконечным числом способов, иногда незаметных, страсти пятнают и портят разум. Но в наибольшей степени запутанность и заблуждения человеческого ума происходят от косности, несоответствия и обмана чувств, ибо то, что возбуждает чувства, предпочитается тому, что сразу чувств не возбуждает, хотя бы это последнее и было лучше. Поэтому созерцание прекращается, когда прекращается взгляд, так что наблюдение невидимых вещей оказывается недостаточным или отсутствует вовсе…

[О пути пчелы]. Те, кто занимался науками, были или эмпириками или догматиками. Эмпирики, подобно муравью, только собирают и довольствуются собранным. Рационалисты, подобно пауку, производят ткань из самих себя. Пчела же избирает средний способ: она извлекает материал из садовых и полевых цветов, но располагает и изменяет его по своему умению. Не отличается от этого и подлинное дело философии. Ибо она не основывается только или преимущественно на силах ума и не откладывает в сознание нетронутым материал, извлекаемый из естественной истории и из механических опытов, но изменяет его и перерабатывает в разуме. Итак, следует возложить добрую надежду на более тесный и нерушимый (чего до сих пор не было) союз этих способностей – опыта и рассудка.

[О методе индукции]. Для построения аксиом должна быть придумана иная форма индукции, чем та, которой пользовались до сих пор. Эта форма должна быть применена не только для открытия и испытания того, что называется началами, но даже и к меньшим и средним и, наконец, ко всем аксиомам. Индукция, которая совершается путем простого перечисления, есть детская вещь: она дает шаткие заключения и подвергнута опасности со стороны противоречащих частностей, вынося решения большей частью на основании меньшего, чем следует, количества фактов, и притом только тех, которые имеются налицо. Индукция же, которая будет полезна для открытия и доказательства паук и искусств, должна разделять природу посредством должных разграничений и исключений. И затем после достаточного количества отрицательных суждений она должна заключать о положительном. Это до сих пор не совершено, и даже не сделана попытка, если не считать Платона, который отчасти пользовался этой формой индукции для того, чтобы извлекать определения и идеи. Но чтобы хорошо и правильно строить эту индукцию или доказательство, нужно применить много такого, что до сих пор не приходило на ум ни одному из смертных, и

затратить больше работы, чем до сих пор было затрачено на силлогизм. Пользоваться же помощью этой индукции следует не только для открытия аксиом, но и для определения понятий. В указанной индукции и заключена, несомненно, наибольшая надежда.

Новая Атлантида. Есть у нас дома света, где производятся опыты со всякого рода светом и излучением, и со всевозможными цветами,… Есть у нас дома звука для опытов со всевозможными звуками и получения их. ... Есть у нас приборы, которые, будучи приложены к уху, весьма улучшают слух. Есть также различные диковинные искусственные эхо, которые повторяют звук многократно и как бы отбрасывают его, или же повторяют его громче, чем он был издан, выше или ниже тоном; а то еще заменяющие один звук другим. Нам известны также способы передавать звуки по трубам различных форм и на разные расстояния.

….Есть у нас дома ароматов, где производятся опыты также и над вкусовыми ощущениями… Есть у нас дома механики, где изготовляются машины и приборы для всех видов движения…. Есть у нас математическая палата, где собраны всевозможные инструменты, как геометрические, так и астрономические, изготовленные с большим совершенством…. Есть у нас особые дома, где исследуются обманы органов чувств. Здесь показываем мы всякого рода фокусы, обманы зрения и иллюзии и тут же разъясняем их обманчивость. Ибо вам должно быть очевидно, что, открыв столько естественных явлений, вызывающих изумление, мы могли бы также бесчисленными способами обманывать органы чувств – стоит лишь облечь эти явления тайной и представить в виде чудес. Но нам настолько ненавистны всякий обман и надувательство, что всем членам нашего Общества, под угрозой штрафа и бесчестья, запрещено показывать какое-либо природное явление приукрашенным или преувеличенным; а только в чистом виде, без всякой таинственности.

Таковы, сын мой, богатства Соломонова дома.

И, наконец, есть у нас обычай посещать главные города нашего королевства, где мы оглашаем те новые полезные открытия, какие находим нужным. А также предсказываем – сопровождая это естественными объяснениями – повальные болезни, моровую язву, нашествия саранчи, недороды, грозы, землетрясения, наводнения, кометы, погоду и тому подобное, и даем жителям советы относительно предупреждения стихийных бедствий и борьбы с ними.

Вопросы

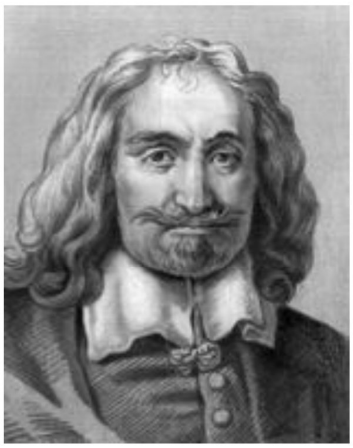
1. Прочитайте последний абзац во фрагменте об идолах. Какие препятствия для получения человеческим разумом истинного знания обнаруживал Ф.Бэкон в человеческой природе?

2. Какие «идолы» присутствуют в человеческом сознании? Какую работу необходимо проделать, чтобы осуществить переход от знания недостоверного (обыденного) к достоверному (научному)?

3. Почему Ф. Бэкон подверг критике «путь паука» и «путь муравья»? Какой путь познания представляется ему наиболее эффективным?

4. Как характеризует Ф.Бэкон метод индукции? Какую роль играют в нем отрицательные суждения?

5. Прообразом чего представляется Вам Дом Соломона, описанный Бэконом в утопии «Новая Атлантида»? Почему Бэкона часто называют первым технократом?

Томас Гоббс (1588-1679) – английский философ-материалист и эмпирик. Политический мыслитель, автор трактата о государстве *(См.: Возражения на «размышления» Декарта // Антология мировой философии: В 4 т. Т. 2. – М.: «Мысль», 1970. С. 341-342; «Левиафан» // Антология мировой философии: В 4 т. Т. 2. – М.: «Мысль», 1970. С. 309-321).*

Возражения на «размышления» Декарта. «Я – мыслящая вещь». Это верно; именно из того факта, что я мыслю или – будь то наяву или во сне – воображаю, следует, что я нечто мыслящее, ведь предложения я мыслю и я – мыслящая вещь означают одно и то же. Из того, что я нечто мыслящее, вытекает, что я существую, ибо то, что мыслит, не есть ничто. Однако, когда Декарт продолжает: т.е. дух, или, душа, или ум, или разум, у меня возникают сомнения. Ибо вряд ли можно считать правильным такое умозаключение: я есмь нечто мыслящее, следовательно, я есмь мышление; или я есмь нечто понимающее, следовательно, я есмь разум. Ибо таким же образом я мог бы сказать: я есмь нечто прогуливающееся, следовательно, я есмь прогулка. Таким образом, Декарт отождествляет познающую вещь с познанием, которое есть акт познающего, или, по меньшей мере, с разумом, который есть способность познающего. Все философы, однако, отличают субъект от его способностей и актов, т.е. от его свойств и сущностей (a suis essentiis). Одно дело само сущее, другое дело его сущность. Возможно поэтому, что мыслящая вещь, являясь субъектом по отношению к духу, рассудку, разуму, тем не менее, представляет собой нечто материальное. Противоположное этому утверждение допускается, но не доказывается; между тем в этом состоит основа того вывода, который как будто хочет сделать Декарт…

Совершенно несомненно, что достоверность положения *я существую* зависит от достоверности положения *я мыслю*, как это правильно показал нам сам Декарт. Но на чем зиждется достоверность этого утверждения – я мыслю? Конечно, не на чем другом, как на том, что мы не можем представить себе какой бы то ни было деятельности без соответствующего субъекта, например танцев без танцующего, познания без познающего, мышления без мыслящего.

Именно отсюда, кажется, и следует, что мыслящая вещь представляет собой нечто телесное; ибо, по всей вероятности, субъекты всякого рода деятельности могут быть поняты только как нечто телесное, или материальное. Сам Декарт показал это на примере воска, который при всех своих изменениях цвета, плотности и формы, т.е. несмотря на все воздействия, которым он подвергается, всегда представляется нам одной и той же вещью, т.е. одной и той же материей….

Так как достоверность положения *я существую* зависит от достоверности другого положения – *я мыслю*, а в последнем мы не можем отделить мышление от мыслящей материи, то предположение о материальности мыслящей субстанции кажется мне более правильным, чем другое предположение, а именно то, согласно которому она нематериальна

[Об ощущении]. Что касается человеческих мыслей, то я буду их рассматривать сначала раздельно, а затем в их связи или взаимной зависимости. Взятые раздельно, каждая из них есть представление или призрак какого-либо качества или другой акциденции тела вне нас, называемого обычно объектом. Объект действует на глаза, уши и другие части человеческого тела и в зависимости от разнообразия своих действий производит разнообразные призраки.

Начало всех призраков есть то, что мы называем ощущением (ибо нет ни одного понятия в человеческом уме, которое не было бы порождено первоначально, целиком или частично, в органах ощущения). Все остальное есть производное от него.[...]

Причиной ощущения является внешнее тело, или объект, который давит на соответствующий каждому ощущению орган непосредственно, как это бывает при вкусе и осязании, или опосредованно, как при зрении, слухе и обонянии. Это давление, продолженное внутрь посредством нервов и других волокон и перепонок тела до мозга и сердца, вызывает здесь сопротивление, или обратное давление, или усилие сердца освободиться. Так как это усилие направлено вовне, то оно кажется нам чем-то находящимся снаружи. И это кажущееся, или этот призрак, люди называют ощущением. В отношении глаза это есть ощущение света или определенного цвета, в отношении уха – ощущение звука, в отношении ноздрей – ощущение запаха, в отношении языка и нёба – ощущение вкуса, а для всего остального тела – ощущение жары, холода, твердости, мягкости и других качеств, которые мы различаем при помощи чувства. Все эти так называемые чувственные качества являются лишь разнообразными движениями материи внутри вызывающего их объекта, движениями, посредством которых объект различным образом давит на наши органы. Точно так же и в нас, испытывающих давление, эти качества являются не чем иным, как разнообразными движениями (ибо движение производит лишь движение). Но то, чем они нам кажутся наяву, точно так же как и во сне, есть призрак. И подобно тому как давление, трение или ушиб глаза вызывают в нас при-

зрак света, а давление на ухо производит шум, точно так же и тела, которые мы видим или слышим, производят то же самое своим сильным, хотя и не замечаемым нами, действием. В самом деле, если бы те цвета или звуки были в телах или объектах, которые их производят, они не могли бы быть отделены от них, как мы это наблюдаем при отражении в зеркале или когда слышим эхо; в этих случаях мы знаем, что объект, который мы видим, находится в одном месте, а призрак – в другом. И хотя на определенном расстоянии представляется, будто произведенный нашей фантазией образ заключается в реальном и действительном объекте, который порождает его в нас, тем не менее объект есть одно, а воображаемый образ или призрак – нечто другое. Таким образом, ощущение во всех случаях есть по своему происхождению лишь призрак, вызванный (как я сказал) давлением, т.е. движением находящихся вне нас объектов, на наши глаза, уши и другие предназначенные для этого органы.

Однако во всех университетах христианского мира философы-схоласты, основываясь на некоторых текстах Аристотеля, учат другой доктрине. В отношении причины зрения они говорят, что видимая вещь посылает во все стороны visible-species, что по-английски означает призрак, аспект или видимое видение, проникновение которого в глаз есть зрение. А в отношении причины слуха они говорят, что слышимая вещь посылает audible species, т.е. слышимый аспект, или слышимое видение, проникновение которого в ухо производит слух. Более того, в отношении причины понимания они также говорят, что понимаемая вещь посылает intelligible species, т.е. умственное видение, проникновение которого в рассудок производит наше понимание. [...]

Вопросы:

1. Идеальной или материальной является природа мышления согласно Т.Гоббсу? Каким образом философ аргументирует свою позицию в полемике с Декартом?

2. Преодолевается ли в философии Т.Гоббса дуализм метафизики Декарта? Как называется философская позиция, полагающая мышление производным от тела?

3. К позиции Р.Декарта или к позиции Ф.Бэкона близок Т. Гоббс по вопросу о природе познания?

4. Как называется позиция, рассматривающая данные опыта как данные чувственных ощущений? Можно ли назвать Т.Гоббса её представителем? Назовите имена мыслителей, развивавших это направление в английской философии.

5. Существуют ли, по Гоббсу, на самом деле качества (звук, вкус, холод и т.д.) воспринимаемые в ощущениях? Подтвердите свой ответ, указав слово из текста, которым Т.Гоббс определяет качества.

6. Что Т.Гоббс полагает причиной появления качественных характеристик вещей?

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646-1716) – немецкий философ-идеалист и ученый-энциклопедист. Математик, разработал дифференциальное и интегральное исчисление (независимо от Ньютона), усовершенствовал счетную машину Паскаля. Общественно-политический деятель. Член лондонского Королевского общества и Парижской академии наук. Основатель и первый президент Берлинской академии наук. Неоднократно встречался с Петром I во время его заграничных поездок в 1711–1716 гг., выдвигая в беседах с ним идею организации академии наук в России *(См.: Антология мировой философии: В 4 т. Т. 2. – М.: «Мысль», 1970. С. 450-464).*

Монадология. 1. Монада, о которой мы будем здесь говорить, есть не что иное, как простая субстанция, которая входит в состав сложных; простая – значит не имеющая частей.

2. И необходимо должны существовать простые субстанции, потому что существуют сложные, ибо сложная субстанция есть не что иное, как собрание или агрегат простых.

3. А где нет частей, там нет ни протяжения, ни фигуры и невозможна делимость. Эти-то монады и суть истинные атомы природы, одним словом, элементы вещей.

4. Нечего также бояться и разложения монады, и никак нельзя вообразить себе способа, каким субстанция могла бы естественным путем погибнуть.

5. По той же причине нельзя представить себе, как может простая субстанция получить начало естественным путем, ибо она не может образоваться путем сложения.

7. [...] Монады вовсе не имеют окон, чрез которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти. Акциденции не могут отделяться или двигаться вне субстанций, как это некогда у схоластиков делали чувственные виды (species sensibiles) [...].

9. [...] Каждая монада необходимо должна быть отлична от другой. Ибо никогда не бывает в природе двух существ, которые были бы совершенно одно как другое и в которых нельзя было бы найти различия внутреннего, или же основанного на внутреннем определении.

10. Я принимаю также за бесспорную истину, что всякое сотворенное бытие – а следовательно, и сотворенная монада – подвержено изменению и даже что это изменение в каждой монаде беспрерывно.

11. Из сейчас сказанного следует, что естественные изменения монад исходят из внутреннего начала, так как внешняя причина не может иметь влияния внутри монады [...].

14. Преходящее состояние, которое обнимает и представляет собой

множество в едином или в простой субстанции, есть не что иное, как то, что называется восприятием (перцепцией), которое нужно отличать от апперцепции или сознания, как это будет выяснено в последующем изложении. И здесь картезианцы сделали большую ошибку, считая за ничто несознаваемые восприятия. Это же заставило их думать, будто одни лишь духи бывают монадами и что нет вовсе душ животных или других энтелехий; поэтому же они, вместе с ходячими мнениями, смешали продолжительный обморок со смертью в старом смысле. А это заставило их впасть в схоластический предрассудок, будто душа может совершенно отделиться от тела, и даже укрепило направленные в дурную сторону умы во мнении о смертности душ.

15. Деятельность внутреннего начала, которая производит изменение или переход от одного восприятия к другому, может быть названа стремлением. Правда, стремление не всегда может вполне достигнуть цельного восприятия, к которому оно стремится, но в известной мере оно всегда добивается этого и приходит к новым восприятиям.

17. Вообще надобно признаться, что представление и все, что от него зависит, необъяснимо причинами механическими, т.е. с помощью фигур и движений. [...] Именно в простой субстанции, а не в сложной и не в машине нужно искать восприятия. Ничего иного и нельзя найти в простой субстанции, кроме этого, т.е. кроме восприятий и их изменений. И только в. них одних могут состоять все внутренние действия простых субстанций.

18. Всем простым субстанциям или сотворенным монадам можно бы дать название энтелехий, ибо они имеют в себе известное совершенство [...] и в них есть самодовление (autarceia), которое делает их источником их внутренних действий и, так сказать, бестелесными автоматами.

19. Если бы мы хотели называть душой все, что имеет восприятия и стремления, в том общем смысле, как я только что пояснил, то можно бы все простые субстанции или сотворенные монады назвать душами; но так как чувство, есть нечто большее, нежели простое восприятие, то я согласен, что для простых субстанций, имеющих только последнее, достаточно общего названия монад и энтелехий, а что душами можно называть только такие монады, восприятия которых более отчетливы и сопровождаются памятью.

28. Люди, поскольку последовательность их восприятий определяется только по началу памяти, действуют как животные, уподобляясь врачам-эмпирикам, которые обладают только практическими сведениями, без теоретических; и в трех четвертях наших поступков мы бываем только эмпириками; например, мы поступаем чисто эмпирически, когда ожидаем, что завтра наступит день, потому что до сих пор так происходило всегда. И только астроном судит в этом случае при помощи разума.

29. Но познание необходимых и вечных истин отличает нас от простых животных и доставляет нам обладание разумом и науками, возвышая

нас до познания нас самих и бога. И вот это называется в нас разумной душой или духом.

30. Равным образом через познание необходимых истин и через их отвлечения мы возвышаемся до рефлексивных актов, которые дают нам мысль о том, что называется я, и усматривать в себе существование того или другого; а мысля о себе, мы мыслим также и о бытии, о субстанции, о простом и сложном, о невещественном и о самом боге, постигая, что то, что в нас ограничено, в нем беспредельно. И эти-то рефлексивные акты доставляют нам главные предметы для наших рассуждений.

38. […] последняя причина вещей должна находиться в необходимой субстанции, в которой многоразличие изменений находится в превосходной степени, как и в источнике; и это мы называем богом.

39. А так как эта субстанция есть достаточное основание для всего этого разнообразия, которое притом повсюду находится во взаимной связи, то существует только единый бог, и этого бога достаточно.

40. Отсюда можно заключить, что эта высшая субстанция [...] едина, всеобща и необходима, так как нет ничего вне ее, что было бы независимо от нее [...].

48. В боге заключается могущество, которое есть источник всего, потом знание, которое содержит в себе все разнообразие идей, и, наконец, воля, которая производит изменения или создания сообразно началу наилучшего. И это соответствует тому, что в сотворенных монадах составляет субъект или основание, способность восприятия и способность стремления. Но в боге эти атрибуты безусловно бесконечны и совершенны, а в монадах сотворенных, или в энтелехиях, [...] это лишь подражания, в той мере, насколько монады имеют совершенства.

49. Тварь называется действующей, поскольку она имеет совершенства, и страдающей, поскольку она имеет несовершенства. Таким образом, монаде приписывают действие, поскольку она имеет отчетливые восприятия, и страдания, поскольку она имеет смутные восприятия.

50. Тварь бывает более совершенною, чем другая, поскольку в ней находится то, что служит к объяснению a priori того, что происходит в другой твари, и поэтому и говорят, что она действует на другую тварь.

51. Но в простых субстанциях бывает только идеальное влияние одной монады на другую, которое может происходить лишь чрез посредство бога, поскольку в идеях божьих одна монада с основанием требует, чтобы бог, устанавливая в начале вещей порядок между другими монадами, принял в соображение ее. Ибо так как одна сотворенная монада не может иметь физического влияния на внутреннее бытие другой, то лишь указанным способом одна монада может находиться от другой в зависимости.

53. А так как в идеях бога есть бесконечное множество миров, из которых осуществиться может лишь один, то необходимо достаточное основание для выбора, которое определяет бога скорее к одному, чем к другому.

54. Эта причина может лежать только в целесообразности или в степенях совершенства, какое содержат в себе эти миры, ибо каждый возможный мир имеет право требовать для себя существования по мере совершенства, которое он заключает в себе.

55. В этом и заключается причина существования наилучшего: мудрость в боге познает его, благость избирает и могущество производит.

56. А вследствие такой связи, или приспособленности всех сотворенных вещей к каждой из них и каждой ко всем прочим, каждая простая субстанция имеет отношения, которыми выражаются все прочие субстанции, и, следовательно, монада является постоянным живым зеркалом Вселенной.

63. Тело, принадлежащее монаде, которая есть его энтелехия или душа, образует вместе с энтелехиею то, что можно назвать живым существом, а вместе с душою то, что называется животным. А это тело живого существа или животного бывает всегда органическим, ибо так как всякая монада есть зеркало Вселенной на свой образец, а Вселенная устроена в совершенном порядке, то необходимо должен быть также порядок и в представляющем, т.е. в восприятиях души, и, следовательно, также и в теле, сообразно которому Вселенная отображается в душе.

64. Таким образом, всякое органическое тело живого существа есть своего рода божественная машина, или естественный автомат, который бесконечно превосходит все автоматы искусственные. Ибо машина, сооруженная искусством человека, не есть машина в каждой своей части [...].

Но машины естественные, т.е. живые тела, и в своих наималейших частях до бесконечности продолжают быть машинами. В этом и заключается различие между природой и искусством, т.е. между искусством божественным и нашим.

65. И творец природы мог применить это божественное и бесконечно чудесное искусство, потому что каждая часть материи не только способна к бесконечной делимости, как полагали древние, но кроме того, и действительно (актуально) подразделена без конца, каждая часть на части, из которых каждая имеет свое собственное движение; иначе не было бы возможно, чтобы всякая часть материи была в состоянии выражать всю Вселенную.

67. Всякую часть материи можно представить наподобие сада, полного растений, и пруда, полного рыб. Но каждая ветвь растения, каждый член животного, каждая капля его соков есть опять такой же сад или такой же пруд [...].

69. Таким образом, во Вселенной нет ничего невозделанного, или бесплодного: нет смерти, нет хаоса, нет беспорядочного смешения, разве только по наружному виду; почти то же кажется нам в пруду на некотором расстоянии, с которого мы видим перепутанное движение рыб в пруду и, так сказать, кишение их, не различая при этом самих рыб.

70. Отсюда видно, что у каждого живого тела есть господствующая энтелехия, которая в животном есть душа; но члены этого живого тела полны других живых тел, растений, животных, из которых каждое имеет опять свою энтелехию, или господствующую душу.

73. Поэтому никогда не бывает также ни полного рождения, ни совершенной смерти в строгом смысле, состоящей в отделении души. И то, что мы называем рождениями, представляет собой развития (developpemens) и увеличения, а то, что мы зовем смертями, есть свертывания (enveloppemens) и уменьшения.

74. Философы были в большом затруднении насчет происхождения форм, энтелехий, или душ; но теперь, когда замечено путем точных исследований, произведенных над растениями, насекомыми и животными, что органические тела в природе никогда не происходят из хаоса, или из гниения, но всегда из семян, в которых, без сомнения, было некоторое предобразование, то отсюда вытекло заключение, что не только органическое тело существовало еще до зачатия, но и душа в этом теле, и одним словом, само животное, и что посредством зачатия это животное было лишь побуждено к большому превращению, чтобы стать животным другого рода. Нечто подобное замечаем мы и там, где нет собственно рождения, например когда черви становятся мухами, а гусеницы бабочками [...].

79. Души действуют согласно законам конечных причин – посредством стремлений, целей и средств. Тела действуют по законам причин действующих (производящих), или движений. И оба царства – причин действующих и причин конечных – гармонируют между собой.

80. Декарт принимал, что души не могут давать телам силу, потому что в материи количество силы всегда одно и то же. Однако он думал, что душа может изменять направление тел. Но произошло это оттого, что в его время не знали закона природы, по которому в материи существует, сверх того, сохранение одного и того же направления в целом. Если бы Декарт заметил этот закон, он пришел бы к моей системе предустановленной гармонии.

81. По этой системе тела действуют так, как будто бы (предполагая невозможное) вовсе не было душ, а души действуют так, как будто бы не было никаких тел; вместе с тем оба действуют так, как будто бы одно влияло на другое.

83. Среди прочих различий, какие существуют между обыкновенными душами и духами… есть еще следующее: души вообще суть живые зеркала или отображения мира творений, а духи, кроме того, суть отображения самого божества или самого творца природы, и способны познавать систему Вселенной и подражать ему кое в чем своими творческими попытками, так как всякий дух в своей области есть как бы малое божество.

84. Вследствие этого духи способны вступать в некоторого рода общение с богом, и он стоит к ним в отношении не только изобретателя к

своей машине (каков бог по отношению к другим тварям), но и в отношении правителя к подданным и даже отца к детям.

85. Отсюда легко вывести заключение, что совокупность всех духов должна составлять град божий, т.е. самое совершенное, какое только возможно, государство под властью самого совершенного монарха.

86. Этот град божий, эта поистине вселенская монархия есть мир нравственный в мире естественном и представляет собой наиболее возвышенное и самое божественное из дел божьих; в нем и состоит истинная слава божья, ибо ее не было бы, если бы духи не познавали величия бога и благости его и не поражались ими. Именно в отношении к этому государству и обнаруживается, собственно, его благость, тогда как его премудрость, его всемогущество проявляются повсюду.

87. Как выше мы установили совершенную гармонию между двумя естественными царствами – царством причин действующих и царством причин конечных, так и здесь мы должны отметить еще другую гармонию между физическим царством природы и нравственным царством благодати, т.е. между богом, рассматриваемым как устроитель механизма Вселенной, и богом, рассматриваемым как монарх божественного государства духов.

88. В силу этой гармонии вещи ведутся к благодати собственными путями природы, и наш земной шар, например, должен быть разрушаем и восстановляем естественными путями в те моменты, когда этого требует правление над духами для кары одних и награды других.

89. Можно сказать еще, что бог, как зодчий, во всем удовлетворяет бога, как законодателя, и что, таким образом, грехи должны нести с собой свое возмездие в силу порядка природы, в силу самого механического строя вещей, и что точно так же добрые деяния будут снискивать себе награды механическими по отношению к телам путями, хотя это не может и не должно происходить постоянно сейчас же.

90. Наконец, под этим совершенным правлением не могут оставаться ни добрые дела без награды, ни злые без возмездия, и все должно выходить ко благу добрых, т.е. тех, кто в этом великом государстве всем доволен, кто доверяется провидению, исполнив свой долг, и кто любит и, как подобает, подражает творцу всякого блага. [...] Если бы мы могли в достаточной мере понять порядок Вселенной, то мы нашли бы, что он превосходит все пожелания наимудрейших и что нельзя сделать его еще лучше, чем он есть, не только вообще и в целом, но и для нас самих в частности, если только мы в подобающей степени привязаны к творцу не только как к зодчему и действующей причине нашего бытия, но также как и к нашему владыке и конечной причине, который должен составлять всю цель нашей жизни и один может составить наше счастье.

Вопросы:

1. Что такое монада? Какую цель имеет монада-энтелехия?

2. Какие монады называются душами? Духами? Чем перцепция отличается от апперцепции?

3. Почему Лейбниц называет монаду бестелесным автоматом? Какую позицию занимает Лейбниц по отношению к механицизму Декарта?

4. Найдите в тексте отрывок, характеризующий теорию преформизма.

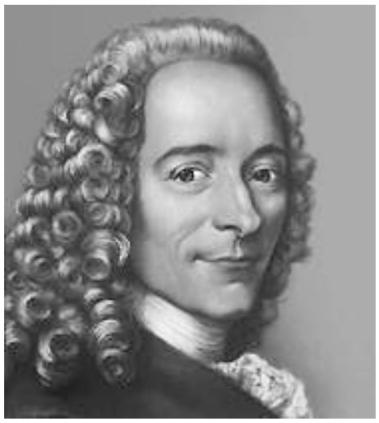
5. Когда монада является действующей? Когда – страдающей? Сравните концепцию Лейбница с концепцией активных и пассивных аффектов Спинозы.

6. Каким образом сообразуются, согласно Лейбницу, душа и тело? По каким законам движутся души, по каким – тела?

7. Охарактеризуйте концепцию предустановленной гармонии.

8. Поясните мысль Лейбница: «Вещи ведутся к благодати собственными путями природы», сопоставьте ее с христианским пониманием пути обретения благодати.

Тема 7. ФИЛОСОФИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ. XVIII В.

Вольтер (Франсуа Мари Аруэ) (1694-1778). Французский философ-просветитель, писатель, публицист. Соч.: Философские письма (1773), «Философский словарь» (1764-1769), Метафизический трактат (173*4)*.

«Объявим же бога справедливым» «Никакое общество не может существовать без справедливости. Объявим же бога справедливым.

Если закон государства карает явные преступления, возвестим бога, который наказывает тайные преступления.

Пусть философ будет спинозистом, если он хочет, но пусть государственный человек будет деистом.

Вы не знаете, что такое бог, как он будет наказывать. Как он будет вознаграждать. Но вы знаете, что он должен быть разумным государем и честным государем; этого достаточно. Ни один смертный не вправе вам противоречить, потому что вы утверждаете вещь вероятную и необходимую для человеческого рода».

«…может ли существовать атеистический народ? Мне кажется, что нужно проводить различие между собственно народом и обществом философов, стоящих над народом. Совершенно очевидно, что во всех странах для черни необходима крепкая узда и что, если бы под управлением Бейля находилось бы всего пять или шесть сотен крестьян, он не преминул бы возвестить им вознаграждающего и карающего бога. Но Бейль говорил

только об эпикурейцах, которые были людьми богатыми, любящими покой, культивирующими все общественные добродетели, особенно дружбу, избегающими затруднений и опасностей общественных дел, ведущими, наконец, комфортабельную и невинную жизнь. Мне думается, что, когда таким образом вопрос окончен в его отношении к обществу и политике, спор окончен»

«Очевидно, что христианская религия это сеть, которой мошенники опутывали глупцов более семнадцати веков, и кинжал, которым фанатики убивали своих братьев более четырнадцати столетий».

«Суеверие – самый страшный враг рода человеческого. Когда оно властвует над государем, то мешает ему творить добро для своего народа, когда оно властвует над народом, то поднимает его против государя».

На нашей несчастной планете невозможно, чтобы люди, живя в обществе, не были разделены на два класса: богатых, которые повелевают, и бедных, которые им служат»

Вольтер. Философские письма // Антология мировой философии в 4-х томах. Т.2. – М.,1970. – с.549-555.

Вопросы:

1. На какие противоречия христианского учения указывает Вольтер?

2. Вольтер признает доброго и справедливого бога. Как это примирить со злом, существующим в мире? Как мог бы ответить на этот вопрос Вольтер?

3. В деятельности католической церкви Вольтер видел главное препятствие для распространения просвещения и свободы мысли. На чем было основано его мнение?

Поль Анри Гольбах (1723-1789), французский философ-просветитель, один из основателей французского материализма и атеизма. Создал картину Вселенной как единого целого, в котором все находится во взаимосвязи. Соч.: Карманное богословие (1768), Система природы, или О законах мира физического и мира духовного (1770).

«Человек – это творение природы»

«Люди всегда будут заблуждаться, если станут пренебрегать опытом ради порожденных воображением систем. Человек – произведение природы, он существует в природе, подчинен ее законам, не может освободиться от нее, не может – даже в мысли – выйти из природы. Тщетно дух его желает ринуться за грани видимого мира, он всегда вынужден вмещаться в его пределах. Для существа, созданного природой и ограниченного ею, не существует ничего, помимо того великого целого, часть которого оно составляет и воздействия которого испытывает. Предполагаемые существа, будто бы отличные от

природы и стоящие над ней, всегда останутся призраками, и мы никогда не сумеем составить себе правильных представлений о них, равно как и об их местопребывании и образе действий. Нет и не может быть ничего вне природы, объемлющей в себе все сущее.

Пусть же человек перестанет искать вне обитаемого им мира существа, способные дать ему то счастье, в котором ему отказывает природа. Пусть он изучает эту природу и ее законы, пусть созерцает ее энергию и неизменный образ действий. Пусть он применит свои открытия для достижения собственного счастья и молча подчинится законам, от действия которых ничто не может его избавить. Пусть он согласится с тем, что не знает причин, окруженных для него непроницаемой завесой; пусть безропотно покорится велениям универсальной силы, которая никогда не возвращается вспять и никогда не может нарушить законы, предписанные ей ее собственной сущностью.

Мыслители явно злоупотребляли столь часто проводившимся различением между физическим человеком и человеком духовным. Человек есть чисто физическое существо; духовный человек – это то же самое физическое существо, только рассматриваемое под известным углом зрения, то есть по отношению к некоторым способам действий, обусловленным особенностями его организации. Но разве эта организация не есть дело рук природы? Разве доступные ей движения или способы действий не являются физическими? Видимые действия человека, равно как и совершающиеся внутри его невидимые движения, порожденные его волей или мыслью, являются естественным результатом, неизбежным следствием его собственного устройства и получаемых им от окружающих существ импульсов. Все, что было придумано в ходе истории человеческой мыслью, чтобы изменить или улучшить жизнь людей и сделать их более счастливыми, всегда было лишь неизбежным результатом собственной сущности человека и воздействующих на него живых существ. Все наши учреждения, наши размышления и познания имеют своей целью только доставить нам то счастье, к которому нас заставляет непрестанно стремиться наша собственная природа. Все, что мы делаем или мыслим, все, чем мы являемся и чем мы будем, всегда лишь следствие того, чем нас сделала всеобъемлющая природа. Все наши идеи, желания, действия представляют собой необходимый результат сущности и качеств, вложенных в нас этой природой, и видоизменяющих пас обстоятельств, которые она заставляет нас испытывать. Одним словом, искусство – это та же природа, действующая с помощью созданных ею орудий. <…>

Все заблуждения людей – это заблуждения в области физики; люди обманываются лишь тогда, когда пренебрегают природой, не желают считаться с ее законами и призывать к себе на помощь опыт. Так, не имея опыта, они составили себе несовершенные представления о материи, ее свойствах, сочетаниях и силах, ее способе действия, или энергии, вытека-

ющей из ее сущности. Поэтому вся вселенная стала для них ареной иллюзий. Они не поняли природы и ее законов, не увидели необходимых путей, начертанных ею для всего, что в ней заключено. Мало того! Они не поняли самих себя; все их системы, гипотезы, рассуждения, лишенные основы опыта, представляют собой лишь сплошную сеть заблуждений и нелепостей.

Всякое заблуждение пагубно; впав в заблуждение, человеческий род стал несчастным. Не познав природы, он создал себе богов, которые стали единственными предметами его надежд и опасений. Люди не поняли, что эта природа, лишенная как доброты, так и злобы, создавая и разрушая существа, сразу же заставляя страдать тех, кого она наделила чувствительностью, распределяя между ними блага и бедствия, непрерывно изменяя эти существа, следует лишь необходимым и непреложным законам. Они не поняли, что человек должен искать в самой природе и в своих собственных силах средства удовлетворения своих потребностей, лекарства от своих страданий и пути к счастью. Они ожидали этих вещей от каких-то воображаемых существ, в которых видели виновников своих удовольствий и страданий. Отсюда ясно, что теми неизвестными силами, перед которыми так долго трепетал человеческий род, и суеверными вероучениями, которые были источниками всех его бедствий, люди обязаны незнанию природы.

Из-за незнания собственной природы и собственных стремлений, своих потребностей и прав человек, живя в обществе, утратил свободу и стал рабом. Он отрекся от желании своего сердца или счел необходимым заглушить их и пожертвовать своим благополучием прихотям своих вождей. Он не понял цели общества и правительства, безоговорочно подчинился таким же, как он сам, людям, на которых под влиянием предрассудков стал смотреть как на существ высшего порядка, как на земных богов. Эти последние воспользовались его заблуждением, чтобы поработить его, развратить, сделать порочным и несчастным. Так вследствие незнания своей собственной природы род человеческий оказался порабощенным и стал жертвой дурных правительств.

Из-за незнания самого себя и необходимых отношений, существующих между ним и другими людьми, человек отрекся от своих обязанностей к ближним, не понял, что другие люди необходимы для его собственного счастья. Он не понял также своих обязанностей по отношению к самому себе, не усмотрел излишеств, которых должен избегать, чтобы добиться прочного счастья, не отличил страстей, которым должен сопротивляться, от тех, которым должен отдаться ради своего собственного счастья. Одним словом, он не понял своих истинных интересов. Этим объясняется беспорядочность его жизни, его невоздержность, его постыдные удовольствия и все пороки, которым он предался в ущерб своему здоровью и прочному благополучию. Таким образом, незнание человеческой природы помешало

человеку уяснить себе задачи нравственности; впрочем, развратные правительства, которым он был подчинен, помешали бы ему осуществить на деле предписания морали, даже если бы он их знал.

Точно так же именно потому, что человек не исследовал природу и ее законы и не старался открыть ее свойства и ресурсы, он коснеет в невежестве или делает столь медленные и неверные шаги по пути к улучшению своей участи. Из-за лени он предпочитает руководствоваться скорее примером, рутиной, авторитетом, чем опытом, который побуждает к деятельности, и разумом, который требует размышления. Этим объясняется отвращение, питаемое людьми ко всему, что кажется им выходящим из рамок приличия, их тупое и рабское преклонение перед стариной и самыми бессмысленными учреждениями отцов; их тревога, когда им предлагают даже наиболее выгодные перемены и наименее рискованные опыты. Вот почему мы видим народы пребывающими в постыдной летаргии, стонущими под игом вековых злоупотреблений и трепещущими при одной мысли о том, что могло бы помочь их бедствиям. В силу той же лености духа и недостатка опыта медицина, физика, агрикультура словом, все полезные науки так незаметно прогрессируют, так долго оставаясь под ярмом авторитета. Те, кто занимается этими науками, предпочитают идти давно проторенными дорогами, чем пролагать новые пути. Они предпочитают бредни своего воображения и свои вздорные гипотезы настойчивым экспериментам, которые одни могут вырвать у природы ее тайны.

Одним словом, так как люди из страха или из лени отказались от свидетельства своих чувств, то во всех своих поступках и начинаниях они стали руководствоваться лишь иллюзиями восторженного воображения, привычкой, предрассудками и особенно авторитетом, который сумел воспользоваться их невежеством, чтобы обмануть их. Фантастические системы заменили опыт, размышление, разум: души, потрясенные страхом, опьяненные верой в чудесное или же усыпленные ленью и руководимые легковерием, этим плодом отсутствия опыта, создали себе смехотворные взгляды или же приняли без критического рассмотрения любые вымыслы, которые вздумали им преподнести.

Так человеческий род, не познав природы и ее путей, пренебрегши опытом и разумом, пожелав чудесного и сверхъестественного и, наконец, исполнившись страха, долго оставался в младенческом возрасте, из которого ему приходится теперь выбираться с таким трудом. У людей были лишь ребяческие гипотезы, основания и доказательства которых они никогда не осмеливались обсуждать. Они привыкли считать эти гипотезы священными, общепризнанными истинами, в которых им не дозволено усомниться ни на мгновение. Невежество сделало их легковерными, а любознательность заставила с жадностью хвататься за все чудесное. Время утвердило их во всех этих верованиях, передавая от поколения к поколению догадки в качестве реальностей. Тираническая сила удерживала лю-

дей в этих воззрениях, ставших необходимыми для порабощения общества. В конце концов познания людей во всех областях стали одной сплошной грудой лжи, неясностей, противоречий, кое-где перемежающихся слабыми проблесками истины, доставленными природой, от которой люди никогда не могли окончательно удалиться, ибо нужда всегда приводила их к ней.

Поднимемся же над облаками предрассудков. Выйдем из окружающего нас густого тумана, чтобы рассмотреть взгляды людей, их различные учения. Будем остерегаться разгула воображения, возьмем в руководители опыт, обратимся к природе, постараемся почерпнуть в ней самой правильные понятия о заключающихся в ней предметах. Прибегнем к содействию наших чувств, которые пытались сделать подозрительными в наших глазах; станем вопрошать разум, который бесстыдно оклеветали и унизили; будем внимательно созерцать видимый мир и посмотрим, не достаточно ли его, чтобы дать нам возможность судить о неведомых землях духовного мира. Может быть, мы найдем, что не было никаких оснований отличать друг от друга и разделять два царства, одинаково входящие в область природы.

Вселенная, это колоссальное соединение всего существующего, повсюду являет нам лишь материю и движение. Ее совокупность раскрывает перед нами лишь необъятную и непрерывную цепь причин и следствий. Некоторые из этих причин нам известны, ибо они непосредственно воздействуют на наши чувства. Другие нам не известны, потому что действуют на нас лишь посредством следствий, часто очень удаленных от своих первопричин.

Разнообразнейшие вещества, сочетаясь на тысячи ладов, непрерывно получают и сообщают друг другу различные движения. Различные свойства веществ, их различные сочетания и разнообразные способы действия, являющиеся необходимыми следствиями этих свойств и сочетаний, составляют для нас сущность всех явлений бытия, и от различия этих сущностей зависят различные порядки, ряды или системы, в которые входят эти явления, в совокупности составляющие то, что мы называем природой.

Таким образом, природа, понимаемая в широчайшем смысле этого слова, есть великое целое, получающееся от соединения различных веществ, их различных сочетаний и различных движений, наблюдаемых нами во вселенной. Природа, понимаемая в более узком смысле или рассматриваемая в каждом отдельном явлении,– это целое, вытекающее из сущности, то есть из свойств, сочетаний, движений или способов действий, отличающих данное явление от других. Так, человек есть некое вытекающее из комбинаций известных веществ, одаренных специфическими свойствами, целое, устройство, которое называется организацией и сущность которого в том, чтобы чувствовать, мыслить, действовать – одним словом, двигаться способом, отличающим человека от других существ, с которыми

он себя сравнивает. В результате этого сравнения человек относит себя к существам особого порядка, системы, класса, отличающимся от класса животных, в которых он не замечает тех же самых свойств, что у себя. Различные системы существ, или, если угодно, их специфические сущности, зависят от общей системы, от великого целого, от всеобъемлющей природы, часть которой они составляют и с которой необходимо связано все существующее. <…>

Гольбах А. Система природы // Антология мировой философии в 4-х т. – М., 1970. – Т.2 – С.666-672

Вопросы:

1. Как трактует Гольбах различие между физическим и духовным человеком?
2. В чем видит Гольбах преимущество понимания человека как природного существа?
3. Какой положительный идеал выдвигает Гольбах и какие средства выдвигает для достижения цели?

«О происхождении наших идей о божестве». В начале своей общественной жизни люди, часто претерпевая бедствия по вине природы, приписали стихиям или управляющим ими скрытым силам волю, намерения, потребности, желания, подобные тем, которые имеются у человека. В этом – источник жертвоприношений, придуманных, чтобы кормить эти неизвестные существа; возлияний, предназначенных утолять их жажду; фимиама и ладана, которые должны доставлять удовлетворение их обонянию. Полагали, что раздраженные стихии или повелевающие ими силы можно умиротворять, как раздраженного человека, мольбами, низкопоклонством, подарками. Воображение без устали работало над тем, чтобы угадать, какие подарки и приношения приятнее всего этим немым существам, не обнаруживающим своих наклонностей. Вначале им давали земные плоды, снопы; затем им стали приносить мясо ягнят, телят, быков. Так как они почти всегда казались раздраженными против человека, то им мало-помалу стали приносить в жертву детей, людей. Наконец, под влиянием исступленного воображения стали думать, что верховное существо, управляющее природой, пренебрегает земными приношениями и может быть умиротворено лишь принесением в жертву бога; предположили, что бесконечное существо может быть примирено с человеческим родом только бесконечной жертвой.

Так как старики обладали большим опытом, то на них обыкновенно возлагалась миссия примирения людей с раздраженным божеством. . <…> Эти старики окружили обряд примирения с богом всякого рода церемониями, предосторожностями и формулами: они записали для своих сограждан полученные ими от предков сведения, сделанные ими наблюдения, выдуманные ими сказания. Так возникло жречество; так сложился культ; так мало-помалу образовалась религиозная доктрина, передававшаяся в каждом обществе от поколения к поколению. . <…>

Первая богословская система вначале заставила человека бояться и почитать стихии, материальные и грубые предметы; затем он стал поклоняться существам, управляющим стихиями, могущественным гениям, гениям низшего порядка, героям или людям, одаренным великими доблестями. В ходе дальнейших размышлений он решил упростить эту систему, подчинив всю природу одному-единственному агенту – верховному разуму, духу, мировой душе, приводящей в движение эту природу и ее части2. Восходя от одной причины к другой, люди в конце концов перестали различать что бы то ни было, и в этом-то мраке они поместили своего бога; в этих темных безднах их встревоженное воображение продолжает фабриковать химеры, которые будут страшить людей до тех пор, пока познание природы не освободит их от веры в эти призраки – предметы их постоянного и бессмысленного поклонения.

Если мы захотим понять сущность наших представлений о божестве, то должны будем признать, что словом бог люди всегда обозначают наиболее скрытую, далекую и неизвестную причину наблюдаемых ими явлений; они употребляют это слово лишь в тех случаях, когда перестают разбираться в механизме естественных и известных им причин; утратив из виду последовательность и связь этих причин, они прекращают свои поиски; чтобы покончить с затруднениями, называют богом последнюю причину, то есть ту, которая находится за гранью всех известных им причин; таким образом, они дают лишь туманное название некоторой неизвестной причине, перед которой останавливаются под влиянием лености мысли или ограниченности своих познаний. . <…>

Если незнание природы породило богов, то познание ее должно их уничтожить. С ростом знаний человека растут его силы и его орудия; науки, искусства, ремесла оказывают ему свою помощь; опыт делает его более уверенным, помогая ему оказывать сопротивление многим явлениям, перестающим пугать его, лишь только он познает их. Одним словом, людские страхи рассеиваются по мере роста просвещения. Просвещенный человек перестает быть суеверным.

Гольбах А. Система природы // Антология мировой философии в 4-х т. – М., 1970. – Т.2 – С.681-685.

Вопросы:

1. Каковы, по мнению Гольбаха, причины веры людей в бога?
2. Как возникает представление о боге у человека?
3. Что такое предрассудки и какова их роль в возникновении веры в сверхъестественное?
4. Во что может верить человек, кроме бога?
5. Подумайте, чем отличается вера от убеждения?
6. Можно ли говорить о рациональной вере? Чем фанатичная вера отличается от рациональной веры?

Давид Юм (1711-1776), шотландский философ, историк, экономист и литератор. Сформулировал позицию агностицизма. Соч.: Трактат о че-

ловеческой природе (1739), Исследование о человеческом разумении (1748).

О человеческом познании. «Все перцепции (восприятия) человеческого ума сводятся к двум отличным друг от друга родам, которые я буду называть впечатлениями (impressions) и идеями. Различие между последними состоит в той степени силы и живости, с которой они поражают наш ум и прокладывают свой путь в наше мышление и сознание. Те восприятия (перцепции), которые входят (в сознание) с наибольшей силой и неудержимостью, мы назовем впечатлениями, причем я буду подразумевать под этим именем все наши ощущения, аффекты и эмоции при первом их появлении в душе (soul). Под идеями же я буду подразумевать слабые образы этих впечатлений в мышлении и рассуждении. <…>

Существует еще одно деление наших восприятий, которое следует сохранить и которое распространяется как на впечатления, так и на идеи, – это деление тех и других на простые и сложные. Простые восприятия, т.е. впечатления и идеи, – это те, которые не допускают ни различения, ни разделения. Сложные восприятия противоположны простым, и в них могут быть различены части <…>

Все наши простые идеи при первом своем появлении происходят от простых впечатлений, которые им соответствуют и которые они в точности представляют (represent) <…>..

Впечатления можно разделить на два рода: впечатления ощущения и впечатления рефлексии. Первый род впечатлений первоначально возникает в душе от неизвестных причин. Второй извлекается по большей части из наших идей <…>.

Очевидно, что существует принцип соединения различных мыслей, или идей, нашего ума и что, появляясь в памяти или воображении, они вызывают друг друга до известной степени методично и регулярно. При серьезном размышлении или разговоре это столь доступно наблюдению, что всякая отдельная мысль, прерывающая правильное течение или сцепление идей, тотчас же замечается нами и отбрасывается. Но, подумав, мы найдем, что даже в самых фантастических и бессвязных грезах, даже в сновидениях ход нашего воображения не был вполне произволен, что и здесь существовала некоторая связь между различными следующими друг за другом идеями. Если бы мы записали самый несвязный и непринужденный разговор, мы тотчас же заметили бы нечто связывающее все его отдельные переходы; а при отсутствии такой связи человек, прервавший нить разговора, все же мог бы сообщить нам, что в его уме незаметно произошло сцепление мыслей, постепенно отдалившее его от предмета разго-

вора. Замечено, что в самых различных языках, даже в тех, между которыми нельзя предположить ни малейшей связи, ни малейшего сообщения, слова, выражающие самые сложные идеи, в значительной мере соответствуют друг другу; это служит верным доказательством того, что простые идеи, заключенные в сложных, были соединены в силу какого-то общего принципа, оказавшего одинаковое влияние на все человечество.

Хотя тот факт, что различные идеи связаны друг с другом, слишком очевиден, чтобы он мог укрыться от наблюдения, ни один философ, насколько мне известно, не попытался перечислить или классифицировать все принципы ассоциации; между тем это предмет, по-видимому, достойный внимания. Мне представляется, что существуют только три принципа связи между идеями, а именно: сходство, смежность во времени или пространстве и причинность (cause or effect).

Я думаю, мало кто станет сомневаться в том, что указанные принципы действительно способствуют соединению идей. Портрет естественно переносит наши мысли к оригиналу; упоминание об одном помещении в некотором здании естественно приводит к вопросу или разговору о других, а думая о ранении, мы едва ли можем удержаться от мысли о следующей за ним боли. Но что это перечисление полно и что никаких других принципов ассоциации, кроме упомянутых, нет – это, быть может, трудно было бы доказать так, чтобы удовлетворить читателя или хотя бы себя самих. Все, что мы можем сделать в данном случае, – это рассмотреть несколько примеров и тщательно исследовать принцип соединения различных мыслей, не останавливаясь до тех пор, пока не достигнем как можно более общего принципа. Чем большее количество примеров мы рассмотрим и чем более тщательно подойдем к делу, тем тверже будет наша уверенность, что составленное нами на основании всего этого перечисление полно и совершенно.

Юм Д. Исследование о человеческом разумении. М., Прогресс, 1995.

Вопросы:

1. Юм считает, что мышление ассоциативно. На основании чего он делает такой вывод?
2. Каковы принципы объединения идей, т.е. принципы ассоциации?
3. Как используется идея ассоциативности мышления в современном моделировании мышления человека?

Беркли Джордж (1865-1753), британский философ, епископ. Представитель субъективного идеализма: критиковал понятие материи как субстанции, т.е. вещественной основы тел и признавал существование только духовного бытия. Кри-

тиковал теорию первичных и вторичных качеств: все качества вещей – вторичные, т.е. относятся к области восприятия человека. Соч.: Опыт новой теории зрения (1709), Три разговора между Гиласом и Филонусом (1713).

Существовать значит быть воспринимаемым. « Некоторые истины столь близки и очевидны для ума, что стоит лишь открыть глаза, чтобы их увидеть. Такой я считаю ту важную истину, что весь небесный хор и все убранство земли, одним словом, все вещи, составляющие Вселенную, не имеют существования вне духа, что их бытие состоит в том, чтобы быть воспринимаемыми или познаваемыми; что, следовательно, поскольку они в действительности не восприняты мной или не существуют в моем уме или уме какого-либо другого сотворенного духа, они либо вовсе не имеют существования, либо существуют в уме какого-либо вечного духа и что совершенно немыслимо и включает в себя все нелепости абстрагирования приписывать хоть малейшей части их существование независимо от духа. Чтобы сказанное представить с ясностью и очевидностью аксиомы, мне кажется достаточным вызвать размышление читателя, дабы он мог составить беспристрастное суждение о своем собственном мнении и направить свои мысли на сам предмет свободно и независимо от затруднений слов и предрассудков в пользу ходячих заблуждений» <..>

Беркли Д. Трактат о принципах человеческого знания – М., 1978 С.173-174.

«Все согласятся, что ни наши мысли, ни страсти, ни идеи, образуемые воображением, не существуют вне нашей души. И вот для меня не менее очевидно, что различные ощущения или идеи, запечатленные в чувственности, как смешаны или соединены они ни были между собой (т.е. какие бы предметы ни образовали) не могут существовать иначе как в духе, который их воспринимает. Я полагаю, что каждый может непосредственно убедиться в этом, если обратит внимание на то, что подразумевается под термин*ом существует* в его применении к ощущаемым вещам. Когда я говорю, что стол, на котором я пишу, существует, то это значит, что я вижу и ощущаю его; и если б я вышел из своей комнаты, то сказал бы, что стол существует, понимая под этим, что, если бы я был в своей комнате, то я мог бы воспринимать его, или же что какой-либо другой дух действительно воспринимает его. Здесь был запах – это значит, что я его обонял; был звук – значит, что его слышали; был цвет или форма – значит, они были восприняты зрением или осязанием. Это все, что я могу разуметь под такими или подобными выражениями. Ибо то, что говорится о безусловном существовании немыслящих вещей без какого-либо отношения к их воспринимаемости, для меня совершенно непонятно. Их esse есть percipi, и невозможно, чтобы они имели какое-либо существование вне духов или воспринимающих их мыслящих вещей».

Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания / Сочинения. – М., 1978. С.172.

Вопросы:

1. Что, по мнению Беркли, является признаком существования вещей и как философ обосновал свою позицию?
2. Если бы в системе Беркли не существовало Бога, то как можно описать способ существования вещей в то время. когда человек их не воспринимает?
3. Сравните гносеологическую позицию Беркли с представлением Декарта о непосредственной очевидности знания, независимого от опыта?
4. Почему позицию Беркли называют субъективным идеализмом?
5. Какова современная оценка идей Беркли?

Джон Локк (1632-1704), английский философ-просветитель и политический мыслитель. Локк разработал эмпирическую теорию познания, а в области политической философии – доктрину либерализма. Соч.: Два трактата о государственном правлении (1689), Опыт о человеческом разумении (1690).

Теория познания. Разумение, подобно глазу, давая нам возможность видеть и воспринимать все остальные вещи, не воспринимает само себя: необходимы искусство и труд, чтобы поставить его на некотором отдалении и сделать его собственным объектом.

...моей *целью* является исследование происхождения, достоверности и объема человеческого познания вместе с основаниями и степенями веры, мнений и согласия (I.91).

Что означает слово «идея». ...Так как этот термин, на мой взгляд, лучше других обозначает все, что является объектом мышления человека, то я употреблял его для выражения того, что подразумевают под словами «фантом», «понятие», «вид», или всего, чем может быть занята душа во время мышления (I.95).

Врожденных идей в душе нет. *Указать путь, каким мы приходим ко всякому знанию, достаточно для доказательства того, что оно неврожденно.* Некоторые считают установленным взгляд, будто в разуме есть некие *врожденные принципы,* некие первичные понятия, Koiva'i "ewoiai, так сказать, запечатленные, в сознании знаки, которые душа получает при самом начале своего бытия и приносит с собою в мир. Чтобы убедить непредубежденных читателей в ложности этого предположения, достаточно лишь показать, как эти люди исключительно при помощи своих природных способностей, без всякого содействия со стороны врожденных впечатлений, могут достигнуть всего своего знания и прийти к достоверности без таких первоначальных понятий или принципов. Ибо, я думаю, все охотно согласятся, что дерзко предполагать врожденными идеи цветов

в существе, которому Бог дал зрение и способность воспринимать при помощи глаз цвета от внешних вещей. Не менее безрассудно считать некоторые истины природными отпечатками и врожденными знаками, ибо ведь мы видим в себе способность прийти к такому же легкому и достоверному познанию их и без того, чтобы они были первоначально запечатлены в душе (что я и надеюсь показать в последующих разделах этого сочинения) (I.96).

Кто даст себе труд хоть сколько-нибудь внимательно вдуматься в деятельность сил разума, найдет, что быстрое согласие разума с некоторыми истинами зависит не от прирожденного запечатления и не от *процесса рассуждения,* а от способности ума, совершенно отличной от того и другого, как мы увидим позже. Следовательно, рассуждение не имеет никакого отношения к нашему согласию с этими максимами. И если словами «Люди знают и признают эти истины, когда начинают рассуждать» хотят сказать, что рассуждение помогает нам в познании этих максим, то это совершенно ложно; а если бы оно было верно, то доказывало бы, что эти максимы неврожденны (I.101).

Идея Бога неврожденна. Если какую-нибудь идею можно представить себе *врожденной,* то *идея* Бога более всего, по многим причинам, может считаться такой. Ибо трудно понять, как могут быть врожденными нравственные принципы без врожденной *идеи божества:* без понятия о законодателе нельзя иметь понятия о законе и об обязательности его соблюдения (I.137—138).

Но если бы даже все человечество повсюду имело *понятие о Боге* (хотя история говорит нам о противном), из этого не следовало бы, что идея Его врожденна. Ибо, если бы даже нельзя было найти народа, который [не знал бы] имени Бога и не имел скудных, смутных представлений о Нем, это так же мало доказывало бы природную запечатленность в душе этих представлений, как всеобщее принятие и знание людьми названий «огонь», «солнце», «жар», «число» и их идей доказывает врожденность идей, этими словами обозначаемыми. С другой стороны, отсутствие такого имени или отсутствие в человеческой душе такого понятия так же мало является доводом против бытия Божия, как мало может служить доказательством того, что в мире нет магнита, то обстоятельство, что большая часть человечества не имеет ни понятия о подобной вещи, ни имени для нее (I.139).

Откуда мнение о врожденных принципах. То, что люди нашли несколько общих положений, в которых могли не сомневаться сразу, как только их поняли, это, на мой взгляд, *прямо и легко вело к заключению, что они врожденны.* Это, будучи однажды принято, избавило ленивого от мук исканий и остановило сомневающегося в его исследованиях и коснулось всего, что было однажды названо врожденным. А для тех, кто претендовал на роль ученых и учителей, было немалой выгодой установить в качестве принципа принципов то положение, что нельзя подвергать сомне-

нию принципы. Ибо, установив раз принцип, что есть врожденные принципы, они внушили своим последователям необходимость принять некоторые учения как такие принципы, чтобы отвлечь людей от пользования собственным разумом и способности суждения, заставив принимать все на веру и слово, без дальнейшего исследования. При такой слепой доверчивости легче было ими управлять и сделать их полезными для тех, кто обладал умением и имел задачу наставлять их и руководить ими. Обладать авторитетом диктатора принципов и наставника неоспоримых истин и понуждать других на веру принимать за врожденный принцип все, что может служить целям учителя, – это немалая власть человека над человеком (I.151-152).

Идея есть объект мышления. Так как каждый человек сознает, что он мыслит и что то, чем занят ум во время мышления, – это идеи, находящиеся в уме, то несомненно, что люди имеют в своем уме различные идеи, как, например, такие, которые выражаются словами: «белизна», «твердость», «сладость», «мышление», «движение», «человек», «слон», «войско», «опьянение» и др. Прежде всего, стало быть, нужно исследовать, как человек приходит к идеям (I.154).

Все идеи приходят от ощущения или рефлексии. Предположим, что ум есть, так сказать, белая бумага без всяких знаков и идей.

Но каким же образом он получает их? Откуда он приобретает тот [их] обширный запас, который деятельное и беспредельное человеческое воображение нарисовало с почти бесконечным разнообразием? Откуда получает он весь материал рассуждения и знания? На это я отвечаю одним словом: из *опыта.* На опыте основывается все наше знание, от него в конце концов оно происходит. Наше наблюдение, направленное или *на внешние ощущаемые предметы, или на внутренние действия нашего ума, которые мы сами воспринимаем и о которых мы сами размышляем, доставляет нашему разуму весь материал мышления.* Вот два источника знания, откуда происходят все идеи, которые мы имеем или естественным образом можем иметь (I.154).

Объекты ощущения – один источник идей. Во-первых, *наши чувства* будучи обращены к отдельным чувственно воспринимаемым предметам, *доставляют уму* разные, отличные друг от друга *восприятия* вещей в соответствии с разнообразными путями, которыми эти предметы действуют на них. Таким образом мы получаем идеи *желтого, белого, горячего, холодного, мягкого, твердого, горького, сладкого* и все те идеи, которые мы называем чувственными качествами. Когда я говорю, что чувства доставляют их уму, я хочу сказать, что от внешних предметов они доставляют уму то, что вызывает в нем эти *восприятия.* Этот богатый источник большинства наших идей, зависящих всецело от наших чувств и через них входящих в разум, я и называю *ощущением* (I.154—155).

Деятельность нашего ума – другой их источник. Во-вторых, другой источник, из которого опыт снабжает разум идеями, есть внутреннее *воспри-*

ятие действий (operations) *нашего ума,* когда он занимается приобретенными им идеями. Как только душа начинает размышлять и рассматривать эти действия, они доставляют нашему разуму (understanding) идеи другого рода, которые мы не могли бы получить от внешних вещей. Таковы «восприятие», «мышление», «сомнение», «вера», «рассуждение», «по-знание», «желание» и все различные действия нашего ума (mind). Когда мы сознаем и замечаем их в себе, то получаем от них в своем разуме такие же отличные друг от друга идеи, как и те, которые мы приобретаем от тел, действующих на наши чувства. Этот источник идей каждый человек целиком имеет внутри себя, и, хотя этот источник не есть чувство, поскольку не имеет никакого дела с внешними предметами, тем не менее он очень сходен с ним и может быть довольно точно назван внутренним чувством. Но, называя первый источник *ощущением,* я называю второй *рефлексией,* потому что он доставляет только такие *идеи,* которые приобретаются умом при помощи размышления о своей собственной деятельности внутри себя (I.155).

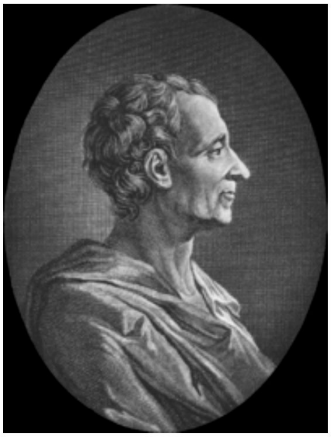
Если спросят, *когда же человек начинает иметь идеи,* то верный ответ, на мой взгляд, будет: «Когда он впервые получает *ощущение».* Так как оказывается, что в душе не бывает идей до доставления их чувствами, то я полагаю, что идеи в разуме (understanding) одновременны с *ощущением,* т.е. с таким впечатлением или движением в какой-нибудь части нашего тела, которое производит в разуме некоторое восприятие. Этими-то впечатлениями, произведенными на наши чувства внешними объектами, впервые, кажется, занимается душа в деятельности, называемой нами *восприятием, воспоминанием, размышлением, рассуждением* и т.д. (I.167—168).

«Кроме вышеупомянутых первичных качеств тел, т.е. объема, формы, протяженности, числа и движения их плотных частиц, все остальные качества, по которым мы знакомимся с телами и отличием их друг от друга, есть не что иное, как различные их силы в них, зависящие от первичных качеств. Через эти силы тела могут или непосредственным воздействием на наше тело вызвать в нас различные идеи, или же воздействием на другие тела так изменять их первичные качества, что дают им возможность вызвать в нас идеи, отличные от тех, которые они вызывали прежде. Первые качества, мне кажется, могут быть названы первичными качествами, воспринимаемыми непосредственно; вторые – вторичными качествами, воспринимаемыми опосредованно».

Локк Д. Опыт о человеческом разуме // Избранные философские произведения в двух томах. Т.I., М., 1960. С.162. Джон Локк. Сочинения в трех томах (М., 1985—1988).

Вопросы:

1. Почему Локк считает необходимым различать первичные и вторичные качества вещей?
2. Локк оспаривает представление Декарта о врожденных идеях. Какова его аргументация?

Монтескье Шарль (1689-1755) – французский философ-просветитель. Главный труд философа – трактат «О духе законов» (1748). Монтескье выводит общие начала политической науки из разнообразия законов и нравов, «из самой природы вещей», а не из теологии и морали.

«Свобода есть право делать все, что дозволено законами» «Я начал с изучения людей и нашел, что все бесконечное разнообразие их законов и нравов не вызвано единственно произволом их фантазии.

Я установил общие начала и увидел, что частные случаи как бы сами собой подчиняются им, что история каждого народа вытекает из них как следствие и всякий частный закон связан с другим законом или зависит от другого, более общего закона. (…). Принципы свои я вывел не из своих предрассудков, а из самой природы вещей»

Монтескье Шарль. О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – с.5.

Вопросы:

1. Из чего выводит Монтескье начала политической науки? Что придает политической науке самостоятельность?
2. Согласны ли вы с утверждением Монтескье о том, что рабство политическое не меньше гражданского и домашнего зависит от природы климата… Народы жарких климатов робки, как старики; народы холодных климатов отважны, как юноши?

Тема 8. НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Работа с первоисточниками

Ознакомьтесь с представленными ниже текстами и ответьте на вопросы к ним.

Кант Иммануил (1724-1804) – родоначальник немецкого идеализма. Главные темы его философии – теория познания и учение о нравственности (*Фрагменты даны по: Кант И. Соч.: В 6 т. – М: Мысль, 1964).*

Проанализируйте текст. Какое место отводит Кант человеку в этом мире? Ответ на этот вопрос даст ключ к его теории познания и этическому учению.

«Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о

них – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне. И то и другое мне нет надобности искать и только предполагать как нечто окутанное мраком или лежащее за пределами моего кругозора: я вижу их перед собой и непосредственно связываю их с сознанием моего существования.

Первое начинается с того места, которое я занимаю во внешнем чувственно воспринимаемом мире, и в необозримую даль расширяет связь, в которой я нахожусь, с мирами, над мирами и системами систем, в безграничном времени их периодического движения, их начала и продолжительности.

Второй начинается с моего невидимого «я», с моей личности, и представляет меня в мире, который поистине бесконечен, но который ощущается только рассудком и с которым (а через него и со всеми видимыми мирами) я познаю себя не только в случайной связи, как там, а во всеобщей и необходимой связи.

Первый взгляд на бесчисленное множество миров как бы уничтожает мое значение как животной твари, которая снова должна отдать планете ту материю, из которой она возникла, после того как эта материя короткое время неизвестно, каким образом была наделена жизненной силой.

Второй, напротив, бесконечно возвышает мою ценность как мыслящего существа, через мою личность, в которой моральный закон открывает мне жизнь, независимую от животной природы и даже от всего чувственно воспринимаемого мира, по крайней мере поскольку это можно видеть из целесообразного назначения моего существования через этот закон, которое не ограничено условиями и границами этой жизни» (Т. 4. Ч 2. С. 499-500).

[Теория познания]

Вопрос. Что такое опытное познание, по Канту?

1. «Всякое наше познание начинается с опыта… В самом деле, чем же пробуждалась бы к деятельности познавательная способность, если не предметами, которые действуют на наши чувства и отчасти сами производят представления, отчасти побуждают наш рассудок сравнивать их, связывать или разделять и таким образом перерабатывать грубый материал чувственных впечатлений в познание предметов, называемое опытом?» (Т.3. С.105].

2. «Но хотя всякое наше познание и начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта..., даже если взять одно опытное знание (только чувственное восприятие), то вполне возможно, что и оно складывается из того, что наша собственная познавательная способность (только побуждаемая чувственными впечатлениями) дает от себя самой» (Т.3. С.105).

======

Проанализируйте. 1. Отношение между чувственным восприятием и рассудком.

2. Что такое априорные знания?

«Наша природа такова, что созерцания могут быть только чувственными, т.е. содержат в себе лишь способ, каким предметы воздействуют на

нас. Способность же мыслить предмет чувственного созерцания есть рассудок. Ни одну из этих способностей нельзя предпочесть другой. Без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один нельзя было мыслить. Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы… Рассудок ничего не может созерцать, а чувства ничего не могут мыслить. Только из соединения их может возникнуть знание» (Т. 3. С. 154-155).

«Так как только созерцания направлены на предмет непосредственно, то понятие относится не к предмету непосредственно, а к какому-то другому представлению о нем… Все действия рассудка мы можем свести к суждениям, следовательно, рассудок можно вообще представить как способность составлять суждения. В самом деле, согласно вышесказанному, рассудок есть способность мыслить. Мышление есть познание через понятия. Понятия же относятся как предикаты возможных суждений к какому – нибудь представлению о неопределённом еще предмете» (Т. 3. С. 166-167).

«Всякий опыт содержит в себе кроме чувственного созерцания, посредством которого нечто дается, еще и понятие о предмете, который дан в созерцании или является в нем; поэтому в основе всякого опытного знания лежат понятия о предметах вообще как априорные условия; следовательно, объективная значимость категорий как априорных понятий должна основываться на том, что опыт возможен…только посредством них» (Т.3. С.188).

«… мы будем называть априорными знания, безусловно независимые от всякого опыта, а не независимые от того или иного опыта. Им противоположны эмпирические знания, или знания, возможные только a posteriori, то есть посредством опыта» (Т. 3. С. 106).

======

Вопрос. В чем заключается различие между рассудком и разумом?

«В рассудке содержатся чистые априорные знания, заключающие в себе необходимое единство чистого синтеза воображения в отношении всех возможных явлений…

… разум,… сам заключает в себе источник определенных понятий, которые он не заимствует ни из чувств, ни из рассудка (Т.3. С. 340)… Разум… стремится осуществить …систематичность познания, то есть связь знаний согласно одному принципу» (Т. 3. С. 353).

======

Вопрос. Деятельность разума свободна, по Канту. Что это значит?

«Под свободой в космологическом смысле я разумею способность самопроизвольно начинать состояние; следовательно, причинность свободы со своей стороны не подчинена по закону природы другой причине, которая определяла бы её во времени. Свобода в этом значении есть чистая трансцендентальная идея… вся область опыта, как бы далеко она ни простиралась, становится совокупностью одной лишь природы. Но так как

этим путем нельзя получить абсолютной целокупности условий в причинной связи, то разум создает себе идею спонтанности, способной само собой начинать действовать без предшествующей другой причины, которая в свою очередь определяла бы её к действию по закону причинной связи (Т. 3. С. 478).

Понятия разума не черпаются из природы; скорее наоборот, мы задаем вопросы природе сообразно этим идеям и считаем наше знание недостаточным, пока оно не адекватно им» (Т. 3. С. 554).

======

Что такое идеи разума и какой философ впервые создал учение о мире идей? *Проанализируйте следующий текст:*

«Под идеей я понимаю такое необходимое понятие разума, для которого в чувствах не может быть дан никакой адекватный предмет» (Т. 3. С. 358).

«Идеи чистого разума …заданы нам природой нашего разума… Следовательно, надо предполагать, что идеи имеют полезное и целесообразное назначение в естественном складе нашего разума» (Т.3. С.571).

======

Как Вы понимаете, почему Кант выделяет эти три идеи, почему не больше и не меньше? *Проанализируйте следующий текст:*

«Все трансцендентальные идеи можно разделить на три класса : из них первый содержит в себе абсолютное (безусловное) единство мыслящего субъекта, второй – абсолютное единство ряда условий явлений, а третий – абсолютное единство условий всех предметов мышления вообще. Таким образом, чистый разум дает идею для трансцедентального учения о душе (psychologia rationalis), для трансцендентальной науки о мире (cosmologia rationalis) и, наконец, также для трансцендентального познания бога (theologia transcendentalis)

Мыслящий субъект есть предмет психологии совокупность всех явлений (мир) есть предмет космологии, а вещь, содержащая в себе высшее условие возможностей всего, что можно мыслить(сущность всех сущностей) есть предмет теологии (Т.3. С.363).

...эти идеи заданы нам природой нашего разума…идеи имеют полезное и целесообразное назначение в естественном складе нашего разума» (Т.3. С.573).

======

Какая связь между свободой разума как его органическом свойстве и его критической природой. *Найдите* понимание разума как критики в истории философии, начиная с античности, *анализируя следующий текст.*

«Во всех своих начинаниях разум должен подвергать себя критике и никакими запретами не может нарушать её свободы, не нанося вреда самому себе и не навлекая на себя нехороших подозрений. Здесь нет ничего столь важного по своей полезности и столь священного, что имело бы право уклоняться от этого испытующего и ревизующего исследования, не

признающего никаких авторитетов. На этой свободе основывается само существование разума, не имеющего никакой диктаторской власти, и его приговоры всегда есть не что иное, как согласие свободных граждан, из которых каждый должен иметь возможность выражать свои сомнения и даже без стеснения налагать свое veto» (Т. 3. С. 617-618).

Анализируя приведенные тексты Канта по теории познания, *ответьте на вопросы:*

1. Почему вещи остаются непознаваемыми? Каково соотношение между явлением и вещью в себе?

2. Можно ли сказать, что согласно теории познания Канта, человек конструирует знания?

======

[О соотношении разума теоретического и практического]

Вопрос. Зачем нужно познание человеку.

«Я ограничиваюсь здесь дефиницией теоретического знания как такового, посредством которого я познаю, что существует, а практического – как такового, посредством которого я представляю себе, что должно существовать» (Т.3. С.545-546).

«Разум как способность давать принципы определяет интерес всех душевных сил, а также и свой собственный интерес. Интерес его спекулятивного применения состоит в познании объекта, вплоть до высших априорных принципов; интерес практического применения – в определении воли в отношении конечной и полной цели (Т.4. С.452).

«…так как всякий интерес в конце концов есть практический и даже интерес спекулятивного разума обусловлен и приобретает полный смысл только в практическом применении» (Т.4. С.452, 454).

[О человеке и его философия нравственности]

В чем специфика природы человека? *Проанализируйте следующий текст:*

«…В субъекте чувственно воспринимаемого мира мы должны были, во-первых, находить эмпирический характер, благодаря которому его поступки как явления стояли бы, согласно постоянным законам природы, в сплошной связи с другими явлениями и могли бы быть выведены из них как их условий и, следовательно, вместе с ними были бы членами единого ряда естественного порядка. Во-вторых, мы должны были бы приписывать этому субъекту еще умопостигаемый характер, который, правда, составляет причину этих поступков как явлений но сам не подчинен никаким условиям чувственности и не относится к числу явлений. Первый можно было бы назвать также характером такой вещи в явлении, а второй – характером вещи в себе.

Этот действующий субъект по своему умопостигаемому характеру не был бы подчинен никаким временным условиям, так как время есть условие только явлений, а не вещей в себе… Одним словом, его причин-

ность, поскольку она рассудочна, вовсе не находилась бы в ряду эмпирических условий, которые делают необходимым событие в чувственно воспринимаемом мире.» (Т. 3. С. 492).

«…Человек есть одно из явлений чувственно воспринимаемого мира и постольку также одна из естественных причин, каузальность которой необходимо подчинена эмпирическим законам. Как такая причина, он должен также обладать эмпирическим характером подобно всем другим вещам в природе… Но, с другой стороны, а именно в отношении некоторых способностей, он для себя чисто умопостигаемый предмет, так как деятельность его вовсе нельзя причислить к восприимчивости чувственности. Мы называем эти способности рассудком и разумом; главным образом последний совершенно особо и существенно отличается от всех эмпирически обусловленных способностей, так как рассматривает свои предметы только исходя из идей и по ним определяет рассудок, который затем дает эмпирическое применение своим (правда, также чистым) понятиям» (Т. 3. С. 482, 493).

======

Вопрос. Какова связь между волей и свободой человека?

«Воля есть вид причинности живых существ, поскольку они разумны» (Т.4. Ч.1. С.289).

======

Вопрос. В чем различие между законами природы и поступком человека?

«…Рассудок может познать о природе только то, что в ней есть, было и будет.

Невозможно, чтобы в природе нечто должно было существовать иначе, чем оно действительно существует во всех этих временных отношениях; более того, если иметь в виду только естественных ход событий, то долженствование не имеет никакого смысла… Долженствование служит выражением особого рода необходимости и связи с основаниями, нигде больше во всей природе не встречающейся.

…Можно … рассматривать… исследуемый поступок – как совершенно не обусловленный предыдущим состоянием, как будто бы этот человек начал им некоторый ряд следствий совершенно самопроизвольно… Итак, разум есть постоянное условие всех произвольных поступков, в которых проявляется человек» (Т.3. С. 491-493).

======

Вопрос. Как Вы понимаете следующие высказывания Канта?

«Упрёк за поступок основывается на законе разума, причем разум рассматривается как причина, которая могла и должна была определить поведение человека иначе, независимо от всех … эмпирических условий. При этом мы рассматриваем причинность разума не как нечто сопутствующее только, а как полное основание само по себе, хотя бы чувственные мотивы говорили не в пользу, а против него. Поступок приписывается

умопостигаемому характеру человека» (Т.3. С. 492-493).

«… что касается природы, то именно опыт дает нам правила и служит источником истины; в отношении же нравственных законов опыт (увы!) есть источник видимости и, устанавливая законы того, что должно делать, было бы в высшей степени предосудительно заимствовать их из того, что делается, или ограничиваться этим!» (Т. 3. С.353).

=======

Проанализируйте следующие принципы морали:

«…Поступай так, чтобы максима твоей воли в то же время могла иметь силу принципа всеобщего законодательства».

«Поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством воли должна была стать всеобщим законом природы».

«Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему как к средству, ибо человек есть цель сама по себе».

=======

Вопрос. Свобода и принуждение, свобода и обязательность у Канта не противоречат друг другу, почему?

«Для людей как всех сотворенных разумных существ моральная необходимость есть принуждение, то есть обязательность» (Т. 4. Ч.1. С.408).

Как Вы понимаете следующую мысль Канта?

«Лица – это «объективные цели, то есть предметы, существование которых само по себе есть цель» (Т.4. Ч.1. С.269).

=======

Вопрос. Почему мир морали умопостигаемый?

«Мир, сообразный со всеми нравственными законами (каким он может быть согласно свободе разумных существ и каким ему надлежит быть согласно необходимым законам нравственности) я называю моральным миром. Этот мир мыслится только как умопостигаемый, так как в нем мы отвлекаемся от всех условий (целей) и даже от всех препятствий для морали (слабость или порочность человеческой природы). Следовательно, в этом смысле он есть лишь идея, однако практическая идея, которая действительно может и должна иметь влияние на чувственно воспринимаемый мир, чтобы сделать его по возможности сообразным идее. Поэтому идея морального мира обладает объективной реальностью…» (Т.3. С.663).

=======

Вопросы

1. Как решается тема Бога в философии Канта?
2. Можно ли доказать его существование?

«…Мы можем определить первосущность одним лишь понятием высшей реальности как сущность единую, простую, вседовлеющую, вечную и т.д. – одним словом, мы можем определить её в её безусловной пол-

ноте всеми предикаментами. Понятие такой сущности есть понятие Бога в трансцендентальном смысле; таким образом, идеал чистого разума есть предмет трансцендентальной теологии» (Т.3. С.509).

«Если даже я мыслю некую сущность как высшую реальность, то всё ещё остаётся вопрос, существует она или нет. Действительно, хотя в моем понятии о возможном реальном содержании вещи вообще ничего не упущено, тем не менее в отношении ко всему моему состоянию мышления чего-то ещё недостает, а именно, что знание этого объекта возможно также a posteriori. Здесь именно обнаруживается источник нашего основного затруднения… что касается объектов чистого мышления, то у нас нет никакого средства познать их существование..» (Т.3. С.522-524).

======

Если нелепо ставить вопрос о доказательстве существования Бога, тем не менее, идея Бога есть одна из трех идей разума.

Вопросы

1. Как Кант её объясняет?
2. У какого философа античности есть идея блага как первопринцип?

«Постулат возможности высшего производного блага есть вместе с тем и постулат действительности высшего первоначального блага, а именно – бытия Божьего» (Т.4. Ч.1. С.458).

«…если не положить в основу моральные законы или не руководствоваться ими, то вообще не может быть никакой рациональной теологии (Т.3. С.548).

«Так моральный закон через понятие высшего блага как объект и конечную цель чистого практического разума ведет к религии, то есть к познанию всех обязанностей как божественных заповедей, не как санкций, то есть произвольных самих по себе случайных повелений чужой воли, а как неотъемлемых законов каждой свободной воли самой по себе, которые, однако, необходимо рассматривать как заповеди высшей сущности, потому что высшего блага, которое моральный закон обязывает нас полагать предметом наших стремлений, мы можем ожидать только от морально совершенной (святой и благой) и вместе с тем всемогущей воли, следовательно, благодаря соответствию с этой волей» (Т.4. Ч. 1. С.463)

======

Анализируя тексты И. Канта о природе человека и нравственности, поразмышляйте над понятиями и их соотношении: разума, свободы, воли и долга.

Ваши суждения об этих понятиях. Ваши мысли о соотношении нравственности и идеи Бога по Канту. Убеждает Вас его аргументация или нет?

По этим вопросам Вы можете подготовить выступление или реферат.

Гегель Г.В.Ф. (1770-1831) – великий представитель немецкой классической философии. Создал универсальную философскую систему – он-

тологию, теорию познания, философию человека и государства, философию религии, философию культуры (*Фрагменты даны по изданиям: 1. Гегель. Соч.: Т.1-XIV. – М.-Л., 1929-1959; 2. Гегель. Наука логики. Т.1. – М., 1970; 3. Гегель. Философия религии: В 2 т. Т.2. – М: Мысль, 1977; 4. Антология мировой философии: В 4 т. Т.3. – М., 1969).*

Ознакомьтесь с представленными ниже текстами и ответьте на вопросы к ним.

Вопросы

1. Какую философию Гегель критикует в следующем тексте?

2. Каково соотношение между познающим субъектом и объектом познания, между материей и духом, по Гегелю?

3. Какое место занимает положение Гегеля о соотношении материи и духа в его философской системе?

«Если вообще логику признают наукой о мышлении, то под этим понимают, что это мышление составляет голую форму некоторого познания, что логика абстрагируется от всякого содержания, и так называемая вторая составная часть всякого познания, материя, должна быть дана откуда-то извне, что, следовательно, логика, от которой эта материя совершенно независима, может только указать формальные условия истинного познания, но не может содержать самое реальную истину, не может даже быть путем к реальной истине, так как именно суть истины, содержание, находится вне ее.

Но, во-первых, неудачно уже утверждение, что логика абстрагируется от всякого содержания, что она только учит правилам мышления, не имея возможности вдаваться в рассмотрение мыслимого и его характера. В самом деле, если, как утверждают, ее предмет – мышление и правила мышления, то она непосредственно в них имеет свое, ей лишь свойственное содержание; в них она имеет также и вторую составную часть познания, некую материю, характер которой ее интересует.

Во-вторых, вообще представления, на которых до сих пор основывалось понятие логики, отчасти уже сошли со сцены, отчасти им пора полностью исчезнуть, пора, чтобы понимание этой науки исходило из более высокой точки зрения, и чтобы она приобрела совершенно измененный вид.

Понятие логики, которого придерживались до сих пор, основано на раз навсегда принятом обыденным сознанием предположении о раздельности содержания познания и его формы, или, иначе сказать, истины, и достоверности. Предполагается, во-первых, что материя познавания существует сама по себе вне мышления как некий готовый мир, что мышление, взятое само по себе, пусто, что оно примыкает к этой материи как некая

форма извне, наполняется ею, лишь в ней обретает некоторое содержание и благодаря этому становится реальным познанием. Во-вторых, эти две составные части (ибо предполагается, что они находятся между собой в отношении составных частей, и познание составляется из них механически или в лучшем случае химически) находятся, согласно этому воззрению, в следующей иерархии: объект есть нечто само по себе завершенное, готовое, нисколько не нуждающееся для своей действительности в мышлении, тогда как мышление есть нечто ущербное, которому еще предстоит восполнить себя в некоторой материи, и притом оно должно сделать себя адекватным своей материи в качестве мягкой неопределенной формы. Истина есть соответствие мышления предмету, и для того чтобы создать такое соответствие – ибо само по себе оно не дано как нечто наличное, – мышление должно подчиняться предмету, сообразоваться с ним. В-третьих, так как различие материи и формы, предмета и мышления не оставляется в указанной туманной неопределенности, а берется более определенно, то каждая из них есть отделенная от другой сфера. Поэтому мышление, воспринимая и формируя материю, не выходит за свои пределы, воспринимание ее и сообразование с ней остается видоизменением его самого, и от этого оно не становится своим иным; а сознающий себя процесс определения уж во всяком случае принадлежит лишь исключительно мышлению. Следовательно, даже в своем отношении к предмету оно не выходит из самого себя, не переходит к предмету; последний остается как вещь в себе просто чем-то потусторонним мышлению.

Эти взгляды на отношение между субъектом и объектом выражают собой те определения, которые составляют природу нашего обыденного сознания, охватывающего лишь явления. Но когда эти предрассудки переносятся в область разума, как будто и в нем имеет место то же самое отношение, как будто это отношение истинно само по себе, они представляют собой заблуждения, опровержением которых, проведенным через все части духовного и природного универсума, служит философия или, вернее, они суть заблуждения, от которых следует освободиться до того, как приступают к философии, так как они преграждают вход в нее» (3. С.1).

======

Вопрос. О воззрениях каких философов, известных Вам, рассуждает Гегель в следующем тексте?

«В этом отношении прежняя метафизика имела более возвышенное понятие о мышлении, чем то, которое сделалось ходячим в новейшее время. А именно она полагала в основание то, что есть действительно истинное (das wahrhaft Wahre) в вещах, это то, что познается мышлением о них и в них; следовательно, действительно истинны не вещи в своей непосредственности, а лишь вещи, возведенные в форму мышления, вещи как мыслимые. Эта метафизика, стало быть, считала, что мышление и определения мышления не нечто чуждое предметам, а скорее их сущность, иначе говоря, что вещи и мышление о них сами по себе соответствуют друг другу

(как и немецкий язык выражает их сродство) «что мышление в своих имманентных определениях и истинная природа вещей составляют одно содержание» (3. С.1)

======

Вопрос. Что такое истина, по Гегелю, и какую философию античности он воспроизводит в следующем тексте:

«Истина в более глубоком смысле состоит в том, что объективность тождественна с понятием. Об этом …смысле истины идет речь, когда говорят об истинном государстве или об истинном произведении искусства. Эти предметы истинны, когда они суть то, чем они должны быть, т.е. когда их реальность соответствует понятию. Понимаемое таким образом неистинное есть то же самое, что обычно называют также и плохим. Плохой человек есть неистинный человек, т.е. человек, который не ведет себя согласно своему понятию или своему назначению» (1. Т.1. С. 322).

«Самое плохое государство, реальность которого менее всего соответствует понятию, поскольку оно еще существует, все еще есть идея; индивиды все еще повинуются некоторому власть имущему понятию» (4. С.328).

======

Вопрос. Как Вы понимаете следующие тезисы, Ваше суждение на эту тему:

«Бытие достигло значения истины, так как идея есть единство понятия и реальности».

«Все действительное имеет бытие лишь постольку, поскольку оно имеет внутри себя идею и выражает ее» (4. С. 326).

======

Вопросы

1. Как Гегель определяет задачу философии?

2. Как Вы понимаете мысль Гегеля о соотношении мышления и действительности. Ваши суждения по поводу следующих тезисов Гегеля.

«Философию можно предварительно определить вообще как мыслящее рассмотрение предметов. Но если верно – а это, конечно, верно, что человек отличается от животных мышлением, то все человеческое таково только потому, что оно произведено мышлением» (1. Т. 1. С.18).

«Что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно … Постичь то, что есть – вот в чем задача философии, ибо то, что есть, есть разум» (Т. VП. С.15-16).

[О диалектике как механизме развития]

Проанализируйте следующий текст. Ваши размышления на эту тему.

«Все, что нас окружает, может быть рассматриваемо как образец диалектики. Мы знаем, что все конечное, вместо того, чтобы быть неподвижным и окончательным, наоборот, изменчиво и преходяще, а это и есть

не что иное как диалектика конечного, благодаря которой последнее, будучи в себе иным для самого себя, должно выйти за пределы того, что есть непосредственно, и перейти в свою противоположность… Точно также известно, как в политической области две крайности – анархия и деспотизм взаимно приводят друг к другу. – Сознание наличности диалектики в области нравственности, взятой в ее индивидуальной форме, мы находим во всех известных пословицах: гордыня предшествует падению, что слишком остро, то скоро притупляется и т.д.» (1. Т.1. С.138).

[Законы диалектики как законы развития]

Проанализируйте следующие тексты. Ваше отношение к развиваемой Гегелем диалектике развития.

«…бытие, которое заключает внутри себя три ступени: качество, количество и меру. Качество есть в первую очередь тождественная с бытием определенность… Количество есть, напротив, внешняя бытию безразличная для него определенность. Так, например, дом остается тем, что он есть, будет ли он больше или меньше, и красное остается красным, будет ли оно светлее или темнее. Третья ступень бытия, мера, есть единство первых двух, качественное количество. Все вещи имеют свою меру, то есть количественно определены, и для них безразлично, будут ли они более или менее велики; но вместе с тем эта безразличность имеет также свой предел, при переходе которого, при дальнейшем увеличении или уменьшении вещи перестают быть тем, чем они были. Мера служит отправным пунктом перехода ко второй главной сфере идеи – к сущности» (1. Т. 1. С.145).

«… измененное количественное отношение превращается в некоторую меру, и тем самым в новое качество, в новое нечто… Новое качество или новое нечто подвергнуто такому же процессу своего изменения и так далее до бесконечности… изменения бытия суть не только переход одной величины в другую, но и переход качественного в количественное и наоборот… Вода через охлаждение …затвердевает…

В области моральной, поскольку моральное рассматривается в сфере бытия, имеет место такой же переход количественного в качественное, и различные качества оказываются основанными на различии величин. Именно через «большее» или «меньшее» мера легкомыслия нарушается и появляется нечто совершенно иное – преступление, именно через «большее» или «меньшее» справедливость переходит в несправедливость, добродетель в порок» (4. С.310).

«…Противоречие – вот что на самом деле движет миром, и смешно говорить, что противоречие нельзя мыслить (1.Т.1. С. 206).

…противоречие есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется , обладает импульсом… (1. Т. V. С. 520).

«Положительное и отрицательное существенно обусловливаются друг другом и существуют лишь в своем соотношении друг с другом. Се-

верный полюс в магните не может быть без южного и южный не может быть без северного… Точно так же природа не существует без духа и дух без природы» (1. Т.1. С.205).

======

Вопрос. О каких философах говорит Гегель в следующем тексте?

«Надлежит согласиться с древними диалектиками, что противоречия, которые они нашли в движении, действительно существуют; но из этого не следует, что движения нет, а наоборот, что движение есть само существующее противоречие» (1. Т. V/ С. 521).

======

Продумайте мысли Гегеля о природе человека:

1. О соотношении природного и духовного в человеке.
2. Как различается «природная воля» и «истинная».
3. Что такое образованный и воспитанный человек.
4. Согласны ли Вы с тезисом Гегеля о бессмертии человека?

«То, что является от природы добрым, является таковым непосредственно, а дух состоит как раз в том, чтобы не быть природным и непосредственным, и как дух, человек выходит за пределы природности, так что возникает разрыв между его понятием и его непосредственным наличным бытием. В физической природе отрыв индивидуума от его закона, от его субстанционной сущности не возникает именно потому, что он не свободен. Человек же противопоставляет себя этой своей природе, своему в-себе-бытию, у него происходит этот отрыв.

Другое утверждение непосредственно вытекает из того, что сказано, а именно что человек не должен оставаться таким, каков он непосредственно, он должен выйти за пределы своей непосредственности, – это и есть понятие духа. Это выхождение за пределы своей природности, своего в-себе-бытия, и есть то, что вначале порождает раздвоение, чем непосредственно раздвоение положено… Природным человеком является тот, кто в себе, по своему понятию добр; но в конкретном смысле природным является человек, который следует своим страстям и побуждениям, является рабом своих вожделений, для которого природная непосредственность является законом…

Если должен быть рассмотрен образованный, воспитанный человек, то в нем должно произойти превращение, он должен воспитаться, должен совершиться переход от природной воли к истинной, и в этом процессе должна быть снята его непосредственно природная воля…

Вообще же дело в том, что человек бессмертен благодаря познанию, ибо лишь в качестве мыслящего, он есть не смертная, животная душа, а душа чистая свободная, Познание, мышление – это корень его жизни, его бессмертия, поскольку познание есть тотальность в себе самой. Животная душа погружена в телесное; дух же, напротив, есть в себе самом тотальность» (5. Т.2. С. 265).

======

Найдите сходство и различие философии Канта и Гегеля в постановке проблем онтологии и гносеологии, проанализировав приведенные выше тексты *(добросовестное освещение этого вопроса оценивается высшим баллом).*

Фейербах Людвиг (1804 -1872) – представитель немецкой классической философии. Главная тема – проблема человека. Работая над ней, он критикует философию Гегеля и христианство (*Фрагменты даны по изданию: Фейербах Л. Избр. филос. произв.: В 2 т. – М.: Госполитиздат, 1955).*

Проанализируйте следующий текст. А как Вы думаете по поводу оценки Фейербахом философии Гегеля?

«Логика Гегеля – это теология, превращенная в логику, в приемлемом для ума и современности виде. Божественная сущность теологии есть идеальная или абстрактная совокупность всех реальностей, иначе говоря – всяческой определенности, всего конечного; такова же и логика. Все, что есть на земле, мы вновь находим в небе теологии; так же точно все, что есть в природе, налицо и в небесах божественной логики : качество, количество, мера, сущность, химизм, механизм, организм. В теологии у нас все имеется в двойном виде, то – в абстрактном, то – в конкретном. Точно так же и в философии Гегеля все удвоено; оно дается как предмет логики, а потом опять-таки, как предмет философии природы и философии духа.»

«Сущность теологии есть трансцендентная сущность человека, вынесенная за пределы человека; сущность гегелевской логики есть трансцендентное мышление, человеческое мышление, вынесенное за пределы человека (Т.1. С.116-117).

«Истиной является человек, а не абстрактный разум, жизнь, а не мысль, остающаяся на бумаге, к этому стремящаяся и находящая на бумаге свое оправдание» (Т.2. С.15).

======

Вопрос. Каково Ваше отношение по поводу следующего текста, в котором философ противопоставляет свою философию гегелевской?

«Мысли, высказанные в моем труде («Сущность христианства». – *Н.Ш.*), вытекают из предпосылок, каковыми являются не отвлеченные мысли, а объективные, живые или исторические факты – факты, которых в их громоздком изложении в фолиантах моя голова не могла вовсе вместить. Я вообще отвергаю абсолютное, нематериальное, самодовольное умозрение, черпающее материал из самого себя. Я не имею ничего общего с теми философами, которые закрывают глаза, чтобы легче было думать. Я

мыслю при помощи чувств, главным образом зрения, основываю свои суждения на материалах, познаваемых нами посредством внешних чувств, произвожу не предмет от мысли, а мысль от предмета; предмет же есть только то, что существует вне моей головы» (Т.2. С.17-18).

======

Л. Фейербах о человеке, *Ваши размышления.*

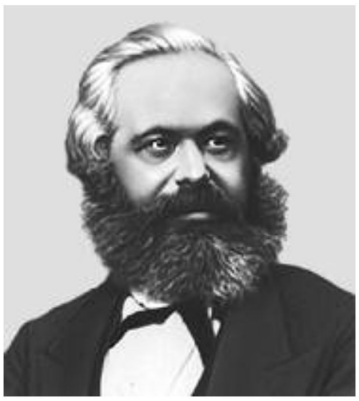
«Каковы отличительные признаки истинно человеческого в человеке? Разум, воля и сердце. Совершенный человек обладает силой мышления, силой воли и силой чувств. Сила мышления есть свет познания, сила воли – энергия характера, сила чувства – любовь. Разум, любовь и сила воли – это совершенства. В воле, мышлении и чувстве заключается высшая, абсолютная сущность человека как такового и цель его существования» (Т.2. С.31-32).

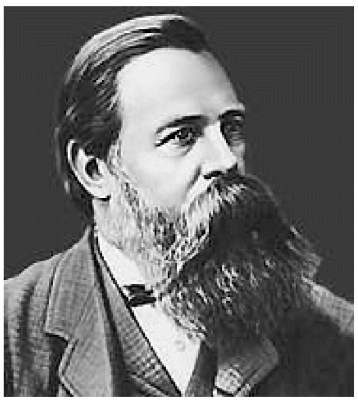
«Если сущность человека – чувственность, а не призрачный абстракт, «дух», то все философии, все религии, все учреждения, которые противоречат этому принципу, не только в корне ошибочны, но и пагубны» (Т.1. С. 232).

======

Вы познакомились с текстами Канта, Гегеля и Фейербаха о человеке. Какая философия человека Вам ближе, Ваши аргументы. Подготовьте выступление на эту тему.

Маркс Карл (1818 -1883) и **Энгельс Фридрих** (1820-1895**)** – крупнейшие представители немецкой классической философии. Создали философию человека и общества. На основе материалистического понимания истории К. Маркс исследовал экономическую жизнь общества. Его исследования имели важнейшее значение для развития экономической науки (*Фрагменты даны из хрестоматии*: *1. Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. XIX век. – М.: Республика, 1995; 2. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. / изд.2. – М: Госполитиздат, 1955).*

Вопросы и задания

Ваши размышления по поводу следующего текста:

а) его исторический контекст,

б) Ваши воззрения как современного человека на эту тему.

Маркс К. К критике гегелевской философии права. «Для Германии критика религии по существу окончена, а критика религии – предпосылка всякой другой критики…

Основа иррелигиозной критики такова: человек создает религию, религия же не создаёт человека. А именно: религия есть самосознание и самочувствование человека, который или ещё не обрёл себя, или уже снова себя потерял. Но человек – не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек – это мир человека, государство, общество. Это государство, это общество порождают религию, превратное мировоззрение, ибо сами они – превратный мир…. Следовательно, борьба против религии есть косвенно борьба против того мира, духовной усладой которого является религия…

Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья. Требование отказа от иллюзий о своём положении есть требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях. Критика религии есть, следовательно, в зародыше критика той юдоли плача, священным ореолом которой является религия…

Критика религии освобождает человека от иллюзий, чтобы он мыслил, действовал, строил свою действительность как освободившийся от иллюзий, как ставший разумным человек; чтобы он вращался вокруг себя самого и своего действительного солнца. Религия есть лишь иллюзорное солнце, движущееся вокруг человека до тех пор, пока он не начинает двигаться вокруг себя самого» (1. С. 163).

======

Вопросы и задания

1. Как Вы понимаете следующий текст?
2. Ваши размышления на эту тему:

а) его исторический контекст;

б) Ваш взгляд из современности.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. «Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т.д. суть лишь особые виды производства и подчиняются его всеобщему закону. Поэтому положительное упразднение частной собственности как утверждение человеческой жизни есть положительное упразднение всякого отчуждения, т.е. возвращение человека из религии, семьи, государства и т.д. к своему человеческому, т.е. общественному бытию» (1. С.171).

«Задача истории, следовательно, – с тех пор как исчезла правда потустороннего мира, – утвердить правду посюстороннего мира» (2. Т 42. С.415).

======

Вопросы и задания

Как бы Вы могли прокомментировать подчеркнутые слова Маркса:

а) исходя из понимания его эпохи,

б) и как они звучат сегодня?

Маркс К. К критике гегелевской философии права, Введение. «Критика религии завершается учением, что человек – высшее существо для человека, завершается, следовательно, категорическим императивом, повелевающем ниспровергнуть все отношения, в которых человек является униженным, порабощенным, беспомощным, презренным существом… (2. Т.1. С. 414-415).

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. …общество есть законченное сущностное единство человека с природой, подлинное воскресение природы, осуществленный натурализм человека и осуществленный гуманизм природы (2. Т.42. С.118).

======

Вопросы и задания

Проанализируйте философию человека и общества. Ваше суждение на эту тему.

Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство. «Если человек по природе своей общественное существо, то он, стало быть, только в обществе может развить свою истинную природу, и о силе его природы надо судить не по силе отдельных индивидуумов, а по силе всего общества» (2. Т. 2. С.146).

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. «Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии – вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им жизненные средства – шаг, который обусловлен их телесной организацией. Производя необходимые им жизненные средства, люди косвенным образом производят и саму свою материальную жизнь» (1. С. 183).

«Какова жизнедеятельность индивидов, таковы они сами… Что представляют собой индивиды – это зависит , следовательно, от материальных условий их производства» (там же).

«Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением их материальных действий. То же самое относится к духовному производству, как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т.д. того или другого народа… Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития: люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» (1. С. 186 187)

[О коммунизме]

Вопрос. Идеям какого философа следуют классики марксизма, утверждая, что возможно общество, построенное на основе разума?

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. «Коммунизм отличается от всех прежних движений тем, что он совершает переворот в самой основе всех прежних отношений производства и общения и впервые сознательно рассматривает все стихийно возникшие предпосылки как создания предшествующих поколений, лишает эти предпосылки стихийности и подчиняет их власти объединившихся индивидов. Поэтому установление коммунизма имеет по существу экономический характер: оно есть создание материальных условий этого объединения….» (1. С.192).

======

Проанализировав все тексты классиков марксизма, ответьте на следующие вопросы:

1. В чем сходство философии К. Маркса, Ф. Энгельса с философией И. Канта и Гегеля.
2. В чем сходство и различие философии Л. Фейербаха и К. Маркса.
3. Сравните философию человека Л. Фейербаха и К.Маркса.
4. Сравните философию человека И. Канта, Гегеля и классиков марксизма.

По сформулированным вопросам Вы можете подготовить выступление или написать реферат на основании анализа текстов немецких философов.

Тема 9. ИРРАЦИОНАЛИЗМ А. ШОПЕНГАУЭРА И Ф. НИЦШЕ

В середине XIX столетия во всей своей глубине обнаружился кризис классической рациональности. Этот кризис стал выражением разочарования в тех идеалах, которые преследовал философский рационализм. Классическая рациональность культивировала приоритет общего над единичным и тем самым за пределами своих возможностей оставляла проблему существования человеческой индивидуальности, растворяя последнюю в общих абстракциях, соотносимых либо с человеческим родом вообще, либо с человеком как абстрактным представителем рода. Между тем реальная жизнь людей, социальные процессы все более демонстрировали возрастающую роль иррационального (лат. *irrationalis* – то, что не постижимо разумом, не подчиняется законам логики) в деятельности людей. Иррационализм получил свое классическое выражение в философских учениях немецких мыслителей Артура Шопенгауэра и Фридриха Ницше, которые абсолютизированному разуму Гегеля противопоставили столь же абсолютизированную волю.

Вопросы и задания

1. Сформулируйте причины кризиса классической рациональности в середине XIX века.

2. Поясните смысл понятий, «рациональное» и «иррациональное».

3. В Предисловии ко второму изданию работы «Мир как воля и представление» А. Шопенгауэр делает вывод о том, что «…учение Канта производит в каждом уме, его постигнувшем, такой великий и коренной переворот, что его можно считать духовным возрождением». Поясните, какое влияние оказало учение И. Канта на философские воззрения А. Шопенгауэра.

4. 6. В 1851 году была опубликовано сочинение А. Шопенгауэра «Афоризмы житейской мудрости». Автор, опираясь на философские умозрения и житейский опыт, формулирует своеобразные нормативные установления, которые бы обеспечивали человеку счастливое существование. *Задание.* Пользуясь поисковыми системами Интернета, ознакомьтесь фрагментом работы немецкого философа «О нашем поведении по отношению к другим». (пункты 31-40). Выделите те «афоризмы житейской мудрости», которые характеризуют вас как личность.

5. Известно, что философская мысль А. Шопенгауэра оказала значительное влияние на становление философских взглядов Ф. Ницше. В то же время Ницше критически отнесся к шопенгауэровскому понятию «воля к жизни». Объясните, в чем выразилась эта критика?

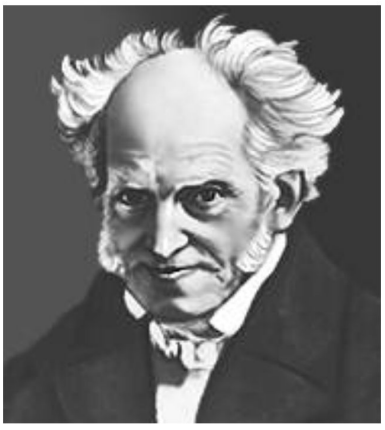
6. Сайт «Фридрих Ницше» (http://www.nietzsche.ru/index.htm) содержит информацию о немецком мыслителе, тексты его работ и т.д. Опираясь на представленную информацию, составьте творческий портрет Ф. Ницше по следующему плану:

- краткая биографическая справка,
- основные философские идеи,
- анализ фрагмента работы.

Форма представления: доклад на семинаре, письменная домашняя работа, медиапроект.

Работа с первоисточниками.

Ознакомьтесь с представленными ниже текстами и ответьте на поставленные вопросы.

Шопенгауэр Артур (1788-1860) – немецкий философ. Основное произведение «Мир как воля и представление» *(См.: Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. – М.: «Московский Клуб», 1992).*

Мир как воля и представление *[О мировой воле и «воле к жизни»].* …на этой низшей ступени мы видим, что воля проявляется как слепое влечение, как темный, глухой порыв, далекий от всякой непосредственной познаваемости. Это – самый простой и самый слабый род ее

объективации. Таким слепым влечением, таким бессознательным порывом она, однако, является еще во всей неорганической природе, во всех первоначальных силах, которыми занимаются физика и химия … и каждая из которых предстает перед нами в миллионах совершенно однородных и закономерных явлений, не носящих на себе никакого следа индивидуального характера, – она только множится во времени и пространстве…

Объективируясь от ступени к ступени все отчетливее, воля, однако, и в растительном царстве, где связью ее явлений служат уже не собственно причины, а раздражители, действует еще вполне бессознательно, как темная движущая сила; таковая она еще, наконец, и в растительном моменте животного явления – в воспроизведении и развитии каждого животного и в поддержании его внутренней экономии: там все еще только раздражители необходимо определяют проявление воли. Все более высокие ступени объектности воли приводят, наконец, к такой точке, где индивид, представляющий идею, уже не мог бы получать необходимой для ассимиляции пищи посредством одних движений благодаря раздражителям… Поэтому здесь становятся необходимыми движение по мотивам и – ради него – познание, которое и появляется на этой ступени объективации воли в качестве вспомогательного средства, … для поддержания индивида и продолжения рода. Оно появляется, представленное мозгом или большим ганглием, подобно тому как и всякое другое стремление или назначение объективирующейся воли репрезентируется в каком-либо органе, т.е. обнаруживает себя для представления в виде органа.

Но вместе с этим вспомогательным средством … сразу возникает *мир как представление* со всеми своим формами, объектом и субъектом, временем, пространством, множественностью и причинностью. Мир показывает теперь свою вторую сторону. До сих пор он был только *волей*, теперь он становится и *представлением*, объектом познающего субъекта [С. 171-172].

Ибо во всем мире объективируется одна и та же воля: она не знает времени, так как эта форма закона основания относится, не к ней и не к ее изначальной объектности – идеям, а лишь к тому способу, каким они познаются преходящими индивидами, т.е. к проявлению идей. Поэтому при нашем теперешнем рассмотрении способа, каким объективация воли распределяется в идеях, временная последовательность совсем не имеет значения, и те идеи, проявления которых, согласно законупричинности, подчиняющему их себе как таковые, наступили во временной последовательности раньше, не приобрели через это никакого преимущества сравнительно с теми, проявления которых наступают позже; наоборот, последние – это как раз самые совершенные объективации воли, и предшествующие должны были приспособляться к ним в той же мере, что и они к предшествующим. Таким образом, течение планет, наклонение эклиптики, вращение земли, отделение суши от моря, атмосфера, свет, теплота и все подоб-

ные явления, которые в природе то же, что основной бас в гармонии, приспособлялись в предвосхищении грядущих поколений живых существ, носителем и опорой которых они должны были стать. Точно так же почва приспособлялась к питанию растений, растения – к питанию животных, последние к питанию других животных, и, наоборот, все последующее приспособлялось к предыдущему. Все части природы сходятся между собою, ибо во всех них проявляется единая воля; временная же последовательность совершенно чужда ее изначальной и единственно *адекватной объектности…* – идеям [С. 179].

…мне удалось доказать следующее: этот мир, в котором мы живем и пребываем, в своей сущности есть всецело *воля* и в то же время всецело *представление*; это представление уже как таковое предполагает форму, а именно объект и субъект, и потому оно относительно; и если мы спросим, что остается по устранении этой формы, как и всех форм, ей подчиненных и выражаемых законом основания, то этот остаток, toto genere отличающийся от представления, не может быть ничем иным, кроме *воли*, которая поэтому и есть подлинная *вещь в себе* [С. 181].

Воля сама по себе бессознательна и представляет собой лишь слепой, неудержимый порыв, – такой она проявляется еще в неорганической и растительной природе и ее законах, как и в растительной части нашей собственной жизни. Но благодаря привходящему, развернутому для служения воле миру представления, она получает познание своего желания и того, что составляет предмет последнего: оказывается, он есть не что иное, как этот мир, жизнь, именно такая, какова она есть. Мы назвали поэтому мир явлений зеркалом воли, ее объективностью, и так как то, чего хочет воля, всегда есть жизнь (потому что именно в ее образе является для представления это желание), то все равно, сказать ли просто *«воля»* или *«воля к жизни»*… [С. 269].

…вся природа – это явление и осуществление воли к жизни. Формой этого явления служат время, пространство и причинность, а посредством них – индивидуация, которая влечет за собою то, что индивид должен возникнуть и исчезнуть, но это столь же мало нарушает волю к жизни, в явлении которой индивид составляет лишь как бы отдельный экземпляр или образец, как мало урона терпит и целое природы от смерти отдельного индивида… И так как человек сам – это природа, и притом на высшей ступени ее самосознания, а природа – это только объективированная воля к жизни, то человек, если только он воспринял эту точку зрения и остановился на ней, имеет несомненное право находить себе утешение в своей смерти и смерти своих друзей – в зрелище бессмертной жизни природы, которой является он сам… [С. 270].

Вопросы к тексту:

1. Мир есть воля или представление, согласно А. Шопенгауэру?
2. Что правит миром – мировой разум или мировая воля, согласно

А. Шопенгауэру? Сопоставьте представленные ниже подходы.

3. Как, каким образом единая мировая воля обнаруживает себя во всем многообразии мира?

4. Как проявляется мировая воля на различных уровнях неорганической и органической природы?

5. Что такое «воля к жизни»?

Мир как воля и представление *[Нравственно-этическое учение о человеке].* Жизнь каждого отдельного лица, взятая в общем и целом, в ее самых существенных очертаниях, всегда представляет собой трагедию… Ибо заботы и муки дня, беспрестанное подразнивание момента, желания и страхи каждой недели, невзгоды каждого часа – все это, благодаря постоянным проделкам случая, сплошь сцены из комедии. Но вечно не удовлетворенные желания, бесплодные стремления, безжалостно растоптанные судьбою надежды, роковые ошибки всей жизни с возрастающим страданием и смертью в конце – все это, несомненно, трагедия [С. 307].

В сознании, поднявшемся на высшую ступень, – в человеческом сознании эгоизм, как и познание, боль и радость, также должен был достигнуть высшей степени, и обусловленное им противоборство индивидов проявляется самым ужасным образом. Мы видим его повсюду, как в мелочах, так и в крупном, в истории мира и в собственной жизни… Но явственнее всего это противоборство тогда, когда толпа людей освобождает-

ся от всякого закона и порядка… Тогда не только обнаруживается, как каждый стремится отторгнуть у другого то, что он желал бы иметь сам, но и как иные, ради ничтожного прироста своего благосостояния, нередко разрушают все счастье или жизнь другого. Это – высшее выражение эгоизма; его проявления в данном отношении уступают только проявлениям настоящей злобы, которая совершенно бескорыстно, безо всякой выгоды, ищет вреда и страдания других… [С. 315].

…Когда не собственное, а чужое страдание вызывает у нас слезы, то это происходит от того, что мы в своем воображении живо ставим себя на место страждущего или в его судьбе узнаем жребий всего человечества и, следовательно, прежде всего – свой собственный жребий, таким образом, хотя и очень окольным путем, но мы плачем опять-таки над самими собою, испытывая сострадание к самим себе. В этом, по-видимому, заключается главная причина неизбежных, то есть естественных слез, вызываемых смертью. Не свою утрату оплакивает скорбящий: таких эгоистических слез он бы постыдился, тогда как иногда он стыдится от того, что не плачет. Прежде всего он оплакивает, конечно, судьбу почившего, но ведь он плачет и в том случае, когда смерть была для него желанным освобождением от долгих, мучительных и неисцелимых страданий. Следовательно, нас охватывает главным образом жалость к судьбе всего человечества, обреченного конечности, в силу которой всякая жизнь, столь кипучая и часто столь плодотворная, должна погаснуть и обратиться в ничто: но в этой общей судьбе человечества каждый замечает прежде всего свой собственный удел и тем глубже, чем ближе стоял к нему почивший, поэтому глубже всего, когда это был его отец. Если даже старость и недуги превратили жизнь его в пытку и в своей беспомощности он был тяжкой обузой для сына, все же сын горячо оплакивает смерть отца – по объясненной здесь причине... [С. 351].

[Об отрицании воли]. Поэтому *добровольный* и не основанный на каком-либо *мотиве* отказ от удовлетворения этого влечения есть уже отрицание воли к жизни, добровольное самоуничтожение этой воли, возникшее в результате познания, действующего в качестве *квиетива*; в соответствии с этим такое отрицание собственного тела представляет собой уже противоречие воли со своим собственным явлением. … Вот почему такой отказ, будучи отрицанием или уничтожением воли к жизни, является тяжелой и мучительной победой над собой… [С. 316].

Термин *аскетизм*, часто мною употребляемый, я понимаю в узком смысле *как преднамеренное* сокрушение воли через отказ от приятного и поиски неприятного, добровольно избранную жизнь покаяния и самобичевания ради полного умерщвления воли.

Если мы видим теперь, что даже достигшие отрицания воли, чтобы удержаться в нем предаются аскетизму, то и страдание вообще, как оно посылается судьбою, служит вторым путем … к этому отрицанию; мы мо-

жем принять даже, что большинство приходит к нему только этим, вторым путем и что к полному отречению чаще всего ведет лично испытанное, а не просто познанное страдание, нередко лишь близость смерти. Ибо чтобы прийти к отрицанию воли, только для немногих достаточно просто познания, которое, постигая principium individuationis, сначала порождает исключительно благие помыслы и всеобщую любовь к человеку и, наконец, побуждает признать все страдания мира своими собственными. Даже и у того, кто приближается к этой точке, личное благополучие, очарование момента, манящая надежда и постоянно готовое вернуться угождение воле, т.е. утехе, почти всегда служат упорным препятствием к отрицанию воли и вечным соблазном к новому ее утверждению: вот почему все такие приманки и олицетворяются в этом отношении в дьяволе. Таким образом, воля по большей части должна быть сломлена величайшим личным страданием, прежде чем наступит ее самоотрицание [С. 362-363].

Вопросы и задания к тексту:

1. Что составляет основу индивидуального существования человека?
2. Какие силы движут человеком в его деятельности?
3. Что является основой нравственных отношений между людьми?
4. В чем заключается высшее назначение человеческого бытия: в страдании или сострадании?
5. Вслед за буддизмом А. Шопенгауэр ставит вопрос о том, как избавиться от страданий? Найдите общее и особенное в решении этот вопроса в философии буддизма и А. Шопенгауэра.
6. Покажите достоинства и недостатки нравственно-этического учения Шопенгауэра.

Ницше Фридрих (1844-1900) – немецкий мыслитель, подверг критике христианство, позитивизм, идеализм, романтизм, эволюционизм. О себе писал: «Мое имя будут вспоминать в связи с кризисом, какого никогда не было на земле, глубочайшим конфликтом сознания, разрывом со всем, во что раньше свято верили. Я не человек, я динамит». *(См.: Ницше Ф. Соч.: В 2 т. – М.: Мысль, 1990).*

По ту сторону добра и зла *[О «воле к власти»].* …Вопрос заключается в конце концов в том, действительно ли мы признаем волю за *действующую*, верим ли мы в причинность воли: если это так – а, в сущности, вера в это есть именно наша вера в саму причинность, – то мы *должны* попытаться установить гипотетически причинность воли как единственную причинность. «Воля», естественно, может действовать только на «волю», а не на «вещества»…; словом, нужно рискнуть на гипотезу – не везде ли, где мы признаем «действия», воля действует на волю, и не суть ли все механические явления,

поскольку в них действует некоторая сила, именно сила воли – волевые действия. – Допустим, наконец, что удалось бы объяснить совокупную жизнь наших инстинктов как оформление и разветвление *одной* основной формы воли – именно, воли к власти, как гласит *мое* положение; допустим, что явилась бы возможность отнести все органические функции к этой воле к власти и найти в ней также разрешение проблемы зачатия и питания (это *одна* проблема), – тогда мы приобрели бы себе этим право определить всю действующую силу единственно как *волю к власти*. Мир, рассматриваемый изнутри, мир, определяемый и обозначаемый в зависимости от его «интеллигибельного характера», был бы «волей к власти», и ничем, кроме этого [Т. 2. С. 270].

Вопросы к тексту:

1. Что такое «воля к власти» в понимании Ф. Ницше?

2. Сделайте сравнительный анализ понятий «воля к жизни» (А. Шопенгауэр) и «воля к власти» (Ф. Ницше).

======

Ниже приводятся фрагменты работ Ф. Ницше, в которых обосновывается необходимость «переоценки ценностей». Ознакомьтесь с представленными фрагментами и ответьте на поставленные вопросы.

Человеческое, слишком человеческое *[Критика христианства и «переоценка ценностей»].* …христианство совершенно раздавило и сломило человека и как бы погрузило его в глубокую тину; среди сознания полнейшей отверженности оно внезапно бросало свет божественного милосердия, так что изумленный, оглушенный благодатью человек испускал крик восторга и на мгновение, казалось, ощущал в себе само небо. К этому болезненному эксцессу чувства и к необходимой для него глубокой искаженности ума и сердца влекут все психологические ощущения христианства: оно хочет уничтожить, сломить, оглушить, упоить, оно не хочет лишь одного – меры, – и потому оно в глубочайшем смысле слова имеет варварский, азиатский, неблагородный, негреческий характер [Т. 1. С. 306-307].

Веселая наука. …Слышали ли вы о том безумном человеке, который в светлый полдень зажег фонарь, выбежал на рынок и все время кричал: «Я ищу Бога! Я ищу Бога!» – Поскольку там собрались как раз многие из тех, кто не верил в Бога, вокруг него раздался хохот. Он что, пропал? – сказал один. Он заблудился, как ребенок, – сказал другой. Или спрятался? Боится ли он нас? Пустился ли он в плавание? эмигрировал? – так кричали и смеялись они вперемешку. Тогда безумец вбежал в толпу и пронзил их своим взглядом. «Где Бог? – воскликнул он. – Я хочу сказать вам это! *Мы его убили* – вы и я! Мы все его убийцы! Но как мы сделали это? Как удалось нам выпить море? Кто дал нам губку, чтобы стереть краску со всего горизонта? Что сделали мы, оторвав эту землю от ее солнца? Куда теперь движется она? Куда движемся мы? Прочь от всех солнц? Не падаем ли мы непрерывно? Назад, в сторону, вперед, во всех направлениях? Есть ли еще

верх и низ? Не блуждаем ли мы словно в бесконечном Ничто? Не дышит ли на нас пустое пространство? Не стало ли холоднее? Не наступает ли все сильнее и больше ночь? Не приходится ли средь бела дня зажигать фонарь? Разве мы не слышим еще шума могильщиков, погребающих Бога? Разве не доносится до нас запах божественного тления? – и Боги истлевают! Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили! … [Т. 1. С. 592-593].

Антихрист. Проклятие христианству. Христианство называют религией *сострадания.* Сострадание противоположно тоническим аффектам, повышающим энергию жизненного чувства; оно действует угнетающим образом. Через сострадание теряется сила. Состраданием еще увеличивается и усложняется убыль в силе, наносимая жизни страданием. Само страдание делается заразительным через сострадание; при известных обстоятельствах путем сострадания достигается такая величина ущерба жизни и жизненной энергии, которая находится в нелепо преувеличенном отношении к величине причины… Вот первая точка зрения, но есть еще и более важная. Если измерять сострадание ценностью реакций, которые оно обыкновенно вызывает, то опасность его для жизни еще яснее. Сострадание вообще противоречит закону развития, который есть закон подбора. Оно поддерживает то, что должно погибнуть, оно встает на защиту в пользу обездоленных и осужденных жизнью; поддерживая в жизни неудачное всякого рода, оно делает саму жизнь мрачною и возбуждающею сомнение. Осмелились назвать сострадание добродетелью (в каждой *благородной* морали оно считается слабостью); пошли еще дальше: сделали из него добродетель по преимуществу, почву и источник всех добродетелей, конечно, лишь с точки зрения нигилистической философии, которая пишет на своем щите *отрицание* жизни, – и это надо всегда иметь в виду. Шопенгауэр был прав: сострадание отрицает жизнь, оно делает ее более *достойной отрицания*, – сострадание есть *практика* нигилизма. …сострадание увлекает *в ничто!* <…>

– Наш век гордится своим историческим чувством; как можно было поверить такой бессмыслице, что в начале христианства стоит *грубая басня о чудотворце и Спасителе*, – и что все духовное и символическое есть только позднейшее развитие? Наоборот: история христианства – и именно от смерти на кресте – есть история постепенно углубляющегося грубого непонимания первоначального символизма. С распространением христианства на более широкие и грубые массы, которым недоставало все более и более источников христианства, – становилось все необходимее делать христианство *вульгарным, варварским*, – оно поглотило в себя учения и обряды всех подземных культов imperii Romani, всевозможную бессмыслицу больного разума. Судьба христианства лежит в необходимости сделать самую веру такой же болезненной, низменной и вульгарной, как были болезненны, низменны и вульгарны потребности, которые оно должно было удовлетворять. *Больное варварство* суммируется наконец в силу в виде церкви, этой формы, смертельно враждебной всякой правдивости, всякой высоте души, всякой дисциплине духа, всякой свободно настроенной и

благожелательной гуманности. – *Христианские* ценности – *аристократические* ценности. Только мы, *ставшие свободными* умы, снова восстановили эту величайшую из противоположностей, какая только когда-либо существовала между ценностями! – [Т. 2. С. 635-636, 661].

Так говорил Заратустра. РЕЧИ ЗАРАТУСТРЫ. О трех превращениях.

Три превращения духа называю я вам: как дух становится верблюдом, львом верблюд и, наконец, ребенком становится лев…

Все самое трудное берет на себя выносливый дух: подобно навьюченному верблюду, который спешит в пустыню, спешит и он в свою пустыню.

Но в самой уединенной пустыне совершается второе превращение: здесь львом становится дух, свободу хочет он себе добыть и господином быть в своей собственной пустыне.

Своего последнего господина ищет он себе здесь: врагом хочет он стать ему, и своему последнему богу, ради победы он хочет бороться с великим драконом.

Кто же этот великий дракон, которого дух не хочет более называть господином и богом? «Ты должен» называется великий дракон. Но дух льва говорит «я хочу».

Чешуйчатый зверь «ты должен», искрясь золотыми искрами, лежит ему на дороге, и на каждой чешуе его блестит, как золото, «ты должен!». Тысячелетние ценности блестят на этих чешуях, и так говорит сильнейший из всех драконов: «Ценности всех вещей блестят на мне».

«Все ценности уже созданы, и каждая созданная ценность – это я. Поистине, «я хочу» не должно более существовать!» Так говорит дракон.

Братья мои, к чему нужен лев в человеческом духе? Чему не удовлетворяет вьючный зверь, воздержный и почтительный?

Создавать новые ценности – этого не может еще лев; но создать себе свободу для нового созидания – это может сила льва.

Завоевать себе свободу и священное Нет даже перед долгом – для этого, братья мои, нужно стать львом.

Завоевать себе право для новых ценностей – это самое страшное завоевание для духа выносливого и почтительного. Поистине, оно кажется ему грабежом и делом хищного зверя.

Как свою святыню, любил он когда-то «ты должен»; теперь ему надо видеть даже в этой святыне произвол и мечту, чтобы добыть себе свободу от любви своей: нужно стать львом для этой добычи.

Но скажите, братья мои, что может сделать ребенок, чего не мог бы даже лев? Почему хищный лев должен стать еще ребенком?

Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, начальное движение, святое слово утверждения…

Три превращения духа назвал я вам: как дух стал верблюдом, львом верблюд и, наконец, лев ребенком. –

Так говорил Заратустра. [Т. 2. С. 18-19].

Вопросы и задания к тексту:

1. В чем заключается несостоятельность христианства, по мнению Ницше?

2. Почему, согласно Ф. Ницше, победа христианства над античным миром «отравила человечество»?

3. Как вы понимаете утверждение Ф. Ницше «Бог умер». Кто повинен в смерти Бога?

4. Если Бога нет, то все дозволено? Каково соотношение свободы и ответственности?

5. Разработайте медиапроект на тему «Ф. Ницше: критика христианства».

6. Известный французский философ-экзистенциалист А. Камю (1913-1960), критически анализируя философские воззрения Ф. Ницше (в частности, он не разделял ницшианского презрения к христианству) в работе «Бунтующий человек» подчеркивает: «Вопреки мнению его христианских критиков, Ницше не вынашивал планов убийства Бога. Он нашел его мертвым в душе своей эпохи. Он первым осознал огромность события и сделал вывод, что этот вывод приведет к возрождению, только если им управлять». Прокомментируйте данное утверждение А. Камю.

7. В чем смысл трех превращений человеческого духа?

декаданс → *свободный дух* → ***?***

Так говорил Заратустра *[О сверхчеловеке]* …И Заратустра говорил так к народу:

Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что до́лжно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его? ...

Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором…

Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке!

Сверхчеловек – смысл земли. Пусть же ваша воля говорит: *да будет* сверхчеловек смыслом земли!

Я заклинаю вас, братья мои, *оставайтесь верны земле* и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах! [Т. 2, С. 8].

Казус Вагнер *[О «морали господ» или этике «любви к дальнему»]*

…В более тесной сфере так называемых моральных ценностей нельзя найти большего контраста, нежели *мораль господ* и мораль *христианских* понятий о ценностях: последняя выросла на гнилой насквозь почве (– Евангелия приводят нам точь-в-точь те самые физиологические типы, которые описывают романы Достоевского), мораль господ («римская», «языческая», «классическая», «ренессанс»), наоборот, является символическим языком удачности, *восходящей* жизни, воли к власти как принципа жизни. Мораль господ *утверждает* так же инстинктивно, как христианская *отрицает* («Бог», «тот мир», «самоотречение» – сплошь отрицания). Первая отдает вещам от своей полноты – она прославляет, она украшает, она *осмысливает* мир, – последняя делает ценность вещей беднее, бледнее, обезображивает их, она *отрицает* мир… [Т. 2. С. 553].

Аристократическая мораль, мораль господ … коренится в торжествующем Да *себе* – она есть самоподтверждение, самопрославление жизни, она также нуждается в возвышенных символах и приемах, но лишь «потому, что ее сердце слишком полно» [Т. 2. С. 554].

Вопросы к тексту:

1. Объясните, как вы понимаете мысль Ф. Ницше: «Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью».

2. Кто такой сверхчеловек, носителем каких ценностей он является?

3. Известный польский ученый З. Бауман, рассматривая идеи Ф. Ницше в контексте современности, пишет: «Быть современным означает постоянно опережать самого себя, находиться в состоянии постоянного неповиновения (в терминах Ницше нельзя быть человеком без того, чтобы быть или, по крайней мере, пытаться быть сверхчеловеком)…». Можно ли согласиться с мнением З. Баумана, приведите аргументы, подтверждающие вашу точку зрения по данному вопросу.

4. В чем заключается отличие «морали господ» (этика «любви к дальнему») от «морали рабов» (этика «любви к ближнему»)?

5. Как вы думаете, какая мораль «победила» в современном мире. Поясните свой ответ.

======

Ознакомившись с фрагментами работ А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. выделите основные понятия, получившие обоснование в работах этих мыслителей, и дайте им пояснения.

Тема 10. ФИЛОСОФИЯ В РОССИИ. XIX-XX ВВ.

Русская философия XIX–XX веков очень многообразна. Она включает в себя: славянофилов и западников, религиозных философов, материалистов, марксистов и космистов. Несмотря на всё многообразие, можно выделить несколько черт, объединяющих русскую философию:

1. Антропоцентризм.
2. Максимализм.
3. Стремление к целостности или всеединству.
4. Очень сильная этическая составляющая.

Работа с первоисточниками

Ознакомьтесь с представленными ниже фрагментами работ русских мыслителей и ответьте на поставленные вопросы.

Чаадаев П.Я. (1795-1856) – мыслитель и публицист. В «Философических письмах» даёт оценку русской истории *(См.: Чаадаев П.Я. Философические письма. – М.: Современник, 1989).*

«Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и всё, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили. С первой минуты нашего общественного существования мы ничего не сделали для общего блага людей; ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной почве нашей родины; ни одна великая истина не вышла из нашей среды; мы не дали себе труда ничего выдумать сами, а из того, что выдумали другие, мы перенимаем только обманчивую внешность и бесполезную роскошь.

Странное дело: даже в мире науки, обнимающем всё, наша история ни к чему не примыкает, ничего не уясняет, ничего не доказывает. Если бы дикие орды, возмутившие мир, не прошли по стране, в которой мы живём, прежде чем устремиться не Запад, нам едва ли была отведена страница во всемирной истории. Если бы мы не раскинулись от Берингова пролива до Одера, нас инее заметили бы» [С. 43-44].

Вопросы для обсуждения

1. Как Чаадаев П. Я. рассматривает русскую историю.
2. Какие упрёки своим соотечественникам выдвигает Чаадаев П. Я.
3. Как, с точки зрения Чаадаева, Россия воспринимала идеи, идущие с Запада.
4. Какую оценку взглядам Чаадаева П. Я. вы можете дать.

Данилевский Н.Я. (1822–1885) – публицист, социолог, идеолог панславизма. Данилевский Н. Я. выдвинул теорию обособленных «культурно-исторических типов», развивающихся подобно живым организмам *(См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991).*

«Начну прямо с изложения некоторых общих выводов или законов исторического развития, вытекающих из группировки его явлений по культурно – историческим типам.

Закон 1. всякое племя или семейство народов, характеризуется отдельным языком или группой языков, довольно близких между собой…, – составляет самобытный культурно – исторический тип, если оно по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества.

Закон 2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно – историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью.

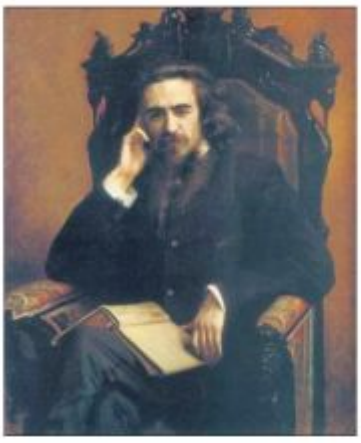
Закон 3. Начала цивилизации одного культурно – исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый культурно – исторический тип вырабатывает её для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествующих или современных цивилизаций.

Закон 4. Цивилизация, свойственная каждому культурно – историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, – когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию, или политическую систему государства.

Закон 5. Ход развития культурно – исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределённо продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и истощает раз и навсегда их жизненную силу…» [С. 91-92[.

Вопросы для обсуждения

1. Как Данилевский Н. Я. понимал исторический процесс.
2. Какие условия необходимы для формирования культурно–исторического типа.
3. На что похоже развитие культурно–исторического типа.

Соловьёв В.С. (1853–1900) – религиозный философ, поэт, публицист. Разработал учение о всеединстве *(См.: 1. Соловьёв В.С. Смысл любви // Соч.: В 2 т. – М.: Современник, 1991; 2. Соловьев В.С. Нравственный смысл жизни в его предварительном понятии // Собр. соч. – СПб., 1903. Т. 7; 3. Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия. – М.: Республика, 1996).*

Смысл любви. «…Истинному бытию, или всеединой идеи, противополагается в нашем мире вещественное бытиё – то самое, что подавляет своим бессмысленным упорством и нашу любовь, и не даёт осуществиться её смыслу. Главное свойство этого вещественного бытия есть двойная

непроницаемость: 1) непроницаемость во времени, в силу которой всякой последующий момент бытия не сохраняет в себе предыдущего, а исключает или вытесняет его собой из существования, так что всё новое в среде вещества происходит на счёт прежнего или в ущерб ему, и 2)непроницаемость в пространстве, в силу которой две части вещества (два тела) не могут занимать зараз одного и того же места, т. е. одной и той же части пространства, а необходимо вытесняют друг друга. Таким образом то, что лежит в основе нашего мира, есть бытиё в состоянии распадения, бытиё, раздроблённое на исключающие друг друга части и моменты. Вот какую глубокую почву и какую широкую основу должны мы принять для того рокового разделения существ, в котором всё бедствие и нашей личной жизни. Победить эту двойную непроницаемость тел и явлений, сделать внешнюю реальную среду сообразною внутреннему всеединству идеи – вот задача мирового процесса, столь же простая в общем понятии, сколь сложная и трудная в конкретном осуществлении.

Видимое преобладание материальной основы нашего мира и жизни так ещё велико, что многие даже добросовестные, но несколько односторонние умы думают, что, кроме этого вещественного бытия в различных его видоизменения, вообще ничего не существует… Фактически и в нашем видимом мире существует многое такое, что не есть только видоизменение вещественного бытия в его пространственной и временной непроницаемости, а есть даже прямое отрицание и упразднение этой самой непроницаемости» [1. С. 540-541].

Вопросы для обсуждения

1. Что, согласно Соловьёву В.С., противостоит истинному бытию.
2. Каковы главные свойства вещественного бытия.
3. Какова, по Соловьёву В.С., цель мирового процесса.

Нравственный смысл жизни в его предварительном понятии. Нравственный смысл жизни первоначально и окончательно определяется самим добром, доступным нам внутренне через нашу совесть и разум, поскольку эти *внутренние* формы добра освобождены нравственным подвигом от рабства страстям и от ограниченности личного и коллективного себялюбия. … Человек в принципе или по назначению своему есть *безусловная* внутренняя форма для добра, как безусловного содержания; все остальное условно и относительно. Добро само по себе ничем не обусловлено, оно все собою обусловливает и через все осуществляется. То, что оно ничем не обусловлено, оставляет его *чистоту;* то, что оно все собою обусловливает, есть его *полнота,* а что оно через все осуществляется, есть его сила или действенность.

Без чистоты добра, без возможности во всяком практическом вопросе различить добро от зла безусловно и во всяком единичном случае сказать *да* или *нет* жизнь была бы вовсе лишена нравственного характера и достоинства; без полноты добра, без возможности связать с ним все дей-

ствительные отношения, во всех оправдать добро и все добром исправить жизнь была бы одностороннею и скудною; наконец, без силы добра, без возможностей его окончательного торжества над всем, до «последнего врага» – смерти – включительно, жизнь была бы бесплодна.

Внутренними свойствами добра определяется жизненная задача человека; ее нравственный смысл состоит в служении Добру чистому, всестороннему и всесильному.

Такое служение, чтобы быть достойным своего предмета и самого человека, должно стать *добровольным,* а для этого ему нужно пройти через человеческое сознание. Помогать ему в этом процессе, а отчасти и предварять то, к чему он должен прийти, есть дело нравственной философии. Основатель ее *как науки.* Кант остановился на первом существенном признаке абсолютного добра – его чистоте, требующей от человека формально-безусловной, или самозаконной, воли, свободной от всяких эмпирических примесей: чистое добро требует, чтобы его избирали только для него самого; всякая другая мотивация его недостойна. Не повторяя того, что хорошо исполнено Кантом по вопросу о формальной чистоте доброй воли, я обратился в особенности ко второму существенному признаку добра – его всеединству,— не отделяя его от двух других (как сделал Кант относительно первого), а прямо развивая разумно мыслимое содержание всеединого добра из тех действительных нравственных данных, в которых оно заложено. Получились, таким образом, не диалектические моменты отвлеченной идеи (как у Гегеля) и не эмпирические осложнения натуральных фактов (как у Герберта Спенсера), а полнота нравственных норм для всех основных практических отношений единичной и собирательной жизни. Только такою полнотою оправдывается добро в нашем сознании, только под условием этой полноты может оно осуществить для нас и свою чистоту, и свою непобедимую силу [2. С. 20].

Вопросы для обсуждения

1. В чем нравственный смысл жизни, по Соловьеву?
2. Сравните этику Канта и Соловьева.
3. Сравните этику Гегеля и Соловьева.

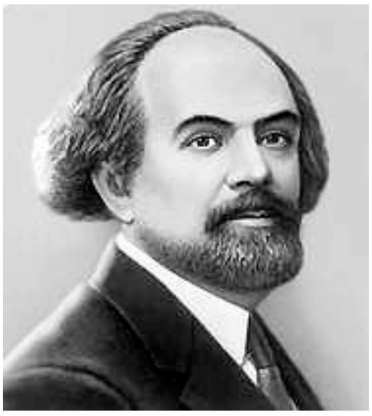
Оправдание добра: Нравственная философия. Добродетельный человек есть человек, каким он *должен быть.* Другими словами, добродетель есть нормальное или *должное отношение* человека ко всему (ибо нельзя мыслить качеств или свойств безотносительных)… Различая себя от другого, мы это другое необходимо полагаем или определяем трояко: или как *низшее* (по существу), или как *подобное* нам (однородное), или как *высшее* нас… Отсюда логически вытекает троякий характер должного, или нравственного, отношения, ибо ясно, что относиться к низшему (скажем, к влечению материальной природы) так, как если бы оно было высшее (скажем – предписание божественной воли), никак не будет *должным* отношением; точно так же противно должному будет, если мы к подобному себе

(скажем – человеческому) существу будем относиться или как к низшему (смотреть на него как на бездушную вещь), или как к высшему (видеть в нем божество).

Итак, мы имеем не одно, а три должные, или нравственные, отношения, или три вида добродетелей, соответственно трем областям, на которые необходимо разделяется вся совокупность соотносящихся с нами предметов,– *необходимо* потому, что человек не находит себя ни безусловно господствующим, или высшим, существом, ни безусловно подчиненным, или низшим, ни, наконец, единственным в своем роде: он сознает себя существом средним, и притом *одним из многих* средних; откуда – как прямое логическое следствие – выводится тройственность его нравственных отношений. В силу этого одно и то же качество или проявление может иметь совершенно различное и даже противоположное значение, смотря по тому, к какой предметной области оно относится. Так, умаление себя, или признание своего ничтожества, когда оно относится к предметам высшего достоинства, называется *смирением* и есть добродетель, по отношению же к предметам недостойным оно называется низостью и есть дело безнравственное… Итак, от добродетелей в собственном смысле, которые… по существу выражают качество, должным образом определенное, или соответствующее самому смыслу той или другой из трех возможных областей жизненного отношения, – от этих определенных и определяющих добродетелей следует различать качества воли и образы действия, не имеющие в себе самих своего нравственного определения, или постоянного соответствия с известною сферой должного, и потому могущие быть то добродетелями, то состояниями безразличными, а то и пороками, причем, однако, перемена нравственного значения не всегда сопровождается соответствующею переменою названия для данного психологического свойства [3. С. 125-126].

Вопросы для обсуждения

1. Что такое добродетельный человек, согласно Соловьеву?
2. Применимы ли нравственные подходы Соловьева к современной жизни?

Бердяев Н.А. (1874–1948) – религиозный философ, представитель персонализма. Исследовал проблемы творчества и свободы *(См.: Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. – М.: Советский писатель, 1990).*

«Человек есть природное существо, он связан с космической жизнью многими нитями, зависит от круговорота космической жизни. Тело человека определяется и процессами физико – химическими. Человек умирает, как природное существо, и телесный состав его рассеивается в

материи и мировой жизни. Человек живёт в природном мире и должен определять своё отношение к нему. Но тайна человека в том, что он не только природное существо и не объясним из природы. Человек есть также личность, т.е. духовное существо, несущее с себе образ божественного. Поэтому положение человека в природном мире трагическое. Человек не только один из объектов этого мира, он прежде всего субъект, из объекта невыводимый. Вместе с тем отношение человека к космосу определяется тем, что он есть микрокосм, он заключает в себе космос или заключает в себе историю. Человек не может быть лишь частью чего – либо. Он есть целое. Через духовное в себе начало человек не подчинён природе и независим от неё, хотя прир| одные силы могут его убить. Если бы человек был исключительно природным и конечным существом, то смерть его не заключала бы в себе ничего трагического, трагична лишь смерть бессмертного существа, устремлённого к бесконечности. Только извне, из объекта человек есть часть природы, изнутри. Из духа – природа в нём. Поэтому отношение человека к космосу двойственное. Он раб природы и царь природы…

Можно установить четыре периода в отношении человека к космосу: 1) погружение человека в космическую жизнь, зависимость от объективного мира, невыделённость ещё человеческой личности, человек не овладеваст ещё природой, его отношение магическое и мифологическое (примитивное скотоводство и земледелие, рабство)

2) освобождение от власти космических сил, от духов и демонов природы, борьба через аскезу, а не технику (элементарные формы хозяйства, крепостное право);

3) механизация природы, научное и техническое овладение природой, развитие индустрии в форме капитализма, освобождение труда и порабощение его, порабощение его эксплуатацией орудий производства и необходимость продавать труд за заработную плату;

4) разложение космического порядка в открытии бесконечно большого и бесконечно малого, образование новой организованности, в отличии от органичности. Техникой и машинизмом, страшное возрастание силы человека над природой и рабство человека у собственных открытий» [С. 245–246].

Вопросы для обсуждения

1. Как Бердяев Н. А. рассматривает природу человека.
2. Почему человек существо трагическое.
3. Какие периоды в отношении человека к космосу выделяет Бердяев Н.А.

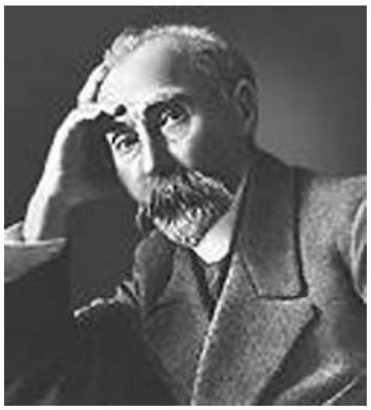
Бердяев Н.А. «Философия свободы начинается со свободного акта, до которого нет и невозможно бытиё. Когда в основу кладётся бытиё и признаётся примат бытия над свободой, то всё им детерминировано, детерминирована и свобода, но детерминированная свобода не есть свобода.

Но возможен другой тип философии, который утверждает примат свободы, творческого акта над бытиём. Только второй тип благоприятен свободе…

Свобода есть внутренняя творческая энергия человека. Через свободу человек может творить совершенно новую жизнь, новую жизнь общества и мира. Но было бы ошибкой при этом понимать свободу, как внутреннюю причинность. Свобода находится вне причинных отношений. Причинные отношения находятся в объективированном мире феноменов. Свобода приходит из иного мир, она противоречит закону этого мира и опрокидывает его» *(С. 282– 283).*

Вопросы для обсуждения

1. Как соотносятся, согласно Бердяеву Н.А., бытиё и свобода.
2. Как Бердяев Н. А. понимает свободу.
3. Как вы понимаете, что такое свобода.

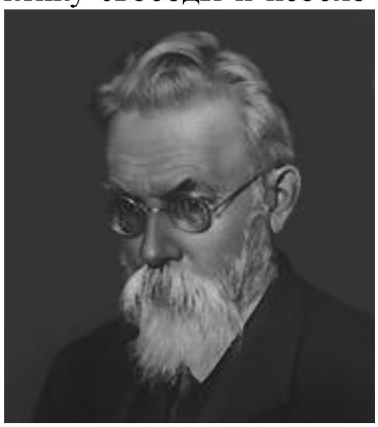

Плеханов Г.В. (1856–1918) – философ, теоретик марксизма *(См.: Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избр. филос. произв.: В 5 т. – М.: Политиздат, 1956).*

«Из сознательных свободных поступков отдельных людей необходимо вытекают неожиданные для них, непредвиденные ими последствия, касающиеся всего общества, т. е. влияющие на совокупность взаимных отношений тех же людей. Из области свободы мы переходим таким образом в область необходимости. Если несознаваемые людьми последствия их индивидуальных действий ведут к изменению общественного строя, – что происходит всегда, хотя далеко не одинаково быстро, – то перед людьми вырастают новые индивидуальные цели. Их свободная сознательная деятельность необходимо приобретает новы вид. Из области необходимости мы опять переходим в область свободы» [С. 595].

Вопросы для обсуждения

1. Как Плеханов Г.В. рассматривает диалектику свободы и необходимости.
2. Когда из области свободы мы переходим в область необходимости.
3. Когда из области необходимости мы переходим в область свободы.

Вернадский В.И. (1863-1945) – учёный, философ, естествоиспытатель, создатель учения о ноосфере *(См.: Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Политиздат, 1988).*

«Исторический процесс на наших глазах коренным образом меняется. Впервые в исто-

рии человечества интересы народных масс – всех и каждого – и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилом его представлений о справедливости. Человечество, взятое в целом, становиться мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становиться вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого.

Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть ноосфера» [С. 509].

Вопросы для обсуждения

1. Как меняется исторический процесс, согласно Вернадскому В.И.
2. Какоё определение ноосфере даёт Вернадский В.И.
3. Как современный человек влияет на природу.

Шестов Лев (1866-1938) – русский философ, экзистенциалист *(См.: Шестов Л.И. Афины и Иерусалим. – М.: АСТ, 2007).*

«Задачи философии. Философы стремятся «объяснить» мир, чтоб всё стало видным, прозрачным, чтоб в жизни ничего не было или было бы как можно меньше проблематического и таинственного. Не следовало ли бы, наоборот, стремиться показывать, что даже там, где всё людям представляется ясным и понятным, всё необычайно загадочно и таинственно? Самим освобождаться и других освобождать от власти понятий, своей определённостью убивающих тайну. Ведь истоки, начала, корни бытия – не в том, что обнаружено, а в том, что скрыто…» [С. 404].

Вопросы для обсуждения

1. Какие задачи, согласно Шестову Л.И., решает философия.
2. Какие задачи, согласно Шестову Л.И., философия должна решать на самом деле.
3. Какие задачи, по вашему мнению, должна решать философия.

Ильин И.А. (1883-1954) – философ, политический мыслитель, теоретик и историк религии и культуры *(См.: Ильин И.А. Наши задачи // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. – М.: Русская книга, 1993).*

«…Мы должны убедиться в том, что все *живые источники человеческого качества* – от элементарной порядочности до высших ступеней святости, – суть дело с в о б о д ы, т.е. ненавязанного и невынужденного другими людьми, самостоятельного приятия и осуществления… Чтобы пробудилось в человеке *чувство чести,* надо погасить в нем раба; и *совесть* есть прямое проявление *личной свободы в добре;* и *патриотизм можно пробудить и расшевелить* в людях, для того, чтобы он свободно загорелся в них, но *навязать* его невозможно. И самый высший героизм, и самое чистое самоотвержение являются проявлением свободной, доброй воли.

Кто берет у людей свободу, тот *лишает их всех источников добра* в жизни. Путь к вере, к любви, к смирению и геройству, к очевидности и художественному созерцанию – есть путь свободы, личного обращения к лучу Благодати. Покорность же без свободы ведет в лучшем случае к *законничеству (к внешней, мертвой лояльности),* но не к любви. А без свободной любви – иссякает в жизни всякое благо:– вера и знание, совесть и честность, правосознание и верность, художество и хозяйственный труд, патриотизм и жертвенность. И потому государственная власть, подавляющая свободу человека, строящая все на тоталитарности и терроре, *подтачивает свои собственные силы и силы управляемого ею народа.*

И вот, будущей России предстоит сделать выбор, – между свободным человеком и рабом, между воспитанием народа к *свободной качественности духа* и тоталитарным террором… [С. 194].

Вопросы для обсуждения

1. Как, согласно Ильину, сделать человека свободным?
2. Как Ильин Понимает, что такое свобода?
3. Как Ильин понимает будущее России?

Тема 11. СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Философия психоанализа

Зи́гмунд Фрейд (1856-1939), австрийский психолог, психиатр и невролог, основатель психоанализа. Соч.: Толкование сновидений (1900), Остроумие и его отношение к бессознательному (1905), Лекции по введению в психоанализ (1916—1917), Я и Оно (1923) и др.

«Психические процессы сами по себе бессознательны». Согласно первому коробящему утверждению психоанализа, психические процессы сами по себе бессознательны, сознательны лишь отдельные акты и стороны душевной жизни. Вспомните, что мы, наоборот, привыкли идентифицировать психическое и сознательное. Именно сознание считается у нас основной характерной чертой психического, а психология – наукой о содержании сознания. Да, это тождество кажется настолько само собой разумеющимся, что возражение против него представляется нам очевидной бессмыслицей, и все же психоанализ не может не возражать, он не может признать идентичность сознательного и психического. Согласно его определению, психическое представляет собой процессы чувствования , мышления, желания, и это определение допускает существование бессознательного мышления и бессознательного желания. Но данное

утверждение сразу же роняет его в глазах всех приверженцев трезвой научности и заставляет подозревать, что психоанализ – фантастическое тайное учение, которое бродит в потемках, желая ловить рыбу в мутной воде. Вам же, уважаемые слушатели, пока еще непонятно, по какому праву столь абстрактное положение, как «психическое есть сознательное», я считаю предрассудком, вы, может быть, также не догадываетесь, что могло привести к отрицанию бессознательного, если таковое существует, и какие преимущества давало такое отрицание. Вопрос о том, тождественно ли психическое сознательному или же оно гораздо шире, может показаться пустой игрой слов, но смею вас заверить, что признание существования бессознательных психических процессов ведет к совершенно новой ориентации в мире и науке.

Вы даже не подозреваете, какая тесная связь существует между этим первым смелым утверждением психоанализа и вторым, о котором речь пойдет ниже. Это второе положение, которое психоанализ считает одним из своих достижений, утверждает, что влечения, которые можно назвать сексуальными в узком и широком смыслах слова, играют невероятно большую и до сих пор непризнанную роль в возникновении нервных и психических заболеваний. Более того, эти же сексуальные влечения участвуют в создании высших культурных, художественных и социальных ценностей человеческого духа, и их вклад нельзя недооценивать.

По собственному опыту знаю, что неприятие этого результата психоаналитического исследования является главным источником сопротивления, с которым оно сталкивается. Хотите знать, как мы это себе объясняем? Мы считаем, что культура была создана под влиянием жизненной необходимости за счет удовлетворения влечений, и она по большей части постоянно воссоздается благодаря тому, что отдельная личность, вступая в человеческое общество, снова жертвует удовлетворением своих влечений в пользу общества. Среди этих влечений значительную роль играют сексуальные; при этом они сублимируются, т. е. отклоняются от своих сексуальных целей, и направляются на цели социально более высокие, уже не сексуальные. Эта конструкция, однако, весьма неустойчива, сексуальные влечения подавляются с трудом, и каждому, кому предстоит включиться в создание культурных ценностей, грозит опасность, что его сексуальные влечения не допустят такого их применения. Общество не знает более страшной угрозы для своей культуры, чем высвобождение сексуальных влечений и их возврат к изначальным целям. Итак, общество не любит напоминаний об этом слабом месте в его основании, оно не заинтересовано в признании силы сексуальных влечений и в выяснении значения сексуальной жизни для каждого, больше того, из воспитательных соображений оно старается отвлечь внимание от всей этой области. Поэтому оно столь нетерпимо к вышеупомянутому результату исследований психоанализа и охотнее всего стремится предста-

вить его отвратительным с эстетической точки зрения и непристойным или даже опасным с точки зрения морали. Но такими выпадами нельзя опровергнуть объективные результаты научной работы. Если уж выдвигать возражения, то они должны быть обоснованы интеллектуально. Ведь человеку свойственно считать неправильным то, что ему не нравится, и тогда легко находятся аргументы для возражений. Итак, общество выдает нежелательное за неправильное, оспаривая истинность психоанализа логическими и фактическими аргументами, подсказанными, однако, аффектами, и держится за эти возражения-предрассудки, несмотря на все попытки их опровергнуть <…>.

Хорошо, не будем больше употреблять слово «бессознательный» в систематическом смысле, дав прежнему обозначению лучшее, не допускающее неправильного толкования название. Вслед за Ницше и по примеру Г. Гроддека (1923) мы будем называть его в дальнейшем Оно (Es). Это безличное местоимение кажется особенно подходящим для выражения основного характера этой области души, ее чуждости Я. Сверх-Я, Я и Оно – вот три царства, сферы, области, на которые мы разложим психический аппарат личности, взаимодействиями которых мы займемся в дальнейшем <…>

Мы приближаемся к [пониманию] Оно при помощи сравнения, называя его хаосом, котлом, полным бурлящих возбуждений. Мы представляем себе, что у своего предела оно открыто соматическому, вбирая оттуда в себя инстинктивные потребности, которые находят в нем свое психическое выражение, но мы не можем сказать, в каком субстрате. Благодаря влечениям оно наполняется энергией, но не имеет организации, не обнаруживает общей воли, а только стремление удовлетворить инстинктивные потребности при сохранении принципа удовольствия. Для процессов в Оно не существует логических законов мышления, прежде всего тезиса о противоречии. Противоположные импульсы существуют друг подле друга, не отменяя друг друга и не удаляясь друг от друга, в лучшем случае для разрядки энергии под давлением экономического принуждения объединяясь в компромиссные образования. В Оно нет ничего, что можно было бы отождествить с отрицанием, и мы с удивлением видим также исключение из известного философского положения, что пространство и время являются необходимыми формами наших психических актов. В Оно нет ничего, что соответствовало бы представлению о времени, никакого признания течения во времени и, что в высшей степени странно и ждет своего объяснения философами, нет никакого изменения психического процесса с течением времени. Импульсивные желания, которые никогда не переступают через Оно, а также впечатления, которые благодаря вытеснению опустились в Оно, виртуально бессмертны, спустя десятилетия они ведут себя так, словно возникли заново. Признать в них прошлое, суметь обесценить их и лишить заряда энергии можно только в том случае, если путем анали-

тической работы они станут осознанными, и на этом в немалой степени основывается терапевтическое действие аналитического лечения.

У меня все время создается впечатление, что из этого не подлежащего сомнению факта неизменности вытесненного во времени мы мало что дали для нашей теории. А ведь здесь, кажется, открывается подход к самому глубокому пониманию. К сожалению, и я не продвинулся здесь дальше.

Само собой разумеется, Оно не знакомы никакие оценки, никакое добро и зло, никакая мораль. Экономический или, если хотите, количественный момент, тесно связанный с принципом удовольствия, управляет всеми процессами. Все эти инстинкты, требующие выхода, полагаем мы, находятся в Оно. Кажется даже, что энергия этих инстинктивных импульсов находится в другом состоянии, чем в иных душевных областях, она более подвижна и способна к разрядке, потому что иначе не могли бы происходить те смещения и сгущения, которые характерны для Оно и совершенно не зависят от качества заряженного (Besetzte) – в Я мы назвали бы это представлением. Чего бы мы только ни дали, чтобы побольше знать об этих вещах! Между прочим, вы видите, что мы в состоянии назвать еще и другие свойства Оно, кроме того, что оно бессознательно, а также признаете возможность того, что части Я и Сверх-Я являются бессознательными, не имея таких же примитивных и иррациональных черт. К характеристике собственно Я, насколько оно допускает обособление от Оно, и Сверх-Я мы, скорее всего, приблизимся, если примем во внимание его отношение к самой внешней поверхностной части психического аппарата, которую мы обозначим как систему W-Bw. Эта система обращена к внешнему миру, она опосредует его восприятия, во время ее функционирования в ней возникает феномен сознания. Это орган чувств всего аппарата, восприимчивый, между прочим, к возбуждениям, идущим не только извне, но и из недр душевной жизни. Вряд ли нуждается в пояснении точка зрения, согласно которой Я является той частью Оно, которая модифицировалась благодаря близости и влиянию внешнего мира, приспособлена к восприятию раздражений и защите от них, может быть сравнима с корковым слоем, которым окружен комочек живой субстанции. Отношение к внешнему миру для Я стало решающим, оно взяло на себя задачу представлять его перед Оно для блага Оно, которое в слепом стремлении к удовлетворению влечений, не считаясь с этой сверхсильной внешней властью, не смогло бы избежать уничтожения. Выполняя эту функцию, Я должно наблюдать за внешним миром, откладывать в следах своих восприятий правильный его образ, путем проверки реальностью удалять из этой картины внешнего мира все добавления, идущие от внутренних источников возбуждения. По поручению Оно Я владеет подходами к моторике, но между потребностью и действием оно делает отсрочку для мыслительной работы, во время которой использует остатки воспоминаний из опыта. Таким образом, принцип удовольствия, который неограниченно правит ходом процессов в Оно,

оказывается низвергнутым с трона и заменяется принципом реальности, который обещает больше надежности и успеха.

Очень сложное для описания отношение ко времени также сообщается Я системой восприятия; едва ли можно сомневаться в том, что способ работы этой системы дает начало представлению о времени. Чем особенно отличается Я от Оно, так это стремлением к синтезу своих содержаний, к обобщению и унификации своих психических процессов, которое совершенно отсутствует у Оно. Когда мы в будущем поведем разговор о влечениях в душевной жизни, нам, вероятно, удастся найти источник этой существенной характерной черты Я. Она единственная дает ту высокую степень организации, которой Я обязано лучшими своими достижениями. Развитие идет от восприятия влечений к овладению ими, но последнее достигается только тем, что психическое выражение влечений включается в более широкую систему, входит в какую-то взаимосвязь. Пользуясь популярными выражениями, можно сказать, что Я в душевной жизни представляет здравый смысл и благоразумие, а Оно – неукротимые страсти.

До сих пор нам импонировало перечисление преимуществ и способностей Я, теперь настало время вспомнить и об оборотной стороне. Я является лишь частью Оно, частью, целесообразно измененной близостью к грозящему опасностями внешнему миру. В динамическом отношении оно слабо, свою энергию оно заимствовало у Оно, и мы имеем некоторое представление относительно методов, можно даже сказать, лазеек, благодаря которым оно продолжает отнимать энергию у Оно. Таким путем осуществляется, например, также идентификация с сохранившимися или оставленными объектами. Привязанность к объектам исходит из инстинктивных притязаний Око. Я сначала их регистрирует. Но, идентифицируясь с объектом, оно предлагает себя Оно вместо объекта, желая направить либидо Оно на себя. Мы уже знаем, что в процессе жизни Я принимает в себя большое число остатков бывшей привязанности к объектам. В общем, Я должно проводить в жизнь намерения Оно, оно выполняет свою задачу, изыскивая обстоятельства, при которых эти намерения могут быть осуществлены наилучшим образом. Отношение Я к Оно можно сравнить с отношением наездника к своей лошади. Лошадь дает энергию для движения, наездник обладает преимуществом определять цель и направление движения сильного животного. Но между Я и Оно слишком часто имеет место далеко не идеальное взаимоотношение, когда наездник вынужден направлять скакуна туда, куда тому вздумается.

От одной части Оно Я отделилось благодаря сопротивлениям вытеснения. Но вытеснение не продолжается в Оно. Вытесненное сливается с остальным Оно.

Поговорка предостерегает от служения двум господам. Бедному Я еще тяжелее, оно служит трем строгим властелинам, стараясь привести их притязания и требования в согласие между собой. Эти притязания все вре-

мя расходятся, часто кажутся несовместимыми: неудивительно, что Я часто не справляется со своей задачей. Тремя тиранами являются: внешний мир, Сверх-Я и Оно. Если понаблюдать за усилиями Я, направленными на то, чтобы служить им одновременно, а точнее, подчиняться им одновременно, вряд ли мы станем сожалеть о том, что представили это Я в персонифицированном виде как некое существо. Оно чувствует себя стесненным с трех сторон, ему грозят три опасности, на которые оно, будучи в стесненном положении, реагирует появлением страха. Благодаря своему происхождению из опыта системы восприятия, оно призвано представлять требования внешнего мира, но оно хочет быть и верным слугой Око, пребывать с ним в согласии, предлагая ему себя в качестве объекта, привлекать его либидо на себя. В своем стремлении посредничать между Око и реальностью оно часто вынуждено одевать бессознательные (ubw) требования Око в свои предсознательные (vbw) рационализации, затушевывать конфликты Око с реальностью, с дипломатической неискренностью разыгрывать оглядку на реальность, даже если Око упорствует и не сдается. С другой стороны, за ним на каждом шагу наблюдает строгое Сверх-Я, которое предписывает ему определенные нормы поведения, невзирая на трудности со стороны Око и внешнего мира, и наказывает его в случае непослушания напряженным чувством неполноценности и сознания вины. Так Я, движимое Око, стесненное Сверх-Я, отталкиваемое реальностью, прилагает все усилия для выполнения своей экономической задачи установления гармонии между силами и влияниями, которые действуют в нем и на него, и мы понимаем, почему так часто не можем подавить восклицания: жизнь нелегка! Если Я вынуждено признать свою слабость, в нем возникает страх, реальный страх перед внешним миром, страх совести перед Сверх-Я, невротический страх перед силой страстей в Оно <…>.

А теперь в заключение этих безусловно утомительных и, возможно, не совсем ясных рассуждений еще одно предостережение! Разделяя личность на Я, Сверх-Я и Оно, вы, разумеется, не имеете в виду строгие границы наподобие тех, которые искусственно проведены в политической географии. Своеобразие психического мы изобразим не линейными контурами, как на рисунке или в примитивной живописи, а скорее расплывчатыми цветовыми пятнами, как у современных художников. После того как мы произвели разграничение, мы должны выделенное опять слить вместе. Не судите слишком строго о первой попытке сделать наглядным психическое, с таким трудом поддающееся пониманию. Весьма вероятно, что образование этих отдельных областей у различных лиц весьма вариабельно, возможно, что при функционировании они сами изменяются и временно регрессируют. Это, в частности, касается филогенетически последнего и самого интимного – дифференциации Я и Сверх-Я. Несомненно, что нечто подобное вызывается психическим заболеванием. Можно хорошо представить себе также, что каким-то мистическим практикам иногда удается

опрокинуть нормальные отношения между этими отдельными областями, так что, например, восприятие может уловить соотношения Я и Оно, которые в иных случаях были ему недоступны. Можно спокойно усомниться в том, что на этом пути мы достигнем последней истины, от которой ждут всеобщего спасения, но мы все-таки признаем, что терапевтические усилия психоанализа избрали себе аналогичную точку приложения. Ведь их цель – укрепить Я, сделать его более независимым от Сверх-Я, расширить поле восприятия и перестроить его организацию так, чтобы оно могло освоить новые части Оно. Там, где было Оно, должно стать Я.

Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. – М., 1989. – с.11-12, 344-349.

Вопросы:

1. Какова, по Фрейду, структура личности?
2. Какие функции выполняют Я, ОНО и Сверх-Я?

Эрих Фромм (1900-1980), немецкий социальный психолог, философ, психоаналитик, представитель Франкфуртской школы, один из основателей неофрейдизма и фрейдомарксизма. Соч.: Бегство от свободы (1941); Иметь или быть (1977); Анатомия человеческой деструктивности (1973) и др.

«Социальный характер». При изучении психологических реакций социальной группы мы имеем дело со структурой характера отдельных членов группы, т. е. индивидуальных лиц; однако нас интересуют не те особенности, которыми эти лица отличаются друг от друга, а та часть структур их характеров, которая является общей для большинства членов группы. Эту общую для них часть мы можем назвать *социальным характером.* Социальный характер, естественно, менее специфичен, чем индивидуальный характер. При описании последнего мы рассматриваем всю совокупность черт, которые в своей особой конфигурации образуют структуру личности того или иного индивида. Социальный же характер содержит лишь выборку черт, существенное ядро структуры характера большинства членов группы, которое сложилось в результате основного опыта и способа жизни, общего для этой группы. Хотя здесь всегда будут «отклоняющиеся» индивиды с совершенно иной структурой характера, структура характера большинства членов группы, представляет вариации этого ядра, возникающие благодаря случайным факторам рождения и жизненного опыта, различных у каждого отдельного индивида. Если мы хотим наиболее полно понять отдельного индивида, эти различающиеся элементы имеют важнейшее значение. Однако, если мы хотим понять, как энергия человека распределяется и действует в качестве продуктивной силы в данном соци-

альном устройстве, тогда нас главным образом должен интересовать социальный характер.

Понятие социального характера является ключевым для анализа социального процесса. Характер в динамическом смысле аналитической психологии – это специфическая форма, которую придает энергии человека динамическая адаптация его потребностей к определенному способу существования данного общества. Характер, в свою очередь, определяет мышление, эмоции и действия индивидов. Увидеть это довольно трудно, ибо мы обычно убеждены, что мышление является исключительно интеллектуальным актом и не зависит от психологической структуры личности. Это, однако, не так, и тем меньше соответствует действительности, чем больше наше мышление сталкивается с этическими, философскими, политическими, психологическими или социальными проблемами, а не просто с эмпирическими манипуляциями конкретными объектами. Такое мышление, помимо чисто логических элементов, вовлеченных в акт мышления, в значительной мере детерминировано личностной структурой того человека, который мыслит. В равной мере это относится как ко всякой доктрине и теоретической системе, так и к отдельным понятиям: любовь, справедливость, равенство, самопожертвование и т. д. Каждое такое понятие, как и каждая доктрина, обладает эмоциональной насыщенностью, корни которой лежат в структуре характера индивида.

Мы устранили бы много путаницы, проанализировав психологический смысл этих понятий, тогда как всякая попытка чисто логической классификации заведомо обречена здесь на неудачу.

Тот факт, что идеи несут в себе эмоциональную насыщенность, чрезвычайно важен. Он является ключевым для понимания духа всякой культуры. Различные общества или классы внутри общества обладают своим особым социальным характером, и на его основе развиваются и приобретают силу определенные идеи. Так, например, представление о труде и успехе как основных целях жизни обрело значимость и привлекательность для современного человека вследствие присущих его характеру постоянных сомнений и чувства одиночества. Тщетно было бы пытаться проповедовать эту идею непрерывных усилий и стремления к успеху индейцам Пуэбло или мексиканским крестьянам; понимая язык, они как люди с другим типом структуры характера не понимали бы, о чем, собственно, идет речь. Точно так же Гитлер и та часть населения Германии, представители которой имеют одинаковую с ним структуру характера, искренне убеждены, что настаивать на возможности устранения войн может либо законченный дурак, либо бессовестный лгун. Для людей с таким социальным характером одинаково непостижимы как жизнь без страданий и бедствий, так и представление о свободе и равенстве.

Идеи часто лишь сознательно принимаются определенными группами, которые в силу особенностей их социального характера в действитель-

ности не проникаются этими идеями. Такие идеи остаются в виде запаса сознательных убеждений, но люди оказываются неспособными действовать согласно им в решающую минуту.

Идеи могут стать реальными силами, но лишь в той мере, в какой они отвечают особым человеческим потребностям, свойственным данному социальному характеру.

Мы должны теперь выяснить вопрос о функции характера по отношению к индивиду и по отношению к обществу. Этот вопрос, как и предыдущий, не вызывает особых затруднений. Если характер индивида не сильно отличается от социального характера, то основные мотивы личности человека побуждают его к тому, что необходимо и желательно с точки зрения данных социальных условий его культуры. Так, страсть человека к бережливости и отвращение к бесполезной трате денег может оказаться полезной, если мы возьмем мелкого лавочника, для которого экономия и бережливость – просто условия выживания. Помимо этой экономической функции черты характера имеют также не менее важную психологическую функцию. Человеку, для которого бережливость – это черта характера, экономия доставляет не только практическую пользу, но и глубокое психологическое удовлетворение. В этом легко убедиться, наблюдая, например, за хозяйкой, которая радуется сэкономленным на рынке двум центам так, как другой человек, с другой структурой характера радовался бы чувственному наслаждению. Кроме того, человек испытывает психологическое удовольствие, не только действуя сообразно требованиям, вытекающим из структуры его характера, но и воспринимая идеи, соответствующие ей. Для авторитарного характера очень привлекательна идеология, описывающая природу как могучую силу, которой мы должны подчиняться. Восприятие таких идей вызывает у него психологическое удовольствие. Итак, субъективная функция характера человека заключается, во-первых, в побуждении его к действиям, необходимым для него с практической точки зрения, и, во-вторых, в обеспечении ему психологического удовольствия от его действий.

~~Если взглянуть~~ на социальный характер с точки зрения его функции в социальном процессе, то мы должны будем начать с положения, высказанного в отношении функций индивидуального характера, т.е. с утверждения, что, приспосабливаясь к социальным условиям, человек развивает в себе те черты, которые заставляют его *желать* действовать так, как он *должен* действовать. Если характер большинства людей данного общества, т. е. социальный характер, приспособлен к объективным задачам, которые индивид должен решать в этом обществе, то человеческая энергия направляется по путям, на которых она становится продуктивной силой, необходимой для функционирования этого общества. Обратимся еще раз к примеру с трудом. Современная индустриальная система требует от нас отдачи большей части нашей энергии труду. Когда люди работают только в си-

лу внешней необходимости, возникает противоречие между тем, что они должны делать и тем, что они хотели бы делать, и это снижает их продуктивность. Однако в результате динамической адаптации характера к социальным требованиям человеческая энергия оформляется таким образом, что это приводит к действиям, соответствующим определенным экономическим необходимостям. То усердие, с которым современный человек трудится, не требуя особого принуждения, вытекает из его внутреннего стремления к труду, которое мы попытались проанализировать с точки зрения его психологического смысла, т. е. вместо внешней власти человек создал себе внутреннюю – совесть и чувство долга, которые контролируют его гораздо успешнее, чем это могла бы сделать любая внешняя власть. Таким образом, социальный характер интериоризует внешние требования и тем самым использует энергию человека для решения задач данной экономической и социальной системы.

Как мы видим, коль скоро определенные потребности появляются в структуре характера, любое поведение, отвечающее им, одновременно доставляет удовлетворение как с психологической, так и с практической точек зрения. До тех пор, пока общество обеспечивает индивиду возможность получать эти два удовлетворения одновременно, мы имеем дело с ситуацией, где психологические силы укрепляют социальную структуру. Однако рано или поздно между ними происходит разрыв. Старая структура характера продолжает существовать, хотя уже образовались новые экономические условия, для которых традиционные черты характера больше не годятся. В этой ситуации люди либо действуют в соответствии со своей структурой характера, и тогда эти действия оказываются помехами в их экономических занятиях, либо они не могут найти такую внешнюю позицию, которая позволяла бы им действовать согласно их внутренней «природе». Иллюстрацией такого положения дел служит структура характера пожилой части представителей среднего класса, особенно в странах с жесткой классовой стратификацией, как например в Германии. Традиционные достоинства этих людей – умеренность, бережливость, предусмотрительность – утрачивают свое значение в современной деловой жизни по сравнению с такими новыми качествами, как инициатива, готовность рисковать, агрессивность и т. д. Даже если эти старые достоинства и представляют еще некоторую ценность, например, для мелкого лавочника, то возможности соответствующих им действий настолько сужены, что лишь немногим из нового поколения среднего класса эти черты характера приносят «пользу» в их экономических делах. Благодаря своему воспитанию они развили в себе черты характера, которые были когда-то приспособлены к социальной ситуации их класса, однако развитие экономики опережает развитие характера. Этот разрыв между экономической и психологической эволюциями приводит к ситуации, в которой психологические потребности не могут больше удовлетворяться обычными экономическими действиями. Тем не менее эти потребности существуют и вынуждены ис-

кать своего удовлетворения другим путем. Узкоэгоистическое стремление к своему собственному успеху, характерное для низших слоев среднего класса, распространилось с индивидуального уровня на уровень жизни. Садистические импульсы, использовавшиеся в конкурентной борьбе частных предпринимателей, частично переместились на социальную и политическую сцену, усилившись при этом фрустрацией. И теперь, освобожденные от любых ограничений, они искали удовлетворения в актах политических преследований и в войне. Таким образом, в сочетании с возмущением, вызванным фрустрирующими факторами всей ситуации, психологические силы вместо укрепления существующего социального порядка превратились в динамит, попавший в руки групп, которые хотели уничтожить традиционную политическую и экономическую структуру демократического общества.

Мы пока не упоминали о роли обучения в формировании социального характера, но ввиду того обстоятельства, что многие психологи считают причиной развития характера именно способ воспитания и приемы обучения детей, особенно в раннем возрасте, нам кажется уместным сделать некоторые замечания по этому поводу. В первую очередь мы должны задаться вопросом – что такое образование? Его можно определять по-разному. С точки зрения социальных процессов оно может рассматриваться следующим образом. Социальная функция образования заключается в подготовке индивида к той роли, которую он впоследствии будет играть в обществе, т. е. эта функция состоит в том, чтобы формировать его характер, стремясь приблизить его к социальному так, чтобы желания индивида совпадали с требованиями его социальной роли. Система образования любого общества определяется этой функцией. Поэтому мы не можем объяснять структуру общества или структуру личности его членов, исходя из образования, а наоборот, систему образования мы должны объяснять из требований, вытекающих из социальной и экономической структуры данного общества. Однако методы образования крайне важны, поскольку они являются механизмами, посредством которых индивид приобретает требуемые качества. Эти методы, таким образом, могут быть рассмотрены как средства превращения социальных требований в личностные качества. Хотя образовательный процесс не является причиной определенного социального характера, он составляет один из механизмов его формирования. В этом смысле знание и понимание методов образования являются важной частью целостного анализа функционирования общества.

Эти положения остаются в силе и для семьи как одной из частей всего образовательного процесса. Как можно представить, что ребенок (по крайней мере нашей культуры), имея настолько ограниченный контакт с жизнью общества, тем не менее формируется им? Дело не только в том, что родители, если отвлечься от определенных индивидуальных вариаций, применяют образовательные приемы, принятые в данном обществе, но также и в том, что они сами как личности представляют социальный ха-

рактер своего общества или класса. Они передают ребенку то, что можно назвать психологической атмосферой или духом общества уже в силу того, что они являются представителями этого общества. Семья, таким образом, может рассматриваться в качестве психологического агента общества.

Выдвигая положение о том, что социальный характер определяется способом существования данного общества, я хочу напомнить читателю о проблеме динамической адаптации. Хотя и верно, что человек формируется, приспосабливаясь к требованиям экономических и социальных структур, но его адаптивные возможности небезграничны. Существуют не только определенные психологические потребности, настойчиво требующие своего удовлетворения, но и некоторые неотъемлемые психологические качества, невозможность реализовать которые приводит к определенным реакциям. Что это за качества? Наиболее важным из них является тенденция к росту, развитию и реализации потенций, выработанных человеком в процессе истории, таких, например, как способность к творчеству, к критическому мышлению, способность утонченно чувствовать. Каждая из этих потенций имеет свою динамику. Раз появившись в процессе эволюции, они постоянно стремятся реализовываться. Эти тенденции могут подавляться и фрустрироваться, но такое подавление приводит к особым реакциям, в частности к формированию деструктивных и симбиотических импульсов. Общая тенденция к росту, которая является психологическим эквивалентом идентичной биологической тенденции, выражается, в частности, в стремлении к свободе и в ненависти к угнетению, так как свобода является необходимым условием любого развития. В свою очередь, стремление к свободе может подавляться и в конце концов даже исчезнуть из сознания индивида, но даже тогда она продолжает существовать как потенциальность, что проявляется в сознательной или бессознательной ненависти, всегда вызываемой таким подавлением.

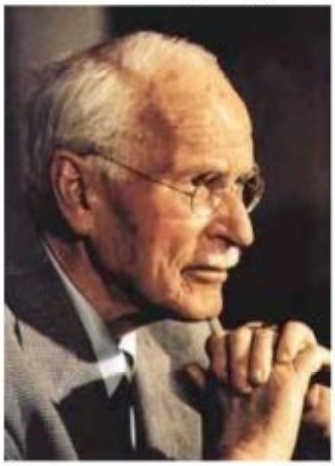
Есть основания предполагать, как уже говорилось, что стремление к справедливости и истине является неотъемлемой чертой человеческой природы, хотя оно может подавляться и искажаться, так же как и стремление к свободе. Однако, предполагая это, мы попадаем в опасное теоретическое поле. Здесь легко оказаться под властью известных религиозных и философских объяснений этих тенденций, т. е. объяснить их либо верой в то, что человек создан по образу и подобию божьему, либо, что эти потенциальности существуют благодаря действию особого естественного закона. Мы, однако, не можем основывать наши доводы на таких объяснениях. По нашему мнению, единственным способом объяснения этих стремлений человека к справедливости и истине является анализ всей человеческой истории, как социальной, так и индивидуальной. В ней мы обнаруживаем, что для каждого бесправного идеи справедливости и истины – важнейшее средство в борьбе за свою свободу и развитие. Наряду с тем, что большая часть человечества на протяжении его истории была вынуждена защищать себя от более сильных групп, которые подавляли и эксплуатировали ее,

каждый индивид и в детстве проходит через период бессилия. Мы, таким образом, приходим к следующему: характер не зафиксирован в биологической природе человека, его развитие определяется основными условиями жизни, но вместе с тем человеческая природа имеет свою собственную динамику, которая является активным фактором социальной эволюции. Пусть мы и не в состоянии пока объяснить в психологических понятиях, что из себя представляет эта динамика, но все же мы должны признать ее существование. Пытаясь избежать ошибок биологических и метафизических концепций, нам следует опасаться столь же серьезной ошибки – социологического релятивизма, который представляет человека не более, чем марионеткой, управляемой нитками социальных обстоятельств. Неотъемлемые права человека на свободу и счастье заложены в присущих ему качествах: стремлении жить, развиваться, реализовать потенциальности, развившиеся в нем в процессе исторической эволюции.

Фромм Э. Характер и социальный процесс // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 48—54

Вопросы:

1. Чем социальный характер отличается от индивидуального?
2. Как формируется социальный характер?
3. Какую функцию в социализации выполняет социальный характер?

Карл Гу́став Юнг (1875-1961), швейцарский психиатр, основоположник аналитической психологии, одним из основных понятий которой было понятие «архетип». Юнг создал учение о коллективном бессознательном, в образах (архетипах) которого видел источник общечеловеческой символики, в том числе мифов и сновидений. Известность получила концепция психологических типов Юнга (экстраверты и интроверты). Соч.: Об архетипах коллективного бессознательного, Структура души и др.

«Архетипы коллективного бессознательного». «Гипотеза о существовании коллективного бессознательного принадлежит к числу тех научных идей, которые поначалу остаются чуждыми публике, но затем быстро превращаются в хорошо ей известные и даже популярные. Примерно то же самое произошло и с более емким и широким понятием «бессознательного». После того как философская идея бессознательного, которую разрабатывали преимущественно Г.Карус и Э. фон Гартман, не оставив заметного следа пошла ко дну, захлестнутая волной моды на материализм и эмпиризм, эта идея по прошествии времени вновь стала появляться на поверхности, и прежде всего в медицинской психологии с естественно-научной ориентацией. При этом на первых порах понятие «бессознательного» использовалось для обозначения только таких состояний, которые характеризуются наличием вытесненных или забытых

содержаний. Хотя у Фрейда бессознательное выступает – по крайней мере метафорически – в качестве действующего субъекта, по сути оно остается не чем иным, как местом скопления именно вытесненных содержаний; и только поэтому за ним признается практическое значение. Ясно, что с этой точки зрения бессознательное имеет исключительно личностную природу, хотя, с другой стороны, уже Фрейд понимал архаико-мифологический характер бессознательного способа мышления.

Конечно, поверхностный слой бессознательного является в известной степени личностным. Мы называем его личностным бессознательным. Однако этот слой покоится на другом, более глубоком, ведущем свое происхождение и приобретаемом уже не из личного опыта. Этот врожденный более глубокий стой и является так называемым коллективным бессознательным. Я выбрал термин «коллективное», поскольку речь идет о бессознательном) имеющем не индивидуальную, а всеобщую природу. Это означает, что оно включает в себя, в противоположность личностной душе, содержания и образы поведения) которые cum grano salis являются повсюду и у всех индивидов одними и теми же. Другими словами, коллективное бессознательное идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным.

Существование чего-либо в нашей душе признается только в том случае, если в ней присутствуют так или иначе осознаваемые содержания. Мы можем говорить о бессознательном лишь в тон мере, в какой способны удостовериться в наличии таких содержаний. В личном бессознательном это по большей части так называемые эмоционально окрашенные комплексы, образующие интимную душевную жизнь личности. Содержаниями коллективного бессознательного являются так называемые архетипы.

Юнг К. Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. С.97-98, 39-40

«Коллективное бессознательное – … духовное наследие эволюции человечества». Коллективное бессознательное содержит в себе все духовное наследие эволюции человечества, возрождаемое в структуре мозга каждого индивидуума. Сознательный ум (mind) – это эфемерный феномен, который выполняет все провизорные адаптации и ориентации, и по этой причине его функцию лучше всего сравнить с ориентировкой в пространстве. Напротив, бессознательное служит источником инстинктивных сил души (psyche), а также форм или категорий, их регулирующих, то есть архетипов. Все самые яркие и мощные идеи восходят исторически, к архетипам Это особенно верно в отношении религиозных представлении хотя центральные понятия науки, философии и этики также не составляют исключения из этого правила. В своем нынешней виде они представляют собой варианты архетипических представлений, созданные посредством их сознательного применения и приспособления к действительности. Ибо функция сознания заключается не только в осознании и усвоении внешне-

го мира через врата наших чувств, но и в переводе мира внутри нас в зримую реальность.

Юнг К. Структура души // Проблема души нашего времени. – М.: 1994. С. 133.

Вопросы:

1. Что такое архетипы?
2. Какова роль коллективных бессознательных представлений, по мнению Юнга, в жизни человеческого сообщества?

Феноменология

Эдмунд Гуссерль (1859-1938), немецкий философ, основатель феноменологии. Соч.: «Философия как строгая наука» (1911); «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии«, том 1 (1913); «Картезианские размышления« (по-французски, 1931); «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология« (1936) и др.

Как философии стать строгой наукой? Притязанию быть строгой наукой философия не могла удовлетворить ни в одну эпоху своего развития. Так обстоит дело и с последней эпохой, которая, сохраняя, при всем многообразии и противоположности философских направлений, единый в существенных чертах ход развития, продолжается от Возрождения до настоящего времени. Правда, господствующей чертой новой философии является именно то, что она вместо того, чтобы наивно предаться философскому влечению, стремится, наоборот, конституироваться в строгую науку, пройдя сквозь горнило критической рефлексии и углубляя все дальше и дальше исследования о методе. Однако единственным зрелым плодом этих усилий оказалось обоснование и утверждение своей самостоятельности строгими науками о природе и духе, равно как и новыми чисто математическими дисциплинами. Между тем философия даже в особом, только теперь дифференцирующемся смысле, лишена, как и прежде, характера строгой науки.

Самый смысл этой дифференциации остался без научно-надежного определения. Как относится философия к наукам о природе и духе, требует ли специфически философский элемент в ее работе, относящейся по существу все же к природе и духу, принципиально новых точек зрения, на почве которых были бы даны принципиально своеобразные цели и методы, приводит ли нас, таким образом, философский момент как бы к некоторому новому измерению или остался в одной и той же плоскости с эмпири-

ческими науками о жизни природы и духа, – все это до сих пор спорно. Это показывает, что даже самый смысл философской проблемы еще не приобрел научной ясности. Итак, философия по своей исторической задаче высшая и самая строгая из наук, – философия, представительница исконного притязания человечества на чистое и абсолютное познание (и, что стоит с этим в неразрывной связи, на чистую и абсолютную оценку (Werten) и хотение), не может выработаться в действительную науку. Признанная учительница вечного дела человечности (Humanitat) оказывается вообще не в состоянии учить: учить объективно значимым образом. Кант любил говорить, что можно научиться только философствованию, а не философии. Что это такое, как не признание ненаучности философии? Насколько простирается наука, действительная наука, настолько же можно учить и учиться, и притом повсюду в одинаковом смысле.

Нигде научное изучение не является пассивным восприятием чуждых духу материалов, повсюду оно основывается на самодеятельности, на некотором внутреннем воспроизведении со всеми основаниями и следствиями тех идей, которые возникли у творческих умов. Философии нельзя учиться потому, что в ней нет таких объективно понятых и обоснованных идей, и потому, – это одно и то же, – что ей недостает еще логически прочно установленных и, по своему смыслу, вполне ясных проблем, методов и теорий.

Я не говорю, что философия – несовершенная наука, я говорю просто, что она еще вовсе не наука, что в качестве науки она еще не начиналась, и за масштаб беру при этом хотя бы самую маленькую долю объективного обоснованного научного содержания. Несовершенны все науки, даже и вызывающие такой восторг точные науки. Они, с одной стороны, незаконченны, перед ними бесконечный горизонт открытых проблем, которые нкогда не оставят в покое стремления к познанию; с другой стороны, в ужеразработанном их содержании заключаются некоторые недостатки, там и сям обнаруживаются остатки неясности или несовершенства в систематическом распорядке доказательств и теорий. Но, как всегда, некоторое научное содержание есть в них в наличности, постоянно возрастая и все вновь и вновь разветвляясь. В объективной истинности, т.е. в объективно обоснованной правдоподобности удивительных теорий математики и естественных наук, не усомнится ни один разумный человек. Здесь, говоря вообще, нет места для «частных мнений», «воззрений», «точек зрения». Поскольку таковые в отдельных случаях еще встречаются, постольку наука оказывается еще не установившейся, только становящейся, и, как таковая, всеми подвергается обсуждению.

Совершенно иного рода, по сравнению с только что описанным несовершенством всех наук, несовершенство философии. Она располагает не просто неполной и только в отдельном несовершенной системой учений, но попросту не обладает вовсе системой. Все вместе и каждое в отдельности здесь спорно, каждая позиция в определенном вопросе есть дело инди-

видуального убеждения, школьного понимания, «точки зрения» .

Пусть то, что научная мировая философская литература предлагает нам в старое и новое время в качестве замыслов, основывается на серьезной, даже необъятной работе духа, более того, пусть все это в высокой мере подготовляет будущее построение научно строгих систем: но в качестве основы философской науки в настоящее время ничто из этого не может быть признано, и нет никаких надежд с помощью критики выделить тут или там частицу подлинного философского учения.

Нижеследующие соображения проникнуты мыслью, что великие интересы человеческой культуры требуют образования строго научной философии; что, вместе с тем, если философский переворот в наше время должен иметь свои права, то он во всяком случае должен быть одушевлен стремлением к новообоснованию философии в смысле строгой науки. Это стремление отнюдь не чуждо современности.

Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Логос. М., 1911. Кн. 1. С. 2, 2-3, 5, 46, 50-51, 53-54, 55.

Вопросы:

1. Почему Гуссерль хотел создать философию как строгую науку?
2. Какие науки – естественные или гуманитарные были для Гуссерля идеалом в построении философии как строгой науки?

Герменевтика

Гадамер Ханс Георг (1900-2002), немецкий философ, основатель философской герменевтики. Соч.: Истина и метод. Основы философской герменевтики (1960); Философская герменевтика (1967) и др.

Что такое понимание? Феномен понимания и правильного истолкования понятого является не только специальной методологической проблемой наук о духе. С давних пор существовала также и юридическая герменевтика, которая не столько носила научно-теоретический характер, сколько соответствовала и способствовала практическим действиям научно-образованных судьи или священника. Таким образом, уже по самому своему историческому происхождению проблема герменевтики выходит за рамки, полагаемые понятием о методе, как оно сложилось в современной науке. Понимание и истолкование текстов является не только научной задачей, но очевидным образом относится ко всей совокупности человеческого опыта в целом. Изначально герменевтический феномен вообще не является проблемой метода. Речь здесь идет не о каком-то методе понимания, который сделал бы тексты предметом научного познания, наподобие всех прочих предметов опыта. Речь здесь вообще идет в

первую очередь не о построении какой-либо системы прочно обоснованного познания, отвечающего методологическому идеалу науки, – и все-таки здесь тоже идет речь о познании и об истине. При понимании того, что передано нам исторической традицией, не просто понимаются те или иные тексты, но вырабатываются определенные представления и постигаются определенные истины. Что же это за познание и что это за истина?..

Феномен понимания не только пронизывает все связи человека с миром. Также и в науке он имеет самостоятельное значение и противодействует всем попыткам превратить его в какой-либо научный метод. Предлагаемые исследования опираются на это противодействие, утверждающее себя в рамках самой современной науки вопреки универсальным претензиям научной методики. Их задача состоит в том, чтобы раскрыть опыт постижения истины, превышающий область, контролируемую научной методикой, везде, где мы с ним сталкиваемся, и поставить вопрос о его собственном обосновании. Таким образом, науки о духе сближаются с способами постижения, которые лежат за пределами науки: с опытом философии, с опытом искусства, с опытом самой истории. Все это такие способы постижения, в которых возвещает о себе истина, не подлежащая верификации методологическими средствами науки.

Философия наших дней ясно сознает указанное положение дел. Однако вопрос о том, до какой степени может быть философски легитимирована претензия на истину подобных, стоящих вне науки способов познания, – это уже совершенно другой вопрос. Актуальность герменевтического феномена основывается, с моей точки зрения, на том, что лишь углубление в феномен понимания может привести к подобной легитимации. Это мое убеждение подкрепляется не в последнюю очередь тем, какое значение получила в современной философской работе история философии. Понимание исторической философской традиции предстает перед нами как некий возвышенный опыт, который с легкостью развеивает видимость исторического метода, лежащую на историко-философских изысканиях. К элементарному опыту философствования относится то, что классики философской мысли, когда мы пытаемся понять их, выдвигают такое притязание на истину, которое современное сознание не в силах ни отклонить, ни превзойти. Наивное самочувствование современности может возразить на это, что философское сознание тем самым заранее признает, что его собственное философское познание стоит на низшей, по сравнению с познанием Платона и Аристотеля, Лейбница, Канта или Гегеля, ступени. Многие склонны видеть определенную слабость современного философствования в том, что оно приступает к истолкованию и разработке классического наследия со столь откровенным признанием собственной несостоятельности. Совершенно ясно, однако, что гораздо большей слабостью философской мысли является такая установка философствующего, когда он предпочитает вовсе не подвергать себя подобному испытанию и валять ду-

рака на свой страх и риск. Тот факт, что при понимании текстов этих великих философов постигается истина, недостижимая никаким другим путем, следует признать, даже если подобное признание противоречит тому масштабу настойчивого исследования и непрерывного прогресса, которым современная наука меряет самое себя.

То же самое можно сказать и об опыте искусства. В данном случае научное исследование, которым занимается так называемое искусствознание, с самого начала сознает, что оно не в силах ни подменить собой, ни превзойти непосредственный опыт взаимодействия с искусством. Тот факт, что в произведении искусства постигается истина, недостижимая никаким иным путем, и составляет философское значение искусства, утверждающее себя вопреки всякому рационализированию. Таким образом, наряду с опытом философии опыт искусства оказывается настоятельнейшим призывом к научному сознанию признать свои собственные границы.

Предлагаемые исследования начинают поэтому с критики эстетического сознания, стремясь оградить тот опыт истины, к которому мы становимся причастны благодаря произведению искусства, от эстетической теории, суженной и обедненной тем понятием истины, какое сложилось в науке. На оправдании истины искусства они, однако, не останавливаются. Мы стремимся, скорее, исходя из этого пункта, развить понятие познания и истины, соответствующее целостности нашего герменевтического опыта. В опыте искусства мы имеем дело с истинами, решительно возвышающимися над сферой методического познания, то же самое можно утверждать и относительно наук о духе в целом, наук, в которых выше историческое предание во всех его формах хотя и становится предметом исследования, однако вместе с тем само обретает голос в своей истине. Опыт исторической традиции принципиально возвышается над тем, что в ней может быть исследовано. Он является не только истинным или ложным в том отношении, которое подвластно исторической критике, – он всегда возвещает такую истину, к которой следует приобщиться.

Таким образом, нижеследующие герменевтические штудии стремятся к тому, чтобы, исходя из опыта искусства и исторического предания, показать весь герменевтический феномен в его целостном значении. Речь вдет о том, чтобы признать в нем такой опыт истины, который не только должен быть философски обоснован, но который сам является способом философствования. Герменевтика, следовательно, о которой пойдет здесь речь, не является некоей методологией наук о духе, но представляет собой попытку договориться, наконец, о том, чем же поистине предстают науки о духе, помимо своего методологического самосознания, а также о том, что связывает их с целостностью нашего опыта о мире. И если мы делаем понимание предметом наших размышлений, то целью, которую мы ставим себе, выступает вовсе не учение об искусстве понимания текстов, к чему стремилась традиционная филологическая и теологическая герменевтика.

Подобное учение не отдавало бы себе отчета в том, что перед лицом той истины, которая обращается к нам из глубины исторического предания, Формально-искусное умение понимать и истолковывать означало бы совершенно неуместную претензию на превосходство. И если ниже будет показано, до какой степени всякое понимание является свершением и в сколь малой мере современное историческое сознание способно ослабить тетрадиции, в которых мы живем, то все это отнюдь не стремится дать наукам и самой жизненной практике какие-либо предписания, – все это пытается исправить ложные представления о том, чем они являются на самом деле.

Предлагаемые исследования надеются тем самым послужить на пользу истине, которая легко может померкнуть в наше подверженное чрезвычайно быстрым переменам время. Наше внимание приковано к тому, что изменяется, в гораздо большей степени, чем к тому, что остается прежним Таков всеобщий закон нашей духовной жизни. Перспективам, которые открываются благодаря опыту исторических перемен, постоянно угрожает поэтому опасность деформации, коль скоро предается забвению то, что постоянно и не подлежит изменениям. Мы живем, как мне кажется, в состоянии непрерывного перевозбуждения нашего исторического сознания. Следствием этого перевозбуждения и, как я попытаюсь показать, недоразумением является стремление перед лицом подобной переоценки исторических изменений опереться на вечный порядок природы и использовать человеческую естественность для обоснования идеи естественного права. Дело не только в том, что историческое предание и естественный порядок жизни образует единство мира, в котором живем мы, люди, – то, как мы воспринимаем друг друга, то, как мы воспринимаем историческое предание, то, наконец, как мы воспринимаем природные данности нашего существования и нашего мира, – все это образует действительный герменевтический универсум, в котором мы не заперты, как в непреложных границах, но которому и для которого мы открыты.

Размышление о том, чем является истина в науках о духе, не должно стремиться к мыслительному выделению самого себя из исторического предания, связанность которым сделалась для него очевидной. Такое размышление должно, следовательно, поставить себе самому требование, добиться от себя наивозможной исторической ясности своих собственных посылок. Стремясь понять универсум понимания лучше, чем это кажется достижимым, если исходить из понятия познания, выработанного современной наукой, оно должно искать также и иного отношения к тем понятиям, которыми оно само пользуется. Оно должно ясно сознавать, что его собственное понимание и истолкование не является чистым построением из принципов, но продолжением и развитием издалека идущего свершения. Оно не может поэтому просто и безотчетно пользоваться своими понятиями, но должно воспринять то, что дошло до него из их первоначаль-

ного значения.

Философские усилия нашего времени отличаются от классической философской традиции тем, что они уже не являются непосредственных и прямым продолжением этой традиции. При всей связанности со своими историческими истоками философия ясно сознает сегодня историческую, свое отстояние от классических образцов. Это выражается всего в изменившемся отношении к понятию. Сколь бы глубокими были преобразования европейской философии в прошлом – преобразования, связанные с латинизацией греческих понятий и с приспособлением понятий латинских к новым языкам, – сколь бы значительными ни их последствия, однако возникновение в последние несколько столетий исторического сознания означает все-таки еще более глубокий разрыв. Отныне преемственность традиций европейского мышления утрачивает свою неизменную континуальность. Ведь это означает исчезновение той наивности, с которой прежде можно было ставить понятия, почерпнутые из традиции, на службу собственной мысли. С тех пор отношение науки к этим понятиям отличается странной необязательностью, независимо от того, пользуются ли ими «ученые», чтобы не сказать архаизирующим, образом или же обходятся с ними по типу технического манипулирования, превращая их в простые орудия. Ни то, ни другое не удовлетворяет истине герменевтического опыта. Скорее следует сказать, что понятийная система, в которой развертывается философствование, всегда владела нами точно так же, как определяет нас язык, в котором мы живем. Осознать подобную предопределенность мышления понятиями – этого требует добросовестность мысли. Таково новое критическое сознание, неизбежно сопровождающее отныне всякое ответственное философствование <...>

Гадамер Г.Х. «Истина и метод. Основы философской герменевтики». М, 1988. С. 38-43.

Вопросы:

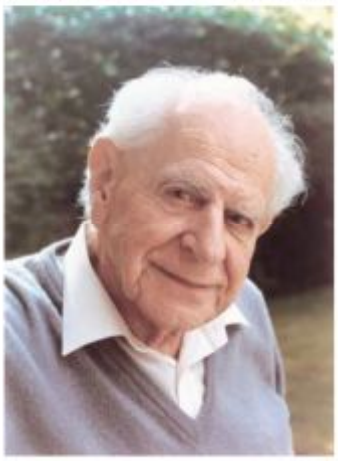
1. Что такое герменевтика как философское направление?
2. Что такое понимание?

Философия науки

Поппер Карл Раймунд (1902-1994*)* – австрийский и британский философ и социолог. Внес большой вклад в философию науки и социальную философию. Соч.: Логика и рост научного знания; Открытое общество и его враги; Объективное знание. Эволюционный подход и др.

Мир объективно существующего знания. «…С самого начала я хочу признать, что я реалист: я полагаю, отчасти подобно наивному реалисту, что существует физический мир и мир состояний сознания и что они взаимодействуют между собой, и я считаю также, что существует третий мир – в смысле, который я объясню подробно далее.

Обитателями моего третьего мира являются прежде всего теоретические системы, другими важными его жителями являются проблемы и проблемные ситуации. Однако его наиболее важными обитателями – это я буду специально доказывать – являются критические рассуждения и то, что может быть названо – по аналогии с физическим состоянием или состоянием сознания – состоянием дискуссий или состоянием критических споров; конечно, сюда относится и содержание журналов, книг и библиотек.

Большинство оппонентов идеи об объективном третьем мире, конечно, допускает, что существуют проблемы, предположения, теории, аргументы, рассуждения, журналы и книги. Но они обычно говорят, что все эти явления по своему характеру являются символическими или лингвистическими выражениями субъективных ментальных состояний или, возможно, поведенческих диспозиций к действию.

…в противоположность этому я утверждаю, что все эти явления и их содержание нельзя относить ко второму миру. Позвольте мне повторить одно из моих обычных обоснований (более или менее) независимого существования третьего мира.

Рассмотрим два мысленных эксперимента.

Эксперимент 1. Предположим, что все наши машины и орудия труда разрушены, а также уничтожены все наши субъективные знания, включая субъективные знания о машинах и орудиях труда и умение пользоваться ими. Однако библиотека и наша способность учиться, усваивать их содержание выжили. Понятно, что после преодоления значительных трудностей наш мир может начать развиваться снова.

Эксперимент 2. Как и прежде, машины и орудия разрушены, уничтожены и наши субъективные знания, включая субъективные знания о машинах и орудиях труда и умение пользоваться ими. Однако на этот раз уничтожены и все библиотеки, так что наша способность учиться, используя книги, становится невозможной.

Если вы поразмыслите над этими двумя экспериментами, то реальность, значение и степень автономии третьего мира (так же как и его воздействие на второй и первый миры) возможно, сделаются для вас немного более ясными. Действительно, во втором случае возрождение нашей цивилизации не произойдет в течение многих тысячелетий».

Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. // Логика и рост научного знания. – М., 1983. С.440-441.

Вопросы:

1.Как доказывал Поппер реальность и автономию третьего мира?

2.Почему Поппер считал принципиально важным признание объек-

тивного существования знания? Что, по-вашему, зависит от такой позиции?

Принцип фальсифицируемости. « (1) *Предварительный вопрос. Юмовская проблема индукции*, то есть вопрос о достоверности законов природы, возникает из явного противоречия между принципом эмпиризма (утверждающим, что только "опыт" позволяет судить об истинности или ложности фактуального высказывания) и осознанием того обстоятельства, что индуктивные (или обобщающие) рассуждения недостоверны.

Под влиянием Витгенштейна Шлик высказал мнение о том, что данное противоречие можно устранить, приняв допущение, что законы природы представляют собой "не подлинные высказывания", а "правила преобразования высказываний", то есть разновидность "псевдовысказываний".

Эту попытку решить проблему индукции (решение Шлика представляется мне чисто словесным) объединяет со всеми более ранними аналогичными попытками, а именно *априоризмом, конвенционализмом* и т. п., одно необоснованное допущение о том, что все подлинные высказывания в принципе должны быть полностью разрешимы, то есть верифицируемы или фальсифицируемы. Эту мысль можно выразить более точно: для всякого подлинного высказывания должна существовать логическая возможность как его (окончательной) эмпирической верификации, так и его (окончательной) эмпирической фальсификации.

Если отказаться от этого допущения, то становится возможным простое разрешение того противоречия, которое образует проблему индукции. Мы можем вполне последовательно интерпретировать законы природы и теории как подлинные высказывания, которые *частично разрешимы*, то есть они – по логическим основаниям – не верифицируемы, но *асимметричным образом только фальсифицируемы:* это высказывания, проверяемые путем систематических попыток их фальсификации.

Предлагаемое решение имеет то преимущество, что оно открывает путь также для решения второй, еще более фундаментальной проблемы теории познания (или теории эмпирического метода). Я имею в виду следующее.

(2) *Главная проблема.* Это – *проблема демаркации* (кантовская проблема границ научного познания), которую можно определить как проблему нахождения критерия, который позволил бы нам провести различие между утверждениями (высказываниями, системами высказываний), принадлежащими к эмпирической науке, и утверждениями, которые можно назвать "метафизическими".

Согласно решению этой проблемы, предложенному Витгенштейном, такое разделение достигается с помощью использования понятий "значение" или "смысл": каждое осмысленное, или имеющее значение, предложение должно быть функцией истинности "атомарных" предложений, то есть должно быть полностью логически сводимо к сингулярным высказы-

ваниям наблюдения или выводимо из них. Если некоторое утверждение, претендующее на роль научного высказывания, не поддается такому сведению, то оно “не имеет значения”, “бессмысленно”, является “метафизическим” или просто “псевдопредложением”. В итоге *метафизика оказывается бессмысленной чепухой*.

Может показаться, что, проведя такую линию демаркации, позитивисты достигли более полного успеха в уничтожении метафизики, чем все предшествующие антиметафизики. Однако этот метод приводит к уничтожению не только метафизики, но также и самого естествознания, ибо законы природы столь же несводимы к высказываниям наблюдения, как и рассуждения метафизиков. (Вспомним проблему индукции!) Если последовательно применять критерий значения Витгенштейна, то законы природы окажутся “бессмысленными псевдопредложениями”, следовательно, “метафизическими” высказываниями. Поэтому данная попытка провести линию демаркации терпит крах.

Догму значения или смысла и порождаемые ею псевдопроблемы можно устранить, если в качестве критерия демаркации принять *критерий фальсифицируемости*, то есть по крайней мере асимметричной или *односторонней* разрешимости. Согласно этому критерию, высказывания или системы высказываний содержат информацию об эмпирическом мире только в том случае, если они обладают способностью прийти в столкновение с опытом, или более точно – если их можно *систематически проверять*, то есть подвергнуть (в соответствии с некоторым “методологическим решением”) проверкам, результатом которых *может быть* их опровержении.

Таким образом, признание односторонне разрешимых высказываний позволяет нам решить не только проблему индукции (заметим, что существует лишь один тип умозаключения, осуществляемого в индуктивном направлении, а именно – дедуктивный modus tollens), но также более фундаментальную проблему демаркации – ту проблему, которая породила почти все другие проблемы эпистемологии. Наш критерий фальсифицируемости с достаточной точностью отличает теоретические системы эмпирических наук от систем метафизики (а также от конвенционалистских и тавтологических систем), не утверждая при этом бессмысленности метафизики (в которой с исторической точки зрения можно усмотреть источник, породивший теории эмпирических наук).

Поэтому, перефразировав и обобщив хорошо известное замечание Эйнштейна, эмпирическую науку можно охарактеризовать следующим образом: *в той степени, в которой научное высказывание говорит о реальности, оно должно быть фальсифицируемо, а в той степени, в которой оно не фальсифицируемо, оно не говорит о реальности*.

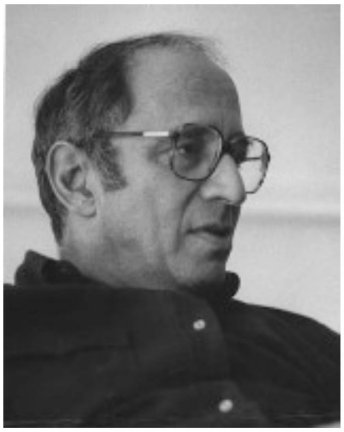
Логический анализ может показать, что роль (односторонней) *фальсифицируемости* как критерия *эмпирической науки* с формальной точки

зрения аналогична той роли, которую для *науки в целом* играет *непротиворечивость*. Противоречивая система не выделяет никакого собственного подмножества из множества всех возможных высказываний. Аналогичным образом, нефальсифицируемая система не в состоянии выделить никакого собственного подмножества из множества всех возможных "эмпирических" высказываний (всех сингулярных синтетических высказываний).

К. Поппер. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983 г. – с. 236-239.

Вопросы:

1. В чем состоит принцип фальсификации?
2. Какого рода высказывания не могут быть фальсифицируемы?

Томас Кун (1922-1996), американский философ и историк науки. Соч.: Структура научных революций (1962).

Концепция научных революций. «Можно ли в самом деле динамику Ньютона вывести из релятивистской динамики? …

В результате изменение в стандартах и проблемных областях физической науки оказалось опять-таки закономерным».

На пути к нормальной науке. В данном очерке термин "нормальная наука" означает исследование, прочно опирающееся на одно или несколько прошлых научных достижений – достижений, которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для его дальнейшей практической деятельности. В наши дни такие достижения излагаются, хотя и редко в их первоначальной форме, учебниками – элементарными или повышенного типа. Эти учебники разъясняют сущность принятой теории, иллюстрируют многие или все ее удачные применения и сравнивают эти применения с типичными наблюдениями и экспериментами. До того как подобные учебники стали общераспространенными, что произошло в начале XIX столетия (а для вновь формирующихся наук даже позднее), аналогичную функцию выполняли знаменитые классические труды ученых: "Физика" Аристотеля, "Альмагест" Птолемея, "Начала" и "Оптика" Ньютона, "Электричество" Франклина, "Химия" Лавуазье, "Геология" Лайеля и многие другие. Долгое время они неявно определяли правомерность проблем и методов исследования каждой области науки для последующих поколений ученых. Это было возможно благодаря двум существенным особенностям этих трудов. Их создание было в достаточной мере беспрецедентным, чтобы привлечь на длительное время группу сторонников из конкурирующих направлений научных исследований. В то же время они были достаточно открытыми, чтобы новые поколения ученых могли в их рамках найти для себя нерешенные проблемы лю-

бого вида.

Достижения, обладающие двумя этими характеристиками, я буду называть далее “парадигмами”, термином, тесно связанным с понятием “нормальной науки”. Вводя этот термин, я имел в виду, что некоторые общепринятые примеры фактической практики научных исследований – примеры, которые включают закон, теорию, их практическое применение и необходимое оборудование, – все в совокупности дают нам модели, из которых возникают конкретные традиции научного исследования. Таковы традиции, которые историки науки описывают под рубриками “астрономия Птолемея (или Коперника)”, “аристотелевская (или ньютонианская) динамика”, “корпускулярная (или волновая) оптика” и так далее. Изучение парадигм, в том числе парадигм гораздо более специализированных, чем названные мною здесь в целях иллюстрации, является тем, что главным образом и подготавливает студента к членству в том или ином научном сообществе. Поскольку он присоединяется таким образом к людям, которые изучали основы их научной области на тех же самых конкретных моделях, его последующая практика в научном исследовании не часто будет обнаруживать резкое расхождение с фундаментальными принципами. Ученые, научная деятельность которых строится на основе одинаковых парадигм, опираются на одни и те же правила и стандарты научной практики. Эта общность установок и видимая согласованность, которую они обеспечивают, представляют собой предпосылки для нормальной науки, то есть для генезиса и преемственности в традиции того или иного направления исследования.

Поскольку в данном очерке понятие парадигмы будет часто заменять собой целый ряд знакомых терминов, необходимо особо остановиться на причинах введения этого понятия. Почему то или иное конкретное научное достижение как объект профессиональной приверженности первично по отношению к различным понятиям, законам, теориям и точкам зрения, которые могут быть абстрагированы из него? В каком смысле общепризнанная парадигма является основной единицей измерения для всех изучающих процесс развития науки? Причем эта единица как некоторое целое не может быть полностью сведена к логически атомарным компонентам, которые могли бы функционировать вместо данной парадигмы. Когда мы столкнемся с такими проблемами в V разделе, ответы на эти и подобные им вопросы окажутся основными для понимания как нормальной науки, так и связанного с ней понятия парадигмы. Однако это более абстрактное обсуждение будет зависеть от предварительного рассмотрения примеров нормальной деятельности в науке или функционирования парадигм. В частности, оба эти связанные друг с другом понятия могут быть прояснены с учетом того, что возможен вид научного исследования без парадигм или по крайней мере без столь определенных и обязательных парадигм, как те, которые были названы выше. Формирование парадигмы и появление на ее

основе более эзотерического типа исследования является признаком зрелости развития любой научной дисциплины.

Кун Т. Структура научных революций. – М., 2001. С. 34-36.

Природа и необходимость научных революций. Эти замечания позволяют нам наконец рассмотреть проблемы, к которым нас обязывает само название этого очерка. Что такое научные революции и какова их функция в развитии науки? Большая часть ответов на эти вопросы была предвосхищена в предыдущих разделах. В частности, предшествующее обсуждение показало, что научные революции рассматриваются здесь как такие некумулятивные эпизоды развития науки, во время которых старая парадигма замещается целиком или частично новой парадигмой, несовместимой со старой. Однако этим сказано не все, и существенный момент того, что еще следует сказать, содержится в следующем вопросе. Почему изменение парадигмы должно быть названо революцией? Если учитывать широкое, существенное различие между политическим и научным развитием, какой параллелизм может оправдать метафору, которая находит революцию и в том и в другом?

Один аспект аналогии должен быть уже очевиден. Политические революции начинаются с роста сознания (часто ограничиваемого некоторой частью политического сообщества), что существующие институты перестали адекватно реагировать на проблемы, поставленные средой, которую они же отчасти создали. Научные революции во многом точно так же начинаются с возрастания сознания, опять-таки часто ограниченного узким подразделением научного сообщества, что существующая парадигма перестала адекватно функционировать при исследовании того аспекта природы, к которому сама эта парадигма раньше проложила путь. И в политическом и в научном развитии осознание нарушения функции, которое может привести к кризису, составляет предпосылку революции. Кроме того, хотя это, видимо, уже будет злоупотреблением метафорой, аналогия существует не только для крупных изменений парадигмы, подобных изменениям, осуществленным Лавуазье и Коперником, но также для намного менее значительных изменений, связанных с усвоением нового вида явления, будь то кислород или рентгеновские лучи. Научные революции, как мы отмечали в конце V раздела, должны рассматриваться как действительно революционные преобразования только по отношению к той отрасли, чью парадигму они затрагивают. Для людей непосвященных они могут, подобно революциям на Балканах в начале XX века, казаться обычными атрибутами процесса развития. Например, астрономы могли принять открытие рентгеновских лучей как простое приращение знаний, поскольку их парадигмы не затрагивались существованием нового излучения. Но для ученых типа Кельвина, Крукса и Рентгена, чьи исследования имели дело с теорией излучения или с катодными трубками, открытие рентгеновских лучей неизбежно нарушало одну парадигму и порождало другую. Вот почему эти

лучи могли быть открыты впервые только благодаря тому, что нормальное исследование каким-то образом зашло в тупик.

Этот генетический аспект аналогии между политическим и научным развитием не подлежит никакому сомнению. Однако аналогия имеет второй, более глубокий аспект, от которого зависит значение первого. Политические революции направлены на изменение политических институтов способами, которые эти институты сами по себе запрещают. Поэтому успех революций вынуждает частично отказаться от ряда институтов в пользу других, а в промежутке общество вообще управляется институтами не полностью. Первоначально именно кризис ослабляет роль политических институтов, так же, как мы уже видели, он ослабляет роль парадигмы. Возрастает число личностей, которые во все большей степени отстраняются от политической жизни, или же если не отстраняются, то в ее рамках поведение их становится более и более странным. Затем, когда кризис усиливается, многие из этих личностей объединяются между собой для создания некоторого конкретного плана преобразования общества в новую институциональную структуру. В этом пункте общество разделяется на враждующие лагери или партии; одна партия пытается отстоять старые социальные институты, другие пытаются установить некоторые новые. Когда такая поляризация произошла, *политический выход из создавшегося положения оказывается невозможным.* Поскольку различные лагери расходятся по вопросу о форме, в которой политическое изменение будет успешно осуществляться и развиваться, и поскольку они не признают никакой надынституциональной структуры для примирения разногласий, приведших к революции, то вступающие в революционный конфликт партии должны в конце концов обратиться к средствам массового убеждения, часто включая и силу. Хотя революции играли жизненно важную роль в преобразовании политических институтов, эта роль зависит частично от внеполитических и внеинституциональных событий.

Остальная часть настоящего очерка нацелена на то, чтобы показать, что историческое изучение парадигмального изменения раскрывает в эволюции наук характеристики, весьма сходные с отмеченными. Подобно выбору между конкурирующими политическими институтами, выбор между конкурирующими парадигмами оказывается выбором между несовместимыми моделями жизни сообщества. Вследствие того что выбор носит такой характер, он не детерминирован и не может быть детерминирован просто ценностными характеристиками процедур нормальной науки. Последние зависят частично от отдельно взятой парадигмы, а эта парадигма и является как раз объектом разногласий. Когда парадигмы, как это и должно быть, попадают в русло споров о выборе парадигмы, вопрос об их значении по необходимости попадает в замкнутый круг: каждая группа использует свою собственную парадигму для аргументации в защиту этой же парадигмы.

Т.Кун. Структура научных революций. – М., 1977. – с. 139-145. 2001 год

Вопросы:

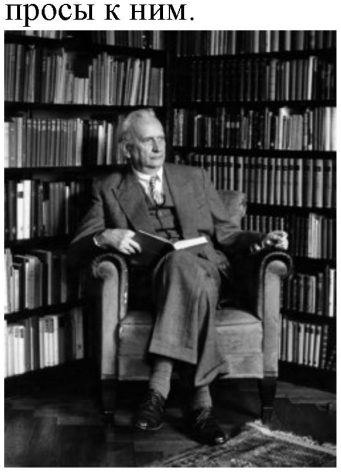
1. Что такое «нормальная наука»?
2. Что такое парадигма?
3. Что такое научная революция?

Экзистенциализм

Экзистенциализм – это философия культуры. В его становление значительный вклад внесли не только такие мыслители как Хайдеггер и Ясперс, но и такие писатели, как Достоевский и Толстой. Экзистенциалисты первыми определили сущность Свободы, связывая её со свободой выбора. Они первыми отметили, что человек есть Проект, то есть то, кем он может стать. Они заявили: прежде чем быть – нужно существовать.

Работа с первоисточниками

Ознакомьтесь с представленными ниже текстами и ответьте на вопросы к ним.

Ясперс Карл *(См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. С. 32-39).*

Осевое время. На Западе философия истории возникла на основе христианского вероучения. В грандиозных творениях от Августина до Гегеля эта вера видела поступь Бога в истории. Моменты божественного откровения знаменуют собой решительные повороты в потоке событий. Так, еще Гегель говорил: весь исторический процесс движется к Христу и идет от него. Явление Сына Божьего есть ось мировой истории. Ежедневным подтверждением этой христианской структуры мировой истории служит наше летосчисление.

Между тем христианская вера – это лишь одна вера, а не вера всего человечества. Недостаток ее в том, что подобное понимание мировой истории представляется убедительным лишь верующему христианину. Более того, и на Западе христианин не связывает свое эмпирическое постижение истории с этой верой. Догмат веры не является для него тезисом эмпирического истолкования действительного исторического процесса. И для христианина священная история отделяется по своему смысловому значению от светской истории. И верующий христианин мог подвергнуть анализу самую христианскую традицию, как любой другой эмпирический объект.

Ось мировой истории, если она вообще существует, может быть об-

наружена только эмпирически, как факт, значимый для всех людей, в том числе и для христиан. Эту ось следует искать там, где возникли предпосылки, позволившие человеку стать таким, каков он есть; где с поразительной плодотворностью шло такое формирование человеческого бытия, которое, независимо от определенного религиозного содержания, могло стать настолько убедительным – если не своей эмпирической неопровержимостью, то во всяком случае некоей эмпирической основой для Запада, для Азии, для всех людей вообще,- что тем самым для всех народов были бы найдены общие рамки понимания их исторической значимости. Эту ось мировой истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н.э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н. э. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день. Это время мы вкратце будем называть осевым временем.

1. Характеристика осевого времени

В это время происходит много необычайного. В Китае жили тогда Конфуций и Лао-цзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда; в философии – в Индии, как и в Китае,- были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки – Илия, Исайя, Иеремия и Второисайя; в Греции – это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга.

Новое, возникшее в эту эпоху в трех упомянутых культурах, сводится к тому, что человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира.

Все это происходило посредством рефлексии. Сознание осознавало сознание, мышление делало своим объектом мышление. Началась духовная борьба, в ходе которой каждый пытался убедить другого, сообщая ему свои идеи, обоснования, свой опыт. Испытывались самые противоречивые возможности. Дискуссии, образование различных партий, расщепление духовной сферы, которая и в противоречивости своих частей сохраняла их взаимообусловленность,- все это породило беспокойство и движение, граничащее с духовным хаосом.

В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы

мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности. Этот процесс заставил многих пересмотреть, поставить под вопрос, подвергнуть анализу все бессознательно принятые ранее воззрения, обычаи и условия. Все это вовлечено в водоворот. <...>

* * *

Мифологической эпохе с ее спокойной устойчивостью пришел конец. Основные идеи греческих, индийских, китайских философов и Будды, мысли пророков о Боге были далеки от мифа. Началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа (логоса против мифа), затем борьба за трансцендентного Бога, против демонов, которых нет, и вызванная этическим возмущением борьба против ложных образов Бога. Божество неизмеримо возвысилось посредством усиления этической стороны религии. Миф же стал материалом для языка, который теперь уже выражал не его исконное содержание, а нечто совсем иное, превратив его в символ. В ходе этого изменения (по существу, тоже мифотворческого), в момент, когда миф, как таковой, уничтожался, шло преобразование мифов, постижение их на большой глубине. Древний мифический мир медленно отступал, сохраняя, однако, благодаря фактической вере в него народных масс свое значение в качестве некоего фона, и впоследствии мог вновь одерживать победы в обширных сферах сознания.

Все эти изменения в человеческом бытии можно назвать одухотворением: твердые изначальные устои жизни начинают колебаться, покой полярностей сменяется беспокойством противоречий и антиномий. Человек уже не замкнут в себе. Он не уверен в том, что знает самого себя, и поэтому открыт для новых безграничных возможностей. Он способен теперь слышать и понимать то, о чем до этого момента никто не спрашивал и что никто не возвещал. Неслыханное становится очевидным. <...>

Впервые появились философы. Человек в качестве отдельного индивидуума отважился на то, чтобы искать опору в самом себе. Отшельники и странствующие мыслители Китая, аскеты Индии, философы Греции и пророки Израиля близки по своей сущности, как бы они ни отличались друг от друга по своей вере, содержанию и внутренней структуре своего учения. Человек может теперь внутренне противопоставить себя всему миру. Он открыл в себе истоки, позволяющие ему возвыситься над миром и над самим собой. <...>

Это – подлинный человек, который, будучи связан и скрыт плотью, скован своими влечениями, лишь смутно осознавая самого себя, стремится к освобождению и спасению и действительно способен обрести его уже в этом мире в порыве вознесения к идее, в несокрушимом спокойствии души, в медитации, в понимании того, что он сам и весь мир есть атман, в состоянии нирваны, в единении с дао или в покорности воле Божьей. По своей настроенности и по содержанию веры эти пути к спасению сильно от-

личаются друг от друга, но общее здесь то, что человек выходит за пределы своего индивидуального существования, сознавая свое место в целостности бытия, что он вступает на путь, пройти который он должен в качестве данной индивидуальности. Он может отказаться от всех мирских благ, уйти в пустыню, в лес, в горы; став отшельником, познать творческую силу одиночества и вернуться в мир обладателем знания, мудрецом, пророком. В осевое время произошло открытие того, что позже стало называться разумом и личностью.

То, что достигается отдельным человеком, отнюдь не становится общим достоянием. В те времена дистанция между вершинами человеческих возможностей и массой была чрезвычайно велика. Однако то, чем становится единичный человек, косвенным образом изменяет всех людей. Человечество в целом совершает скачок. <…> Постоянное общение способствовало интенсивному духовному движению в каждом из трех миров. Китайские философы (Конфуций, Мо-цзы и другие) странствовали, чтобы встретиться друг с другом в знаменитых, благотворных для духовной жизни центрах (они основывали школы, которые синологи называют академиями) совершенно так же, как странствовали софисты и философы Эллады и как всю свою жизнь странствовал Будда. Прежде духовное состояние людей было сравнительно неизменным, в нем, несмотря на катастрофы, будучи ограниченным по своему горизонту, все повторялось в незаметном и очень медленном духовном течении, которое не осознавалось и поэтому не познавалось. Теперь же, напротив, напряжение растет и становится основой бурного, стремительного движения.

И это движение осознается – человеческое существование в качестве истории становится теперь предметом размышлений. Люди ощущают, знают, что в их время, в настоящем, начинается нечто исключительное. А это, в свою очередь, ведет к осознанию того, что данному настоящему предшествовало бесконечное прошлое. Уже на ранней стадии такого пробуждения собственно человеческого духа человек преисполнен воспоминаний; у него создается впечатление, что он живет на поздней стадии развития, более того, в период упадка.

Люди ощущают близость катастрофы, стремятся помочь пониманием, воспитанием, введением реформ. Планируя, они пытаются овладеть ходом событий, восстановить необходимые условия или создать новые. История в ее целостности мыслится как последовательная смена различных образов мира: либо в сторону постоянного ухудшения, либо как круговорот или подъем. Создаются теории, которые должны определить, как наилучшим образом устроить совместную жизнь людей, управлять и править ими. Реформаторские идеи подчиняют себе деятельность людей. Философы переходят из государства в государство, выступают как советники и учителя, их презирают и вместе с тем ищут, они полемизируют и соревнуются друг с другом. <...>

Эпоха, в которой все это происходило на протяжении веков, не была периодом простого поступательного развития. Это было время уничтожения и созидания одновременно. И завершения достигнуто не было. Высшие возможности мышления и практики, получившие свое осуществление в отдельных личностях, не стали общим достоянием, ибо большинство людей не могло следовать по этому пути. То, что вначале было в этом движении свободой, стало в конечном итоге анархией. И когда эта эпоха лишилась творческого начала, в трех областях культуры было произведено фиксирование концептуальных воззрений и их нивелирование. Из беспорядка, ставшего невыносимым, возникло тяготение к новому единению в деле воссоздания прочных условий жизни.

Завершение носит прежде всего политический характер. Почти одновременно в ходе завоевания насильственно создаются большие могущественные империи – в Китае (Цинь Ши-Хуанди), в Индии (династия Маурья), на Западе (эллинистические государства и imperium Romanum). Повсюду, возникая из руин, складывался прежде всего технически и организационно планомерный порядок. <...>

Предполагалось, что сложившиеся в конце осевого времени мировые империи будут существовать вечно. Однако их стабильность была иллюзорной. Если по сравнению с государственными образованиями осевого времени существование этих империй и было достаточно длительным, то в конечном итоге они также пришли в упадок и распались. Последующие тысячелетия принесли большие изменения. В этом аспекте гибель и возрождение великих империй составляли историю послеосевого времени, продолжали историю великих культур древности, которая длилась много тысячелетий; однако различие заключалось в том, что возникшее в осевое время духовное напряжение с той поры не переставало оказывать свое воздействие на людей, придавая их деятельности новую неопределенность и новое значение.

2. Попытка наметить структуру мировой истории, отправляясь от осевого времени <...>

... Осевое время как бы проливает свет на всю историю человечества, причем таким образом, что вырисовывается нечто, подобное структуре мировой истории. Попытаюсь наметить эту структуру:

1. Осевое время знаменует собой исчезновение великих культур древности, существовавших тысячелетиями. Оно растворяет их, вбирает их в себя, предоставляет им гибнуть – независимо от того, является ли носителем нового народ древней культуры или другие народы. Все то, что существовало до осевого времени, пусть оно даже было величественным, подобно вавилонской, египетской, индийской или китайской культуре, воспринимается как нечто дремлющее, непробудившееся. Древние культуры продолжают существовать лишь в тех своих элементах, которые вошли в осевое время, восприняты новым началом. По сравнению с ясной челове-

ческой сущностью осевого времени предшествующие ему древние культуры как бы скрыты под некоей своеобразной пеленой, будто человек того времени еще не достиг подлинного самосознания. <...> Монументальность в религии, в религиозном искусстве и в соответствующих им огромных авторитарных государственных образованиях была для людей осевого периода предметом благоговения и восхищения, подчас даже образцом (например, для Конфуция, Платона), но таким образом, что смысл этих образцов в новом восприятии совершенно менялся.

Так, идея империи, которая к концу осевого времени вновь обретает силу и в политическом отношении завершает этот период, заимствована у великих культур древности. Однако если первоначально эта идея была творческим принципом культуры, то теперь она становится принципом консервации и стабилизации гибнущей культуры. Создается впечатление, будто принцип, который некогда служил импульсом развития, принцип, фактически деспотичный, теперь вновь утверждается, но уже в качестве осознанно деспотического, и, замораживая общество, ведет к окостенению и застылости.

2. Тем, что свершилось тогда, что было создано и продумано в то время, человечество живет вплоть до сего дня. В каждом своем порыве люди, вспоминая, обращаются к осевому времени, воспламеняются идеями той эпохи. С тех пор принято считать, что воспоминание и возрождение возможностей осевого времени – Ренессанс – ведет к духовному подъему. Возврат к этому началу – постоянно повторяющееся явление в Китае, Индии и на Западе.

3. Вначале осевое время ограничено в пространственном отношении, но исторически оно становится всеохватывающим. Народы, не воспринявшие идей осевого периода, остаются на уровне «природного» существования, их жизнь неисторична, подобно жизни множества людей на протяжении десятков тысяч и сотен тысяч веков. Люди вне трех сфер, составляющих осевое время, либо остались в стороне, либо вошли в соприкосновение с каким-либо из этих трех центров духовного излучения. В последнем случае они вошли в историю. Так, в орбиту осевого времени были втянуты на Западе германские и славянские народы, на Востоке – японцы, малайцы и сиамцы. Для многих пребывавших на уровне природного существования народов такого рода соприкосновение означало вымирание. Все жившие после осевого времени люди остались на уровне первобытных народов либо приняли участие в новом движении – единственном, имевшем основополагающее значение. Первобытные народы в период, когда уже существует история, являют собой пережиток доистории, сфера которой все время сокращается вплоть до того момента, когда она – и это происходит только теперь – полностью исчезает.

4. Между тремя сферами, о которых здесь идет речь, возможно – если они соприкасаются – глубокое взаимопонимание. Встречаясь, они осо-

знают, что в каждом из них речь идет об одном и том же. При всей отдаленности они поражают своим сходством. Правда, здесь нет того, что доступно объективации как общезначимая истина (впрочем, это вообще возможно только в строгой, методически продуманной науке, которая способна без какого-либо преобразования распространиться на весь мир и призывает всех к соучастию); однако то подлинное и безусловно истинное, чем мы, люди, черпая из различных источников, живем в нашей истории, соотносится друг с другом и распознается в разных культурах.

Все это можно резюмировать следующим образом: осевое время, принятое за отправную точку, определяет вопросы и масштабы, прилагаемые ко всему предшествующему и последующему развитию. Предшествующие ему великие культуры древности теряют свою специфику. Народы, которые были их носителями, становятся для нас неразличимыми по мере того, как они примыкают к движению осевого времени. Доисторические народы остаются доисторическими вплоть до того времени, пока они не растворятся в историческом развитии, идущем от осевого времени; в противном случае они вымирают. Осевое время ассимилирует все остальное. Если отправляться от него, то мировая история обретает структуру и единство, способные сохраниться во времени, и, во всяком случае, сохранившиеся до сего дня.

Вопросы к тексту:

1. Почему Ясперс обращается к осевому времени?
2. Что такое осевое время?
3. Какова связь осевого времени с современностью?

Хайдеггер М. *(См.: Вопросы философии. 1993, № 8. С. 113-123).*

Что это такое – философия? Своим вопросом мы касаемся одной темы, весьма широкой, что называется, пространной. Так как тема широкая, она остается неопределенной. Так как она неопределенна, мы можем подходить к ней с самых разных точек зрения. При этом мы постоянно будем наталкиваться на что-то правильное. Однако поскольку при обсуждении столь широкой темы перемешиваются самые различные мнения, нам угрожает опасность того, что наш разговор останется без надлежащего средоточия.

Поэтому мы должны пытаться определить вопрос точнее. Таким образом мы придадим разговору устойчивое направление и он выйдет на некоторый путь. Я говорю: некоторый путь. Тем самым мы признаем, что этот путь, безусловно, не является единственным. Должно даже остаться открытым, поистине ли тот путь который я хотел бы указать в дальнейшем, позволяет нам поставить вопрос к получить ответ.

Но если мы допустим, что могли бы найти путь более точного определение вопроса, то немедленно возникнет серьезное возражение против самой темы нашей беседы. Спрашивая: что это такое – философия? – мы говорим о философии. Таким образом, мы явно пребываем над философией, т.е. вовне. Однако цель нашего вопроса – войти в философию, обосноваться в ней, вести себя в согласии с нею, т.е. «философствовать». Ход нашей беседы поэтому не просто должен иметь ясное направление, но ее направление должно одновременно гарантировать, что мы движемся внутри философии, а не вне ее и не вокруг.

Наш разговор, следовательно, должен идти по такому пути и в таком направлении, чтобы то, о чем говорит философия, относилось к нам самим, задевало нас, причем именно в нашей сути.

Но не станет ли тогда философия делом склонностей, эмоций и чувств?

«И с прекрасными чувствами люди создают плохую литературу». Эти слова Андре Жида распространяются не только на литературу, но еще более на философию. Чувства даже самые прекрасные, не имеют отношения к философии. Чувства принято считать чем-то иррациональным. Философия же, напротив, не только представляет собой нечто рациональное, а является подлинной держательницей разума. Но утверждая это, мы неожиданно для себя вынесли решение о том, что такое философия. Мы уже предварили свой вопрос неким ответом. Всякий признает правильным высказывание, что философия есть дело разума. Может быть, однако, это поспешный и необдуманный ответ на вопрос: Что это такое – философия? Ведь мы можем сразу противопоставить этому ответу новые вопросы. Что такое – разум (die Ratio, die Vernunft)? Где и кем было решено, что такое разум? Сам ли разум сделал себя господином философии? Если «да», то по какому праву? Если «нет», то откуда он получил свое назначение и свою роль? И если то, что считается разумом, впервые утвердилось лишь благодаря философии и в ходе ее истории, тогда нехорошо заранее выдавать философию за дело разума. Однако как только мы подвергаем сомнению характеристику философии как некоего рационального поведения, становится сомнительным равным образом и то, относится ли философия по ведомству иррационального. Ибо тот, кто хочет определить философию как иррациональное, берет в качестве критерия разграничения рациональное, и сущность разума снова считается чем-то само собою разумеющимся.

С другой стороны, когда мы указываем, что философия способна касаться и задевать нас, людей, в самой нашей сути, эта способность может не иметь никакого отношения к тому, что обычно называют эмоциями и чувствами, одним словом, иррациональным.

Из сказанного мы заключаем пока только одно: требуется величайшая тщательность, когда мы отваживаемся начать разговор на тему «что это такое – философия?»

Прежде всего мы пытаемся вывести вопрос на четко направленный путь, дабы не плутать в произвольных и случайных представлениях о философии. Однако как нам найти тот надежный путь, на котором мы определим свой вопрос?

Путь, на который я хотел бы теперь указать, лежит непосредственно перед нами. И только из-за того, что он ближайший, мы находим его с трудом. Но и найдя, движемся по нему все-таки неуверенно. Мы спрашиваем: что это такое – философия? Слово «философия» мы произносили уже достаточно часто. Однако если мы больше не употребляем его как затертое наименование, если вместо этого слышим слово «философия» из его истока, то оно звучит так: φιλοσοφία. Слово «философия» говорит теперь по-гречески. Греческое слово, именно как греческое, есть некий путь. Путь, с одной стороны, лежит перед нами, поскольку наши предшественники произносили это слово с давних пор. С другой же стороны, он остался за нами, поскольку это слово мы постоянно слышали и произносили сами. Таким образом, греческое слово φιλοσοφία есть путь, по которому мы идем. Однако мы знаем этот путь еще слишком приблизительно, хотя располагаем множеством исторических сведений о греческой философии и можем их расширить.

Слово φιλοσοφία говорит нам, что философия есть нечто такое, что впервые определило существование греческого мира. И не только – φιλοσοφία определяет также глубинную черту нашей западноевропейской истории. Часто употребляемое выражение «западноевропейская история» на самом деле есть тавтология. Почему? Потому, что «философия» является греческой в своей сущности, – «греческой» здесь означает: сама сущность философии коренится в том, что она завладела сначала греческим миром, и только им, чтобы развернуть себя в нем.

Вопросы к тексту:

1. Что такое «философия» по Хайдеггеру?
2. Почему Хайдеггер настаивает на её греческой сущности?
3. Почему Шопенгауэр, Ницше и Хайдеггер предлагают вернуться к досократикам.

Сартр Ж.-П. *(См.: Сумерки богов. – М.: «Политиздат», 1989. С. 319-344).*

Экзистенциализм – это гуманизм. Я хотел бы выступить здесь в защиту экзистенциализма от ряда упреков, высказанных в адрес этого учения.

Прежде всего, экзистенциализм обвиняют в том, будто он призывает погрузиться в квиетизм отчаяния: раз никакая проблема вообще не разрешима, то не может быть и никакой возможности действия в мире; в конечном итоге это созерцательная философия, а поскольку созерцание – роскошь,

то мы вновь приходим к буржуазной философии. Таковы главным образом обвинения со стороны коммунистов.

С другой стороны, нас обвиняют в том, что мы подчеркиваем человеческую низость, показываем всюду гнусное, темное, липкое и пренебрегаем многим приятным и красивым, отворачиваемся от светлой стороны человеческой натуры. Так, например, критик, стоящий на позициях католицизма, – г-жа Мерсье обвиняла нас в том, что мы забыли об улыбке ребенка. Те и другие упрекают нас в том, что мы забыли о солидарности людей, смотрим на человека как на изолированное существо; и это следствие того, что мы исходим, как заявляют коммунисты, из чистой субъективности, из картезианского «я мыслю», то есть опять-таки из такого момента, когда человек постигает себя в одиночестве, и это будто бы отрезает нам путь к солидарности с людьми, которые находятся вовне и которых нельзя постичь посредством cogito.

Со своей стороны христиане упрекают нас еще и в том, что мы отрицаем реальность и значение человеческих поступков, так как, уничтожая божественные заповеди и вечные ценности, не оставляем ничего, кроме произвола: всякому позволено поступать, как ему вздумается, и никто не может судить о взглядах и поступках других людей.

На все эти обвинения я постараюсь здесь ответить, именно поэтому я и озаглавил эту небольшую работу «Экзистенциализм – это гуманизм». Многих, вероятно, удивит, что здесь говорится о гуманизме. Разберем, какой смысл мы в него вкладываем. В любом случае мы можем сказать с самого начала, что под экзистенциализмом мы понимаем такое учение, которое делает возможной человеческую жизнь и которое, кроме того, утверждает, что всякая истина и всякое действие предполагают некоторую среду и человеческую субъективность.

Основное обвинение, нам предъявляемое, состоит, как известно, в том, что мы обращаем особое внимание на дурную сторону человеческой жизни. Мне рассказывали недавно об одной даме, которая, обмолвившись грубым выражением, заявила в виде извинения «Кажется, я становлюсь экзистенциалисткой». Следовательно, экзистенциализм уподобляют непристойности, а экзистенциалистов объявляют «натуралистами». Но, если мы действительно натуралисты, вызывает крайнее удивление, что мы можем пугать и шокировать в гораздо большей степени, чем натурализм в собственном смысле. Человек, относящийся терпимо к такому роману Золя, как «Земля», испытывает отвращение, читая экзистенциалистский роман; человек, ссылающийся на народную мудрость, которая весьма пессимистична, находит нас законченными пессимистами. И в то же время трезво рассуждают по поводу того, что «своя рубашка ближе к телу» или что «собака любит палку». Есть множество других общих мест, говорящих о том же самом: не следует бороться с установленной властью, против силы не пойдешь, выше головы не прыгнешь, любое не подкрепленное традицией

действие – романтика; всякая попытка, не опирающаяся на опыт, обречена на неудачу, а опыт показывает, что люди всегда скатываются вниз, что для того, чтобы их удержать, нужно нечто твердое, иначе воцарится анархия. И, однако, те самые люди, которые пережевывают эти пессимистические поговорки, которые заявляют всякий раз, когда они видят какой-нибудь более или менее отвратительный поступок: «Да, таков человек!», и которые кормятся этими «реалистическими напевами», – эти же люди упрекают экзистенциализм в излишней мрачности, и притом так упрекают, что иногда спрашиваешь себя: не за то ли они им недовольны, что он, наоборот, слишком оптимистичен? Что, в сущности, пугает в этом учении? Не тот ли факт, что оно дает человеку возможность выбора? Чтобы это выяснить, надо рассмотреть вопрос в строго философском плане. Итак, что такое экзистенциализм?

Большинству людей, употребляющих это слово, было бы очень трудно его разъяснить, ибо ныне, когда оно стало модным, экзистенциалистами стали объявлять и музыкантов, и художников. Один хроникер в «Кларте» тоже подписывается «Экзистенциалист». Слово приобрело такой широкий и пространный смысл, что, в сущности, уже ничего ровным счетом не означает. Похоже на то, что в отсутствие авангардного учения, вроде сюрреализма, люди, падкие на сенсации и жаждущие скандала, обращаются к философии экзистенциализма, которая, между тем, в этом отношении ничем не может им помочь. Ведь это исключительно строгое учение, меньше всего претендующее на скандальную известность и предназначенное прежде всего для специалистов и философов. Тем не менее можно легко дать ему определение.

Дело, впрочем, несколько осложняется тем, что существуют две разновидности экзистенциалистов: во-первых, это христианские экзистенциалисты, к которым я отношу Ясперса и исповедующего католицизм Габриэля Марселя; и, во-вторых, экзистенциалисты-атеисты, к которым относятся Хайдеггер и французские экзистенциалисты, в том числе я сам. Тех и других объединяет лишь убеждение в том, что существование предшествует сущности, или, если хотите, что нужно исходить из субъекта. Как это, собственно, следует понимать?

Возьмем изготовленный человеческими руками предмет, например книгу или нож для разрезания бумаги. Он был сделан ремесленником, который руководствовался при его изготовлении определенным понятием, а именно понятием ножа, а также заранее известной техникой, которая предполагается этим понятием и есть, в сущности, рецепт изготовления. Таким образом, нож является предметом, который, с одной стороны, производится определенным способом, а с другой – приносит определенную пользу. Невозможно представить себе человека, который бы изготовлял этот нож, не зная, зачем он нужен. Следовательно, мы можем сказать, что у ножа его сущность, то есть сумма приемов и качеств, которые позволяют

его изготовить и определить, предшествует его существованию. И это обусловливает наличие здесь, передо мной, данного ножа или данной книги. В этом случае мы имеем дело с техническим взглядом на мир, согласно которому изготовление предшествует существованию.

Когда мы представляем себе бога-творца, то этот бог по большей части уподобляется своего рода ремесленнику высшего порядка. Какое бы учение мы ни взяли – будь то учение Декарта или Лейбница, – везде предполагается, что воля в большей или меньшей степени следует за разумом или, по крайней мере, ему сопутствует и что бог, когда творит, отлично себе представляет, что именно он творит. Таким образом, понятие «человек» в божественном разуме аналогично понятию «нож» в разуме ремесленника. И бог творит человека, сообразуясь с техникой и замыслом, точно так же, как ремесленник изготовляет нож в соответствии с его определением и техникой производства. Так же и индивид реализует какое-то понятие, содержащееся в божественном разуме.

В XVIII веке атеизм философов ликвидировал понятие бога, но не идею о том, что сущность предшествует существованию. Эту идею мы встречаем повсюду у Дидро, Вольтера и даже у Канта. Человек обладает некой человеческой природой. Эта человеческая природа, являющаяся «человеческим» понятием, имеется у всех людей. А это означает, что каждый отдельный человек – лишь частный случай общего понятия «человек». У Канта из этой всеобщности вытекает, что и житель лесов – естественный человек, и буржуа подводятся под одно определение, обладают одними и теми же основными качествами. Следовательно, и здесь сущность человека предшествует его историческому существованию, которое мы находим в природе.

Атеистический экзистенциализм, представителем которого являюсь я, более последователен. Он учит, что если даже бога нет, то есть по крайней мере одно бытие, у которого существование предшествует сущности, бытие, которое существует прежде, чем его можно определить каким-нибудь понятием, и этим бытием является человек, или, по Хайдеггеру, человеческая реальность. Что это означает «существование предшествует сущности»? Это означает, что человек сначала существует, встречается, появляется в мире, и только потом он определяется.

Для экзистенциалиста человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам. Таким образом, нет никакой природы человека, как нет и бога, который бы ее задумал. Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать. И поскольку он представляет себя уже после того, как начинает существовать, и проявляет волю уже после того, как начинает существовать, и после этого порыва к существованию, то он есть лишь то, что сам из себя делает. Таков первый

принцип экзистенциализма. Это и называется субъективностью, за которую нас упрекают. Но что мы хотим этим сказать, кроме того, что у человека достоинства больше, нежели у камня или стола? Ибо мы хотим сказать, что человек прежде всего существует, что человек – существо, которое устремлено к будущему и сознает, что оно проецирует себя в будущее. Человек – это прежде всего проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста. Ничто не существует до этого проекта, нет ничего на умопостигаемом небе, и человек станет таким, каков его проект бытия. Не таким, каким он пожелает. Под желанием мы обычно понимаем сознательное решение, которое у большинства людей появляется уже после того, как они из себя что-то сделали. Я могу иметь желание вступить в партию, написать книгу, жениться, однако все это лишь проявление более первоначального, более спонтанного выбора, чем тот, который обычно называют волей. Но если существование действительно предшествует сущности, то человек ответствен за то, что он есть. Таким образом, первым делом экзистенциализм отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование.

Вопросы к тексту:

1. Что такое экзистенциализм, по Сартру?
2. К какому направлению экзистенциализма относится философия Сартра?
3. Как соотносятся между собой понятия «сущность» и «существование».
4. Что такое человек, по Сартру?

Постмодернизм

Постмодернизм – это культурное и философское течения, появившиеся в 80-х годах прошлого века. Как культурное течение постмодернизм соответствует постиндустриальному обществу и финансовому капитализму. Как философское течение рассматривает следующие вопросы:

- Сомнение в том, что правда, есть просто объективное представление реальности.
- Исследование путей как с помощью языков различные общества конструируют разные реальности.
- Предпочтение локального и специфического над общим и абстрактным.
- Желание рассматривать поверхность, а не искать суть.
- Признание существования множественности реальностей.
- Возможность самоидентификации человека в мире, состоящем из множества равноправных реальностей.
- Роль образов и знаков в современном мире.

Работа с первоисточниками

Ознакомьтесь с представленными ниже фрагментами работ современных западных философов и ответьте на поставленные вопросы

Лиотар Ж.-П. (р. 1924), современный французский философ *(См.: Лиотар Ж.-П. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 1998).*

«Наша рабочая гипотеза состоит в том, что по мере вхождения общества в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуры – в эпоху постмодерна, изменяется статус знания. Этот переход начался по меньшей мере с конца пятидесятых годов… Он был более или менее быстрым в зависимости от положения страны, а внутри нее – от сектора активности, отсюда его общая рассогласованность, затрудняющая изображение целого… <…>

При таком всеобщем изменении природа знания не может оставаться неизменной. Знание может проходить по другим каналам и становиться операциональным только при условии его перевода в некие количества информации. Следовательно, мы можем предвидеть, что все непереводимое в установленном знании, будет отброшено, а направления новых исследований будет подчиняться условию переводимости возможных результатов на язык машин.

…Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте, и в обоих этих случаях, чтобы быть обмененным. Оно перестает быть самоцелью и теряет свою «потребительскую стоимость». <…>

…В форме информационного товара, необходимого для усиления производительной мощи, знание уже является и будет важнейшей, а может самой значительной ставкой в мировом соперничестве за власть. Также как национальные государства боролись за освоение территорий, а затем за распоряжение и эксплуатацию сырьевых ресурсов и дешевой рабочей силы, надо полагать, они будут бороться в будущем за освоение информации» [С. 14, 17-18, 20].

Вопросы для обсуждения

1. Как изменяется статус знания в постиндустриальную эпоху?

Kvale S. *(См.: Kvale S. Themes of postmodernity // The Fontana postmodernism reader. Edited by Anderson W. T. Glasgow, 1996).*

«Мысль постмодернизма, характеризуется потерей веры в объективный мир и не доверию к легитимности. С делегитимизацией глобальной системы идей нет больше оснований сохранять веру в универсальную и объективную реальность. Сегодня возрастает уверенность в том, что реальность – это не то к чему мы привыкли.

В философии – это означает отход от представления, что объективная реальность субъективно представлена в наших головах с помощью ор-

ганов чувств и объективно в научных моделях. Не существует чистых не подверженных, интерпретации фактов. Все факты порождены той или иной теорией. В науке представление о существовании объективной реальности является интересной гипотезой. Эта гипотез абсолютно не является необходимой для работы. Знание превратилось в умение осуществлять успешные действия.

Для постмодернизма характерен акцент на социальную и знаковую конструкцию воспринимаемой реальности. Развитие технологий и особенно электронных масс медиа взрывным образом увеличили возможность восприятия, что подорвало веру в одну объективную реальность. В мире медиа разрушилась граница между реальностью и фантазией. Ей на смену пришёл мир гиперреальности как мир отсылающих друг к другу знаков. Это означает, что знак отсылает к другому знаку, а текст к другому тексту» [P. 19]..

Вопросы для обсуждения

1. Как постмодернизм относится к существованию объективной реальности?
2. Что такое гиперреальность?
3. Как постмодернизм оценивает роль масс медиа в современном мире.

Gencks C. *(См.: Gencks C. What is post – modernism? // The Fontana post – modernism reader. Edited by Anerson W. T. Glasgow, 1996).*

«Эпоха постмодернизма – это эпоха постоянного выбора. Это эпоха, когда не одна ортодоксальная идея или традиция не может восприниматься без неловкости и иронии. Так как все идеи и традиции имеют одинаковые обоснования. Частично – это следствие информационного взрыва и наступление мира знаний, кибернетики и коммуникаций. Не только богатые превращаются в коллекционеров возможностей и электронных путешественников во времени, но и любой городской житель имеет избыток выбора. Плюрализм – это «изм» нашего времени, что есть и большая возможность и большая проблема…» [P. 2].

Вопросы для обсуждения

1. Что из себя представляет эпоха постмодернизма?
2. С вашей точки зрения, какие возможности предоставляет и какие проблем создаёт плюрализм?

Baudrillard J. *(См.: Baudrillard J. The map precedes the territory // The Fontana post – modernism reader. Edited by Anderson W. T. Glasgow, 1996).*

«Существовало несколько последовательных фаз, которые проходил образ:

- образ отражал исходную реальность
- образ маскировал и искажал исходную реальность
- образ маскировал отсутствие исходной реальности
- образ не имел к реальности никакого отношения, то есть он стал

чистым симулякром.

В первом случае образ – это хороший образ – это представление о таинстве.

Во втором случае – это злой образ – это представление о зле.

В третьем случае – это притворство – это представление о черной магии.

В четвёртом случае – это больше не представление – это чистый симулякр» [Р. 77].

Вопросы для обсуждения

1. Какие фазы развития, согласно Жану Бодрийару, проходит образ.
2. Что такое симулякр.
3. Приведите примеры присутствия симулякров в современном мире.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
Тема 1. ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ 4
Тема 2. ДРЕВНЕВОСТОЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ 12
Тема 3. АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ 26
Тема 4. ФИЛОСОФИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 48
Тема 5. ФИЛОСОФИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ 65
Тема 6. ФИЛОСОФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ 80
Тема 7. ФИЛОСОФИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ. XVIII В. 99
Тема 8. НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ 114
Тема 9. ИРРАЦИОНАЛИЗМ А. ШОПЕНГАУЭРА И Ф. НИЦШЕ 131
Тема 10. ФИЛОСОФИЯ В РОССИИ. XIX-XX ВВ. 142
Тема 11. СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ 151